

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»
**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В. И. Бакштановский

**ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА:
инновационный курс
для магистр(ант)ов и профессоров**

Часть 2

Тюмень
ТюмГНГУ
2012

УДК 17
ББК 87.75
Б 19

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, академик РАН,
директор Института философии РАН А. А. Гусейнов;
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры этики МГУ А. В. Прокофьев

Бакштановский В.И.

Б 19 Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть вторая) : учебное пособие / В. И. Бакштановский. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012. – 268 с.

ISBN 978-5-9961-0585-4

Курс – опыт учебного пособия, представляющего инновационную парадигму, долгое время первую и единственную в современной отечественной прикладной этике. Курс сосредоточен на процессе креации инновационной парадигмы в целом и конкретных ее проектов. Тем самым и магистр(ант)ы, и профессора получают возможность включиться в творческое, а не только учебное, соавторство в освоении и развитии ноу-хау инновационной парадигмы.

Курс структурирован таким образом, чтобы описать системное ноу-хау инновационной парадигмы в работе с феноменом приложения в этике в каждом из двух его проявлений: приложение как конкретизация морали в ее нормативно-ценностных подсистемах и приложение как производство этико-прикладного знания.

В четырех частях курса рассматриваются: основания прикладной этики; концептуальные и проектные разработки «территорий» ойкумены прикладной этики, в отношении которых инновационная парадигма предприняла «новое освоение»; технологии прикладной этики в действии – в формате «рабочих тетрадей» для будущего магистра, сегодняшнего эксперта, консультанта этических инфраструктур, преподавателя прикладной этики и т.п.

УДК 17
ББК 87.75

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской.
Художник М.М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовали: М.В. Богданова, Е.Э. Богданова, Г.Е. Жуганов, А.П. Тюменцева.

ISBN 978-5-9961-0585-4

© В.И. Бакштановский, 2012
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2012

Ministry of education and science
State educational institution
of high professional education
«Tyumen State Oil and Gas University»
Applied Ethics Research Institute

V. I. Bakshtanovsky

**APPLIED ETHICS:
innovation course for masters and professors**

Suppl. 2

Tyumen, 2012

Моей дочери
Ирине Владимировне
Бакштановской

СОДЕРЖАНИЕ

Преамбула. Прикладная этика: на пути от авторского проекта к институциональному знанию	8
Лекция 6. Моральная ситуация Современности: запрос на прикладную этику	40
6.1. Социокультурная динамика морали как основание запроса на прикладную этику	40
6.2. От «естественной» морали к «рациональной»: этика гражданского общества как «моральная революция»	50
6.3. Нормативно-ценностная система достижительской цивилизации: запрос на этико-прикладную проблематизацию идеи успеха	60
6.4. «Повестка дня» российской модернизации в этико-прикладной парадигме морального выбора	94
Лекция 7. Общепрофессиональная этика: алгоритм конкретизации морали в «малых» системах	104
7.1. «Предназначение» профессиональной этики	107
7.2. Природа профессии: «моральное измерение» ...	114
7.2.1. Professions или occupations?	114
7.2.2. Идея <i>высокой</i> профессии: рационализация метафоры	118
7.2.3. Профессионализм как ценность	123
7.2.4. Профессия как корпорация; профессия в корпорации	128
7.2.5. Саморегулирование профессии	143
7.3. Мировоззренческий ярус профессиональной этики	149
7.4. Нормативный ярус	155
Лекция 8. Know-how прикладной этики: фронестические технологии	163
8.1. Лаборатория прикладной этики	163

8.2. Этическое моделирование (этико-прикладные игры)	169
8.3. Этическая экспертиза	184
8.4. Этическое проектирование	208
Лекция 9. Инфраструктура прикладной этики	223
9.1. На пути к системе инфраструктурных проявлений прикладной этики	223
9.2. Кодекс: между морализаторской утопией и бюрократической профанацией	230
9.3. Этическая комиссия: «ни полицейский, ни священник»	249

ПРЕАМБУЛА

**Прикладная этика:
на пути от авторского проекта
к институциональному знанию**

НА ЭКРАНЕ моего компьютера – нечаянно нашедшийся видеофильм об этико-прикладной игре «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность *высокой* профессии?»¹. (Кадр из этого фильма представлен на обложке инновационного курса. А сам фильм теперь не потеряется – я разместил его на страничке НИИ ПЭ сайта ТюМГНГУ.)

(...) На входе в зал заседаний Тюменского дома журналистов – плоттеры с описанием четырех модельных позиций (**А, Б, В, Г**) относительно профессионализма журналиста: «сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность *высокой* профессии?». Каждая модель мозаична, сформирована авторами проекта на основе суждений (в том числе прямых цитат) участников предварительного экспертного опроса тюменских журналистов.

**А: «Сообщать миру новости –
честь и ответственность»**

** «Не могу смириться с понятием сервисной профессии. Среди нас есть такие люди, но в конце концов профессия выбрасывает их на берег».*

** «Считаю журналистику “высокой” профессией».*

** «И врач, и журналист, и даже священник, при всей рутинности своей повседневной работы, должны быть готовы к тем взлетам, когда профессия становится миссией».*

¹ Проект описан в: Тетради гуманитарной экспертизы (6) / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2005.

**Б: «“Чего изволите?”
в нашей профессии изначально»**

* «Любая профессия носит сервисный характер, иначе бы ее не было. Все мы в той или иной форме служим друг другу».

* «“Чего изволите?” в нашей профессии изначально. Оно было всегда, только в советской журналистике относилось к тому, чьим органом было издание, а теперь адресовано читателю, зрителю, слушателю».

* Характеристика журналистики как сервисной профессии не так уж и цинична. И категорически не согласен, что при таком понимании профессии нет места для гражданской позиции журналиста. Изначально циничным может быть только журналист, который идет работать в издание не по убеждению, а потому что “больше плотют”».

* «Противопоставление “высокой” профессии бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого. Разве не может быть гражданской позиции у пилота, официанта или банковского клерка, или у представителей других сервисных профессий?».

В: «Я где-то посередине»

* «Рассуждение о “высоком”, “гражданском” – иногда повод не интересоваться потребностями Читателя, оправдание для собственной невосребованности. С другой стороны, “сервисная” – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы».

* «“Сервисный” журналист и “Гражданин” в крайних проявлениях представляются одинаково отвратительными типами. Можно себе представить: один пафосный,

пишущий “много, мутно и в разные стороны”, оправдывающий своей гражданской миссией право сидеть у общества на шее и не задумываться о том, интересны ли читателю его опусы. Другой – прожженный циник, пишущий по выверенному шаблону – эдакий “Долларстрочка”».

Г: «Все зависит от личного выбора журналиста»

** «“Высокая” ли эта профессия – каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое».*

** «Не готова согласиться, что к представителям этих профессий извне могут предъявляться особые требования. Все-таки есть противоречие: выходит, фермер не берет на себя особых обязательств и при этом еще и деньги может спокойно зарабатывать. А доктор или журналист несут груз ответственности и все время должны поступаться личными интересами? Подобные требования со стороны общества к представителям этих профессий негуманны, но вот внутри профессии они могут быть вполне уместны».*

** «Оба суждения кажутся мне крайними, доведенными (естественно, с полемическими целями) до определенной степени абсурдности. Считаю: должна быть позиция журналиста – все остальное является частностями».*

(...) На экране видно, как входящие в зал участники игры выражают свое самоопределение к той или иной модели предпочтением одной из четырех групп: «А», «Б», «В», «Г», в работе которых им предстоит прожить-испытать свою позицию.

(...) В кадре – Ведущий (автор этого инновационного курса), ставящий задачу первого этапа работы: испытание гипотезы о журналистике как *высокой* профессии через са-

моопределение участников проекта к модельным точкам зрения на дилемму, сформулированную в названии игры.

(...) Наконец процесс формирования групп совершился, и в соответствии с игровым заданием группы приступили к обоснованию своего выбора, готовясь при необходимости скорректировать предложенные на экспертизу модели и защитить их в дискуссии с другими группами.

(...) Видеокамера фиксирует этап внутригрупповой работы.

(...) На экране – выступления спикеров групп.

Спикер группы «В» (он же – единственный член этой группы): *Модель В предполагает, что между квалификацией журналистики как профессии «сервисной» или «высокой» выбирается нечто среднее, что-то такое, что может в каких-то ситуациях тяготеть к сервисной, а в других – к «высокой» профессии.*

Спикер группы «А» (она же – единственный член этой группы): *Я выбрала модель А, потому что журналистика, по-моему, «высокая» профессия, даже если повседневно мы об этом не слишком задумываемся.*

Спикер группы «Г»: *Общество вправе требовать от нас выполнения некоего минимального стандарта профессиональной этики. Все остальное зависит от личного выбора журналиста.*

Спикер «внеплановой» группы «Д»: *Любое ремесло – сервис. Выбор каждого – на сколько высоко поднять свою профессию. Выбор каждого.*

(...) Ведущий комментирует первый этап работы: *Любая профессия – сервис? Да. Но ради этого утверждения не стоило здесь собираться. Не Бакштановский изобрел понятие «высокая профессия», оно изобретено цивилизацией. Изобретено ради того, чтобы из тезиса «все профессии обслуживают» сделать исключение: некоторые из профессий являются особыми, общество дает им особое назначение. А когда я слушал полемику участников игры, мне показалось, что журналистское сообщество*

хочет «сачкануть» – уклониться от позиции, которую гражданское общество ждет от журналистики. А оно требует от вас сделать ее «высокой» профессией. Конечно, для журналистов это тяжкое бремя. И легче всего с этим бременем поступить так: сбросить его.

(...) На экране – фрагмент этико-прикладной игры, в которой ее участники обретают роль членов условного профессионально-этического экспертного совета и получают возможность *приложить* избранные ими модели к решению конкретной ситуации из журналистской практики. (В этом игровом задании – переключка с семинаром Ю.В.Казакова, посвященным экспериментальному проектированию гражданской институции профессионального сообщества журналистов – экспертно-консультативного центра «Медиаэтика», научный консультант семинара – В.И.Бакштановский.)

Цель игры – смоделировать работу этической комиссии, которая применяет технологию экспертизы, направленную на анализ и оценку профессионализма действовавших в этой конкретной ситуации журналистов.

Моделирование ситуации предполагает разделение участников игры на группы: «Аудитория», «Журналисты», «Редакторы». Каждой из них предстоит отнестись к тексту статьи «Просто Сергей» в одной из газет, посвященной юбилею местного губернатора С.

Фрагмент текста

«...В этот день мы хотим рассказать о нашем губернаторе немного с новой стороны, представить вам неизвестные моменты из его жизни. Ведь мы привыкли видеть С. в официальной обстановке. Привыкли к тому, что он руководитель, что немало лет занимает главные посты. А каким был маленький Сережа? Каким его помнят педагоги и одноклассники? Перед вами короткие интервью с теми, кто знал нашего губернатора тогда, когда он был для всех просто Сергеем. ...Коллектив газеты присоединяется к поздравлениям в адрес С. Мы, со сво-

ей стороны, желаем ему оставаться героем наших публикаций, пусть внимание со стороны журналистов к его деятельности продолжает оставаться таким же пристальным... Мы считаем, что 50 лет – далеко не время для подведения итогов. Так что, С., ждем от вас покорения новых высот. Вам это под силу!».

В задании для «Аудитории», «Журналистов», «Редакторов» – испытание возможных оснований для профессионально-этической экспертизы: обнаружение признаков сервильной журналистики, предположение, что автор и издание на «юбилейной волне» преодолели границу допустимого стандартом «вытянутой руки» в отношениях прессы к власти.

(...) После работы в группах спикеры выступают с комментарием о (не)целесообразности особого внимания к этим текстам.

Спикер группы «Аудитория»: *Основное мнение – эта статья не очень-то интересна, читать ее не стоит. И есть мнение, что статья направлена на не очень Интеллектуального читателя.*

Спикер группы «Редакторы»: *Это такой подарок газеты на день рождения губернатора. Безусловно, подарок, и надо рассматривать это только как подарок. В группе пришли к выводу: мы бы материал этот в номер не поставили.*

Спикер группы «Журналисты»: *Обнаруживается редкое единодушие между «Аудиторией», «Редакторами» и «Журналистами». Наша группа может сказать в отношении этого текста практически то же самое. Что нас «цепляет» в этом тексте, так это мотив его появления в газете. Лести, в адрес губернатора, слишком много.*

(...) В кадре Ведущий: *После того, как вы высказались по поводу (не)целесообразности хотя бы какого-то внимания, критического или позитивного, к этой статье, мы*

предлагаем вам ознакомиться с текстом заявки на экспертизу от некоей команды людей, которая вела мониторинг за прессой. Она выделила статью, которую вы только что прочитали, и написала текст заявки на экспертизу специалисту по медиаэтике. И сформулировала основания для профессионально-этической экспертизы: обнаружение признаков сервильной журналистики; предположение, что автор и издание на «юбилейной волне» преодолели границу допустимого стандартом «вытянутой руки» в отношениях прессы к власти.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос заявителя: Справедливо ли предположение, что публикация дает основания говорить о недопустимом сокращении прессо-властной дистанции?

Вполне справедливо. Публикация полностью выстроена на основе манипулятивного приема «свой парень», широко используемого в политической пропаганде и пиаре в целях создания благоприятного имиджа политика (в данном случае – главы региональной исполнительной власти) в глазах сограждан. Об этом свидетельствует уже сам заголовок («Просто Сергей»). Манипулятивное предназначение публикации прикрито использованием формы мини-интервью, когда характеристики фигуранта даны не в журналистском изложении, а в селективном пересказе свидетельств рядовых граждан – очевидцев жизни и деятельности «просто Сергея»...

(...) Работа в группах.

(...) Выступления спикеров групп.

Спикер группы «Журналисты»: *Поскольку мы считаем эту ситуацию реальной, я и мои коллеги посчитали экспертизу необходимой. По поводу текста экспертного заключения мы не были столь единогодушны, как по поводу содержания заказа на экспертизу. Один из нас считает,*

что формулировки заключения все-таки чересчур категоричны. Еще одно мнение: слишком умно написано для такого простого повода. Есть мнение, что текст экспертного заключения полностью соответствует ожиданиям, именно таким он должен быть. В целом мы согласны с экспертом.

Участник группы «Журналисты»: *Текст экспертного заключения подтверждает необходимость экспертизы. Я не согласна с теми, кто говорил здесь, будто и без этой экспертизы все сказано. Нет. Во-первых, в наших обсуждениях не прозвучало, а эксперт отметил в статье смешение функций журналистики и пиара. Эксперт сказал и о манипуляции как приеме – здесь об этом не говорилось. Эти особенности статьи эксперт заострил не зря. Благодаря экспертизе мы пытаемся дистанцировать цех от тех, кто так себя ведет. Это инструмент цеховой защиты...*

ЗДЕСЬ я вынужден остановить видеофильм, успокаивая себя и читателя учебного пособия тем, что его продолжение и анализ впереди. А сейчас первый нериторический вопрос к себе: зачем я обратился к этому видеофильму?

Проще всего было бы сказать, что это привычный для моих работ формат «запева» ко второй части, настраивающий на освоение лекций, в которых сошлись основные темы этой части инновационного курса: об особенностях современной морали как вызове этико-прикладному знанию (ситуация выбора, альтернативы которого сформулированы в названии игры); об этике профессии как виде прикладной этики; о know-how-технологии прикладной этики; об инфраструктуре прикладной этики (этическая комиссия профессионального сообщества) и т.д. Однако это слишком простой ответ.

Вряд ли достаточно и такое объяснение: адресуя инновационный курс магистрам и профессорам, я стараюсь не забыть об общественном масштабе проблематики иннова-

ционной парадигмы прикладной этики, включая ее проблемы в сфере гражданского дискурса.

А правильнее сказать, что *залева* – элемент Преамбулы, роль которой для второй части инновационного курса я и попытаюсь сейчас оправдать.

СО ВРЕМЕНИ выхода первой части курса прошло не так уж много времени. Но все же больше, чем я планировал. Достаточно, чтобы произошли *события*, которые требуют ответа, «догоняющего» первую часть. Во всяком случае, я со взвешенным пафосом придаю статус *события*, значимого для инновационного курса, нескольким проектам, которые представлены в 40-ом – юбилейном – выпуске «Ведомостей прикладной этики».

* Это – публикация материалов раздела «Теоретический поиск». В одной из его рубрик собраны тексты, в которых авторы в честь моего юбилея предпринимают экспертизу идеи-формулы «Моральный выбор – *modus vivendi* прикладной этики», фактически базовой идеи инновационной парадигмы прикладной этики. В другой рубрике – материалы нового проекта НИИ ПЭ «Этика профессора: вне-алиби-бытие», продвигающего процесс освоения инновационной парадигмой территории университетской (академической) этики. Мотив этого продвижения: нарастание нашего скепсиса относительно концептуальной *готовности* сложившегося этического знания, даже если оно именуется этико-прикладным, ответить на кумулятивный эффект вызовов массовизации, коммерциализации, бюрократизации научно-образовательной деятельности университетов.

* Это – обсуждение первой части инновационного курса в рубрике «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров: обратная связь», показавшее, в том числе, необходимость разъяснений по поводу адресации курса.

* Это, наконец, опубликованная в разделе «Жизнь в профессии» беседа А.Ю. Согомонова с В.И. Бакштановским. Ключевая проблематизация этой беседы отражена в

ее заголовке: «Прикладная этика: на пути от авторского проекта к институциональному знанию?». Сопутствующая проблематизация: место инновационной парадигмы относительно зарубежного опыта этико-прикладных исследований и перспектива этой парадигмы в отечественной теории и практике.

И *оправдание* Преамбулы я организую именно вокруг своей беседы с А.Ю.Согомоновым. Представляя здесь фрагменты этой беседы, постараюсь показать, что простое решение о несохранении и в теме Преамбулы вопросительного знака, поставленного в заголовке нашей беседы в «Ведомостях», принято мной благодаря *смягчению остроты вопроса* о перспективах инновационной парадигмы. Смягчению, которое я аргументирую в том числе и суждениями коллег, тексты которых опубликованы в названных выше рубриках «Ведомостей», вып. 40.

Итак, некоторые фрагменты беседы, с репликами-комментариями после беседы и без них.

(...) А.Ю.Согомонов: Скажите, когда Вы впервые прочитали или услышали словосочетание «прикладная этика»? Хотя бы приблизительно.

В.И.Бакштановский: Скорее всего, это было в 1976 году в материалах одной из конференций по проблемам профессиональной этики во Владимире. Болгарский этик и партийный деятель Васил Момов описывал предмет своего исследования как «прикладную этику», правда, имея в виду прежде всего педагогическую этику. Тем не менее, это словосочетание меня заинтересовало – совпадением с моей сосредоточенностью на проблеме практичности этики.

А.Ю.С.: Вас привлекло в словах «прикладная этика» сочетание практики и этики?

В.И.Б.: Конечно. Я читал эти слова как одно из иносказаний практичности этики, а этой темой я «болел» еще и не употребляя прилагательное «прикладная». Для меня в то время наиболее значимой была разработка праксиоло-

гии морального выбора, а это как раз этико-прикладная концепция.

А.Ю.С.: *Словосочетание «прикладная этика» застолбило за собой право на существование в зарубежной литературе только на рубеже шестидесятых-семидесятых годов и достаточно быстро пришло к нам. Так ведь?*

В.И.Б.: Я не знаю, *пришло* ли оно к нам – это ваша версия, как и многих других коллег, полагающих, что мы заимствовали это понятие на Западе.

Но ведь, например, работавшие с этим понятием болгарские философы, они же – партийные идеологи, пользовались им не как заимствованным. Они разрабатывали концепции управления идеологической работой и не могли не прийти к идее приложения этического знания, его воздействия на нравственную жизнь, нравственное воспитание; воздействия, оснащенного достижениями таких дисциплин, как социальная технология, социальная инженерия, социальное проектирование и т.п.

А.Ю.С.: *То есть Вы хотите сказать, что на самом деле прикладная этика у нас в стране была, но не было самого термина? И поэтому нельзя утверждать, что со словом пришла новая дисциплина?*

В.И.Б.: Полагаю, нельзя. Эта дисциплина зрела у нас в рамках «скрещивания», с одной стороны, метафорической трактовки аристотелевской характеристики этики как практической философии: применение этики на практике, например, в виде праксиологии морального выбора или в виде изобретенного нами метода этического практикума; с другой – социально-управленческого подхода. Не я принес управленческий подход в отечественную этику. Ю.В. Согомонов благодаря социально-философскому *видению* морали не мог не поднять вопрос об управленческом подходе к морали и нравственному воспитанию.

Из всех этих источников и стало оформляться то, что мы в самом начале *восемидесятых* называли «прикладная этика». Уточняю: мы, а не те из отечественных этиков, кто в

девяностых годах взял этот термин именно из западных источников.

Реплика после беседы

Характерно суждение А.А.Гусейнова, который в начале 90-х активировал тему прикладной этики в формате «этики открытых проблем»: «Имя Владимира Иосифовича Бакштановского связано с развитием того направления в нашей науке, которому он сам одним из первых (или даже первым) дал название *прикладная этика* и которое стало в настоящее время доминирующим».

А.Ю.С.: Давайте зафиксируем: прообраз прикладной этики сформировался в отечественной этике во второй половине семидесятых годов усилиями небольшого числа исследователей из разных городов. В основном это были областные центры Советского Союза. Среди них – Тюмень как центр нового нефтегазового региона, что, мне кажется, было важным для оформления этого направления.

И теперь следующий вопрос: когда впервые Вы зафиксировали понятие «прикладная этика» в своем тексте, а затем в заголовке? Были ли это семидесятые годы?

В.И.Б.: Полагаю, что впервые в своем тексте оно появилось в докторской монографии «Моральный выбор личности», вышедшей в свет в издательстве Томского государственного университета в 1977 году.

(...) А.Ю.С.: Как Вы объясните, что процесс оформления прикладной этики на Западе и в советской России происходил практически параллельно? С самым небольшим отставанием последней? И я бы обратил Ваше внимание на то, что и на Западе прикладная этика зарождалась не в ведущих университетских центрах. Только в конце семидесятых годов она становится институциональной дисциплиной, к примеру, в Оксфорде и Кембрид-

же, причем институционализация прикладной этики там произошла как будто бы мгновенно.

В.И.Б.: Мне трудно объяснить эту параллельность, ибо я не изучал источники по истории западной прикладной этики, а пересказы, в том числе и Вашу версию, я осмысливаю более-менее критично. Потому что Вы, как и многие отечественные авторы, вслед за многими западными авторами, считаете, что прикладная этика возникла прежде всего как ответ на острые социальные вызовы: появилось нечто в современности, с чем уже не справлялась традиционная – философская – моральная парадигма. Это, наверное, так. Но ведь никто не отменял, например, профессиональную этику, которая сложилась задолго до этих «вызовов». А без нее я не вижу прикладной этики: для меня это не две этики, как полагают многие зарубежные коллеги и ряд отечественных авторов вслед за ними.

Как объяснить параллельность направлений я не знаю, не исследовал этот феномен. Но полагаю, что его общая мотивация связана с возникшим общественным запросом на оправдание морального выбора, его рационализацию: человек сам для себя должен был оправдать, почему он поступает так, а не иначе, почему он идет или не идет вслед за принятым поведением. При этом рационализация предполагала и праксиологическое обеспечение морального выбора.

Реплика после беседы

Теме связи мотивации возникновения и развития прикладной этики со сформировавшимся общественным запросом на оправдание морального выбора, его рационализацию, посвящена лекция 6. А здесь я в качестве одного из обещанных выше аргументов в пользу устаревания вопросительного знака из заголовка Преамбулы обращаюсь к статье А.А.Сычева «Право на выбор в прикладной этике» из «Ведомостей», вып. 40. Автор, как я полагаю, принял развиваемую инновационной

парадигмой прикладной этики идею-формулу «Моральный выбор – *modus vivendi* прикладной этики». И не просто разделил конкретизирующий эту формулу тезис, согласно которому в природе морального выбора содержится важнейшая предпосылка формирования и развития прикладной этики. Прежде всего потому, что «прикладная этика... предполагает свободу выбора субъекта, возможность выбирать и субъекта, которому можно доверить выбор», но и конкретизировал ее действие на поле современных сфер прикладной этики. «На уровне современной прикладной этики создаются новые по характеру и содержанию моральные принципы – информированного согласия, автономии пациента, неприкосновенности частной жизни, сохранения культурного разнообразия, уважения всех форм жизни, учета интересов будущих поколений и т.д.».

А.Ю.С.: Вы помните первое издание «Марксистской этики»? 1976 год. Вдруг, ни с того ни с сего в этот учебник была включена частная – на фоне привычных для учебников тех лет – тема морального выбора.

В.И.Б.: Здесь личностный фактор во многом сработал: главный редактор «Марксистской этики», А.И. Титаренко, поддерживал мои исследования на тему морального выбора.

А.Ю.С.: Но ведь личностный фактор не сработал бы, если бы эпоха не готова была принять тему. А она была готова ее принять. Я с трудом представляю себе в риторике 20 – 30 – 40 – 50-х годов понятие «моральный выбор». А кроме того, я не очень его себе представляю даже для западной науки и для западной философии в целом. Это понятие актуализируется только в семидесятые годы.

Можно ли издание «Марксистской этики» считать точкой отсчета оформления и у нас прикладной этики?

Ведь это было бы фактом ее институционализации в 1976 году.

В.И.Б.: Полагаю, что точку отсчета стоит отнести к началу 80-х годов, когда появились два академических сборника статей, в название которых я как ответственный редактор включил слова «прикладная этика», и первое московское издание концепции прикладной этики, выпущенное массовым тиражом – моя брошюра «Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы». Это были соответственно 1980 – 1981-й, 1983-й годы.

(...) А.Ю.С.: А Вы тогда уже различали задачи прикладной этики и задачи управления нравственными процессами?

В.И.Б.: В то время обе задачи для нас совпадали: это был первый «модус вивенди» прикладной этики. Но важно иметь в виду, что «управление» в нашем подходе трактовалось не в бюрократическом ключе, а как элемент «духовно-практического производства человека».

В этой ипостаси прикладная этика прежде всего и проявлялась. Что касается концентрированного обобщения результатов первого периода, то наша с Ю.В. Согомоновым итоговая, за период 70 – 80-х годов, монография называлась «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью». Вполне адекватным был бы и заголовок «Прикладная этика».

(...) А.Ю.С.: Можем ли мы считать, что отечественная прикладная этика является низовой инициативой, идущей и не от власти, и не от официальной науки, и не от государственных образовательных программ? Низовой, то есть никто явно не мог сформулировать запрос на формирование новой дисциплины...

Почему я и веду с Вами этот разговор. У меня такое ощущение, что относительная параллельность возникновения прикладной этики здесь и за рубежом не означала параллельность пути ее развития. В европейской тра-

диции прикладная этика появилась приблизительно в то же время, что и у нас, но у них она быстрее институционализировалась: ее быстрее стали включать как обязательную дисциплину на философских факультетах, быстрее появились первые пособия и хрестоматии.

А у нас? Появление сборников статей само по себе еще не означает появления направления. Направление предполагает последователей. А кто еще к Вашему лагерю (В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.Т.Ганжин) стал прибиваться, не только на уровне аспирантов или же учеников, а коллег из других городов?

В.И.Б.: Во-первых, я бы не стал обходить роль кафедры этики ТИИ и, кстати, Владимирской кафедры под руководством Ю.В. Согомонова.

Во-вторых, у нас несколько лет подряд были контракты с двумя ведущими кафедрами этики страны: МГУ и ЛГУ. Первая кафедра, участвуя в наших проектах, в своих годовых отчетах – подряд несколько лет – писала, что прикладной этики нет и не может быть. А вторая кафедра, не особенно обсуждая, нужна или не нужна прикладная этика, просто в русле своего направления (мораль трудового коллектива) участвовала в наших этико-прикладных публикациях вполне конструктивно. В Ленинграде работали такие близкие нам по духу (не обязательно разделяющие все нюансы нашей парадигмы) профессора, как Феликс Щербаков и Валентин Кобляков. Они поддерживали и наше направление, и наших аспирантов, которые защищались в Ленинграде по прикладной этике. Разумеется, на авторефератах стоял классификатор «этика», но если смотреть на название работ, то все они были этико-прикладные.

В МГУ поддержку оказывал нам заведующий кафедрой этики А.И. Титаренко. Благодаря своему историзму в понимании морали он легче воспринимал идею прикладной этики. Были и чисто личные симпатии.

(...) А.Ю.С.: *Вы создание прикладной этики в нашей стране неразрывно рассматриваете как часть своей собственной биографии?*

В.И.Б.: Разумеется. Причем как очень важную часть. А сегодня – уже как важнейшую.

Реплика после беседы

И эта связь отмечается коллегами. Так, например, в юбилейном, 40–ом, выпуске «Ведомостей» Р.Г.Апресян пишет: «Позиция и взгляды В.И. Бакштановского в полной мере представлены в «Ведомостях» НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, и это понятно, если принять во внимание, что это периодическое издание, как и его предтечи – «Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР» (орган Центра прикладной этики) и «Тетради гуманитарной экспертизы» (орган Центра прикладной этики: XXI век), – не только редактируется В.И. Бакштановским, но и, наряду с сопровождающим «Ведомости» монографическим циклом, является одним из его жизненных проектов».

Но есть и еще важный фактор: творческий коллектив нашего направления. А это практически все авторы наших изданий.

В свое время сотрудник сектора этики Института философии АН СССР, Л.В.Коновалова, отдавая приоритет в создании прикладной этики зарубежным коллегам, подтверждала свою позицию ссылкой на то, что первые сборники со словами «прикладная этика» в названии впервые вышли в Штатах в 1988 году. А выпущенные нами – еще в 1980 году (в уставном издательстве «Томский университет») и в 1981 году (в издательстве «Наука» Сибирского отделения АН СССР) – отечественные сборники, в названии которых была «прикладная этика», она «не заметила». Так вот, и авторы этих двух книг, и участники многих других сборников статей, материалов экспертных опросов на темы приклад-

ной этики, и участники наших многочисленных практикумов и деловых игр – это и было сообщество, которое либо прямо приняло идею прикладной этики и воплощающие ее практические акции, либо, во всяком случае, начало думать лояльно на эту тему.

А.Ю.С.: Как Вы полагаете, почему в то же самое время, параллельно, в западном мире формирующаяся прикладная этика мгновенно становится преподаваемой в университетах дисциплиной, а у нас – нет? Ведь и наши партийные лидеры, и власти, и академические деятели увидели некоторую функциональность прикладной этики? Что их испугало или смущало: сложности бюрократического введения нового учебного предмета или была другая – более мощная – культурно-психологическая преграда?

В.И.Б.: Во-первых, даже распространение преподавания общего курса этики было в то время более или менее ограниченным, оно было сосредоточено прежде всего на философских факультетах университетов. Что касается Тюмени, то открытие в техническом вузе кафедры этики было, скорее, уникальным случаем. Однако и на нашей уникальной кафедре прикладная этика преподавалась лишь как фрагмент общей: слова «прикладная этика» в стране тогда не были принятыми. Во-вторых, в ряде вузов, наряду с общим курсом философской этики, читались и курсы профессиональной этики. В-третьих, доминировала парадигма этики как философии морали. В-четвертых, не было, собственно, и самой прикладной этики как общепризнанного направления научного знания. Тюменский случай долгое время был лишь региональным.

А.Ю.С.: Тогда что, кроме усилий нескольких человек, делало прикладную этику дисциплинарно-автономной?

В.И.Б.: Да у нее и не было дисциплинарной автономности ни в сфере преподавания, ни в сфере академической науки.

А.Ю.С.: *Какие методы прикладной этики свидетельствовали о том, что это были не просто разговоры о новом, но это – научная дисциплина? Что она предлагала и какими методами она решала свои задачи? Не был ли, например, столь важный для Вас метод игрового моделирования заимствован Вами из методологии Г. Щедровицкого?*

В.И.Б.: Ничего общего, кроме внешнего сходства. В отличие от грешащих манипулятивностью методов этой школы, у нас базовой категорией любой из игр всегда была ситуация морального выбора. В основе нашей методологии – отношение к участникам моделирования как к субъектам морального выбора, а не объектам партийного или административного руководства.

И еще. Все методы наши работали в системе: экспертный опрос, игровое моделирование и этическое проектирование...

А.Ю.С.: *На самом деле это то, что Вас приближает к мировому стандарту прикладной этики. Разумеется, зарубежная этика 80-х очень сильно отличалась по предмету: она в принципе не ставила перед собой задачу анализа и тем более управления нравственным воспитанием в обществе.*

Получается так, что в двух разных обществах в 70 – 80-е годы прикладная этика имела разные объекты – и сходство в методах.

Мне кажется, что словосочетание, которое я сейчас произнесу, будет наиболее точно отражать интенцию, миссию прикладной этики на Западе и у нас: эта миссия – гуманизация общества.

В.И.Б.: Слишком общо. Я это покажу в связи с ожидаемым от Вас вопросом о причинах моего сопротивления синонимизации прикладной и практической этики.

А.Ю.С.: *Да, я знаю, что Вы безумно сопротивляетесь такой синонимизации, и хочу от Вас услышать – почему? Я ни в одном зарубежном источнике, ни в одной книге не*

могу найти различия между этими понятиями – они употребляются как синонимы.

В.И.Б.: Вы, вслед за сильной традицией в западной этической мысли, видите миссию прикладной этики как *философскую рефлексию* новых проблем моральной практики, и это дает основание отождествлять обе версии практической этического знания.

Но наше понимание миссии прикладной этики уже на старте направления было проникнуто духом одного из тезисов Маркса о Фейербахе, подчеркивающего преобразовательную установку философии в мире. Речь у нас идет об этике как своеобразной производительной силе в проектировании общественных процессов, нормативно-ценностных систем, а не просто о рефлексии по поводу актуальных моральных проблем.

Идея практической этики предполагает приложение-аппликацию универсальных норм к частным практикам, к конкретным ситуациям. А прикладная этика предполагает прежде всего разработку этической концепции той сферы нравственной жизни, к которой она хочет «прикладываться»: что такое университетская этика? что такое журналистская этика? что такое этика воспитания? Такого рода приложение сначала предполагает исследование особенностей нормативно-ценностной системы той или иной сферы, иначе – конкретизации морали. А следующий шаг – с помощью *ноу-хау* прикладной этики – проектное воздействие на соответствующую нормативно-ценностную систему, в том числе на ее инфраструктуру.

Прошу услышать: *ноу-хау*, о котором я говорю, не просто набор неких технологий, но технологий диалогического взаимодействия этики и морали, исследователей и практиков, технологий преобразования различных сфер нравственной жизни ее же *субъектами*.

А.Ю.С.: *Я не знаю другого способа изменения общества кроме как через его рефлексию.*

В.И.Б.: Рефлексия – предшествующий акт, но не заключительный.

И если посмотреть на проекты эпохи Перестройки, мы увидим реальные результаты именно проектной деятельности. Например, практикум «Партия в ситуации выбора», смоделировавший фракционную структуру реформируемой партии, и «Самотлорский практикум-2», посвященный этно-экологической политике в отношении коренных народов Тюменского Севера.

А.Ю.С.: *Да, Перестройка вдохнула в Вас лично и в Ваших коллег большую надежду. Но ведь она весьма быстро испарилась, потому что стало ясно: нет никаких институтов, нет никакой инфраструктуры и все так называемые социально-инженерные иллюзии гроша ломаного не стоят. Мгновенно наступил 1991 год и пришла новая реальность. «И розовые очки» пришлось снять.*

В.И.Б.: Ваше категорическое заключение можно оспорить. Вспомните спроектированный на «Самотлорском практикуме-2» закон Ханты-Мансийского округа «О малочисленных народах Севера». Это разве не реальная институционализация этико-прикладного проекта? Я несколько лет назад встретил участницу того практикума, она вспомнила как мы все вместе создавали Ассоциацию малочисленных народов Тюменского Севера. Эта Ассоциация, благодаря специальному закону, была включена в систему управления округом. И до сих пор работает.

А.Ю.С.: *Но в 1991 году реальность слишком быстро изменилась. Настолько, что все Ваши институциональные «завязки» стали быстро разваливаться: партии не стало, и куда прибиваться интеллектуалам?*

Я хочу Вас спросить: почему Вы остались в этом же пространстве, а не ушли из него в начале 90-х годов? Перед Вами открывались широкие возможности, Вы были в золотом возрасте, Вам было всего лишь 50 лет. Почему Вы не стали заниматься чем-то другим?

В.И.Б.: А почему я должен был заниматься чем-то другим, когда я был вполне востребован в своей прежней профессии и в прежней роли?

А.Ю.С.: *Многие скажут Вам, что им пришлось осваивать новые профессии, как-то выживать и т.д. А Вы не рассуждаете о себе в начале 90-х годов в категориях выживания. Вы утверждаете, что оставались востребованными в своей профессии?*

В.И.Б.: Во-первых, и некоторые коллеги из нашего «малого» сообщества ушли из привычной для них сферы. Полагаю, они не приняли дух и реальность буржуазной революции. Это было трудное для нас расставание, напряженное в морально-психологическом смысле. Но ядро сообщества приняло новую ситуацию и работало в ней. Мы сотрудничали с новой Государственной Думой – с комиссией по депутатской этике. С новой бизнес-структурой под названием «корпорация Югра», которая спонсировала многие наши проекты общероссийского масштаба и дала нам новые способы работы. Например, возможность издавать журнал «Этика успеха» (вышло одиннадцать номеров).

А.Ю.С.: *Я правильно понимаю, что первая половина 90-х годов на самом деле открыла перед этико-прикладным знанием новый, доселе ей незнакомый, горизонт?*

В.И.Б.: Я бы не стал отвергать и предшествующий горизонт. Продолжалось освоение тех сфер прикладной этики, о которых мы сейчас не должны забыть. Мы разрабатывали несколько направлений профессиональной этики. Например, мы с Ю.В. Согомоновым тогда сделали «Честную игру» – первую отечественную монографию по этике бизнеса. Тогда же мы стали осваивать тему «Этика гражданского общества», издавая и авторские, и коллективные монографии. Журнал «Этика успеха» стал для нас тем, чем была для Ленина «Искра» – органом, собирающим креативных экспертов. При нередком расхождении их и наших позиций мы вместе осваивали новые темы, включая тему «этики ус-

пеха». Нам тогда казалось, что это базовая тема нового общества.

А.Ю.С.: Переход из 80-х в 90-е был скорее количественным или скорее качественным? Вы почувствовали больше свободы?

В.И.Б.: Разумеется, произошел и переход количественный – с точки зрения расширения ойкумены прикладной этики. Я уже говорил, что мы стали заниматься этикой бизнеса и этикой гражданского общества. А еще этикой воспитания, журналистской этикой, политической этикой. То есть осваивали новые предметы. А качественное, на мой взгляд, изменение произошло потому, что мы стали лучше понимать, что такое прикладная этика.

А.Ю.С.: Что это значит «стали лучше понимать»? Что вы стали понимать лучше?

В.И.Б.: С одной стороны, мой старший партнер по «Товариществу "Прикладная этика"», Ю.В. Согомонов стал терпимее к моему «технологическому радикализму». С другой стороны, я стал лучше понимать его идею конкретизации морали в «малых» нормативно-ценностных системах. В итоге мы пришли к выводу, что важно говорить о прикладной этике в двух значениях этого понятия. Прикладная этика – это, разумеется, сфера этико-прикладного *знания*. Но, кроме того, это сфера прикладных *моралей*, во множественном числе. Бизнес-мораль, университетская мораль, политическая, журналистская мораль и т.д. И прикладная этика как знание взаимодействует не напрямую с практикой, а с этими «малыми» нормативно-ценностными системами. А ноу-хау прикладной этики, ее технологии, работают на развитие как той, так и другой ее стороны.

Это было качественное, на мой взгляд, продвижение, которое, полагаю, не дано ни зарубежной этике, ни, пока (?), моим отечественным коллегам: они не различают, пока (?), двух ипостасей прикладной этики.

А.Ю.С.: А это качественное изменение предметного свойства? Оно позволило прикрепить ярлык этико-прик-

ладного исследования, рефлексии практически к чему угодно?

В.И.Б.: Потенциально. Но мы, например, меньше всего работали в сфере знаменитых ныне биоэтики и экологической этики. Нас было мало. И у нас не хватало ресурса.

А.Ю.С.: *Как Вы про себя скажете: лично Вы какую метаморфозу испытали, перейдя из 80-х в качественно новые 90-е, 2000-е? Как прикладной этик.*

В.И.Б.: Это был прежде всего процесс совершенствования в концептуальном плане. Концептуализация предполагала переход на новый уровень теоретизирования. Например, концепция многообразия парадигм прикладной этики и сценариев ее развития.

Далее: не забывайте, в эти годы мы выпустили больше десятка монографий по разным сферам прикладной этики. Это было нашим новым освоением территории прикладной этики.

Особо: мы стали выпускать новый журнал «Ведомости прикладной этики», который дал возможность соорганизоваться этико-прикладному сообществу, понимая и принимая практикуемые им разные парадигмы.

Затем: мы *приложились* к университету, открывшему НИИ ПЭ, и сделали его предметом своей этической рефлексии и консультирования.

Наконец, мы перешли на этап создания учебного пособия. А Вы лучше меня знаете, что это один из признаков оформления дисциплины.

А.Ю.С.: *Так в чем же было в 90-х годах новое общественное призвание прикладной этики? В 70 – 80-х я услышал: управление нравственными процессами в обществе. А в 90-х возникло ли новое общественное призвание?*

В.И.Б.: Да. Возникла большая степень свободы выбора, а прикладная этика претендовала на то, чтобы культивировать свободу морального выбора. И не только у индивида, но и у субъекта общественного масштаба. В рамках обще-

ственной морали. Иначе она и не могла существовать: моральный выбор – способ ее существования.

А.Ю.С.: Сообщество прикладных этиков по сравнению с 70 – 80-ми выросло?

В.И.Б.: В 90-х – нет, в 2000-х – да. Как я уже сказал, в 90-е сообщество, в котором мы развивали свою парадигму, распалось: часть видных представителей этого сообщества не приняло новую действительность и стали заниматься либо ноосферой, либо моральной философией. Другие его члены с закрытием кафедры этики ТИИ «встали на крыло» и ушли: кто в социологию, кто в науку о менеджменте... Еще одна часть сообщества ушла в иной мир...

Новое сообщество, которое складывается в 2000-х, большей своей частью формировалось на философских факультетах МГУ и ЛГУ. И называя себя исследователями прикладной этики, многие из них остались моральными философами, отождествляющими прикладную и практическую этики. Правда, в течение нескольких последних лет, благодаря журналу «Ведомости прикладной этики», нам удалось расширить сообщество, в том числе пригласив в него следующее поколение этиков, которые (не «разводясь» с парадигмами прикладной этики, основанными на философской этике) более открыты к нашей парадигме. При этом они открыты и к западным работам, и к отечественной реальности. Во многом будущее прикладной этики – за ними.

Новое поколение 40-летних, не порывая резко со своими учителями, более открыто к нашей парадигме прикладной этики, во всяком случае способно находиться между парадигмами практической этики и собственно прикладной этики. При этом они работают в новой – в отличие от кафедры этики Тюменского индустриального института – ситуации: в двух университетах страны уже введены бакалавриаты и магистратуры по прикладной этике.

А.Ю.С.: Вы сказали, что за ними будущее. За ними будущее как за людьми или как за носителями новой парадигмы?

В.И.Б.: За людьми, прежде всего. Но и как за носителями некоей новой парадигмы, которая, не исключено, будет смягчать как инновационный радикализм Бакштановского и К°, так и консервативный ригоризм философов морали в понимании прикладной этики.

Реплика после беседы

Полагаю, что примером такого конструктивного смягчения служит позиция А.В.Прокофьева, предложившего авторам замысла проекта «Этика профессии: вне-алиби-бытие» подход, обозначенный им в статье для «Ведомостей», вып. 40, как *локализация проблем*.

«В академической этике есть проблематика, где этика *высокой* профессии оказывается не задействована или слабо задействована в силу отсутствия некоторых *высоких* характеристик в самих выполняемых задачах, где она сливается с общечеловеческой этикой и этикой простой трудовой добросовестности, находящейся в центре нормативных документов и этической инфраструктуры организаций.

Однако я думаю, что существуют проблемы, где этика *высокой* профессии с ее принципами и ценностями, ориентирующими индивида на идеал служения, а не на простую добросовестность, должна преобладать... Для этой категории проблем подход, предложенный НИИ ПЭ, представляет гораздо большую и даже критическую ценность».

А.Ю.С.: *И все это построено на личностях?*

В.И.Б.: Пока да. Хотя, если Вам важно говорить об институционализации прикладной этики как научного направления, то вспомним про НИИ прикладной этики.

Реплика после беседы

Здесь уместно подчеркнуть, что научными сотрудниками НИИ ПЭ являются и специалисты, развивающие

иные парадигмы прикладной этики. В 40-ом выпуске «Ведомостей» А.А.Гусейнов написал: «В отличие от В.И. Бакштановского, я понимаю этику как практическую философию и, отстаивая этот классический взгляд, нередко вступал в спор с ним. Более того, В.И. Бакштановский много раз привлекал меня в свои проекты именно в качестве оппонировающей стороны, а в последние годы и вовсе придал этой роли официальный статус в рамках созданного им НИИ прикладной этики».

Подчеркну, во-первых, что это оппонирование вполне эффективно содействовало развитию инновационной парадигмы. Во-вторых, у А.А.Гусейнова есть своя версия предмета прикладной этики – как этики открытых проблем, само существование которой стимулирует нашу идею многообразия парадигм прикладной этики. В-третьих, он вполне успешно работал как участник именно этико-прикладных проектов НИИ ПЭ.

А.Ю.С.: Вы не считаете, что такая личностно-определенная ситуация свидетельствует о кризисе прикладной этики? Не получается ли, что без Ю.В. Согмонова с В.И. Бакштановским не будет и направления.

В.И.Б.: Кризис возможен: у нас, к сожалению, маловато реально работающих специалистов в этом направлении. Но, на мой взгляд, наша парадигма уже «заразила» более или менее открытые к «инфекции» личности. А за этими личностями будут их продолжатели, их коллективы. И, я думаю, парадигма будет жить, пусть и в другой интерпретации.

А.Ю.С.: Я предлагаю посмотреть на сегодняшний этап прикладной этики и ее перспективы как академической науки. Я имею в виду автономное научное знание, которое предполагает свою, четко прописанную предметную сферу, объектную сферу, методы и т.д. И хотел бы еще раз уточнить: существует ли не персонифицированная прикладная этика как академическая наука – помимо Вас?

В.И.Б.: Прикладная этика как академическая наука есть уже потому, что, во-первых, более 15-ти лет действует НИИ прикладной этики. Во-вторых, и еще кое-что из нашей работы вполне может соответствовать Вашему критерию. Например, фундаментальные исследования конкретных «малых» систем: этики воспитания, политической этики, этики гражданского общества, таких профессиональных этик, как журналистская и университетская.

Или представленность нашей парадигмы в Новой философской энциклопедии и в Энциклопедическом словаре «Этика», в которых опубликованы не только концептуальная статья о природе прикладной этики, но и наши статьи о конкретных «малых» системах.

В-третьих, выпуск журналов «Этика успеха» и «Ведомости прикладной этики».

В-четвертых, отражение инновационной парадигмы в содержании госстандарта прикладной этики в программах бакалавриата и магистратуры.

В-пятых, издание учебных пособий – последнее из них с амбициозным заголовком «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров» только что вышло в свет.

Реплики после беседы

Оправданность адресации инновационного курса *профессорам* подтверждает разбор учебного пособия в статье М.М.Рогожи для «Ведомостей», вып. 40. Автор полагает, что этот курс прежде всего значим для «тех профессиональных этиков, кто в силу обстоятельств откликнулся на общественный и профессиональный запрос на создание учебных курсов по профессиональной/ прикладной этике, кто столкнулся с методологическими, теоретическими вопросами создания курса по прикладным/профессиональным этикам».

В-шестых, на продвижение парадигмы в профессиональное сообщество работает цикл мастер-классов на кафедрах этики ведущих университетов России и Украины.

А.Ю.С.: *А помимо Вас существуют ли специалисты, которые себя идентифицируют с академическим знанием под названием «прикладная этика»? Если они существуют, что для них является предметом прикладной этики, ее методами, объектом исследования?*

В.И.Б.: Начиная с 90-ого года, исследования и, соответственно, публикации по прикладной этике стали появляться под фамилиями сотрудников сектора этики Института философии, кафедры этики МГУ. Наши коллеги работали как над своими собственными задачами (в сфере этики насилия, биоэтики, экологической этики, в последнее время по академической этике), так и в ответ на наши вызовы: в начале 90-х – для журнала «Этика успеха», с середины 90-х эти вызовы исходили от проектов, представленных в журнале «Ведомости прикладной этики».

Но большинство публикаций наших коллег выражали понимание прикладной этики как практической этики, о котором мы с Вами уже говорили. Они называют себя иногда сторонниками прикладной этики, иногда – сторонниками практической этики, но во всех случаях работают в отличной от нашей парадигме. Парадигме, которую я называю инерционным, догоняющим сценарием по отношению к зарубежной прикладной этике.

А.Ю.С.: *Значит, никакой академической науки «прикладная этика» в сегодняшней России не существует?*

В.И.Б.: Я на Ваш вопрос отвечаю отрицательно уже потому, что происходит постепенное проникновение нашего понимания прикладной этики и в теоретические работы, и в образовательный процесс, происходит определенное сближение парадигм. Полагаю, наша парадигма давно вышла за рамки НИИ прикладной этики.

А.Ю.С.: *Хотел бы от Вас услышать, что именно коллеги принимают в Вашей парадигме – из тех моментов, которые могут быть отнесены к формату академической науки, а не к Вашему личному вкладу?*

В.И.Б.: Эффективно ли такое резкое противопоставление? И все же: как только Вы получите 40-ой выпуск «Ведомостей», увидите, в какой мере наша парадигма проявляется в исследовательском дискурсе коллег.

Полагаю, что коллеги постепенно осваивают наше понимание миссии прикладной этики в ее преобразующем воздействии на мораль; медленно, но верно принимается концепция, согласно которой не сама по себе философия морали «прикладывается» к практике, а особое знание – конечно, это еще не ориентация на проектно-ориентированное знание, но все же...; ноу-хау нашей парадигмы, в том числе система ее технологий, которая, во-первых, далеко не сводится к анализу случаев, во-вторых, предполагает, что взаимодействие прикладной этики и моральной практики осуществляется через систему технологий как субъектно-субъектное отношение – между моральными акторами; роль морального выбора в продуцировании и решении этико-прикладных задач.

А.Ю.С.: *Наше интервью было посвящено одной проблеме: «прикладная этика как авторский, личный проект». И я по-прежнему полагаю, что путь, который прошла российская прикладная этика, показывает: это индивидуальный, авторский, личный проект, который потенциально развивается в статус «академический». Во всяком случае, на сегодняшний день, мне так кажется.*

Реплика после беседы

Полагаю, что даже краткие реплики, которые я встроил в текст беседы, позволяют говорить о конкретных признаках превращения потенциального развития в реальное.

Последние публикации, прямо или косвенно анализирующие инновационную парадигму как в ее учебной форме, так и в собственно исследовательской ипостаси, и, наконец, в промежуточном формате концептуального замысла инновационного курса, представленного в 39-ом выпуске «Ведомостей», показывают, что в образах прикладной этики, представлениях о ее предмете и

методах, одновременно проявляются признаки как уже *ставших* парадигм, так и элементов их *динамики*, вплоть до освоения элементов инновационной парадигмы. При этом расширяется повестка дня исследовательского дискурса, в том числе за счет соотнесения отечественного и зарубежного опыта.

Но и за счет возвращения в повестку дня прикладной этики направления, с которым связано становление инновационной парадигмы. «В современных дискуссиях на темы прикладной этики, – констатирует Е.В. Беляева в статье для 40-го выпуска «Ведомостей», – удивительным образом выпала из поля зрения проблематика нравственного воспитания». Выпала «странным образом», ибо нравственное воспитание – «наиболее очевидный вариант “приложения этики” к практической деятельности». Подчеркивая, что нравственное воспитание – «ярчайший образец фронеизиса как этического знания-умения», автор, вспоминает первые шаги инновационной парадигмы прикладной этики. С ее точки зрения, «если 35 лет назад такая постановка вопроса была инновационным прорывом, то сейчас уже можно говорить об определенных результатах движения и этико-педагогической мысли, и воспитательной практики в этом направлении».

ПОЛАГАЮ, что некоторые аргументы, которые я привел в беседе с А.Ю. Согомоновым и во встроенных в ее стенограмму репликах, дают основание для *смягчения остроты вопроса* об академической перспективе инновационной парадигмы и побуждают к повышению шансов целенаправленного движения *авторского проекта* на пути к институционализации инновационной парадигмы прикладной этики.

* Повышение шансов? Разумеется, не за счет утраты ее парадигмальной идентичности.

Выдвинув идею парадигмального многообразия прикладной этики, инновационная парадигма понимает основания пришедшего к нам от западных коллег отождествления

прикладной этики с «этикой открытых проблем»: одно из объяснений – в принятой в зарубежной литературе практике разведения профессиональной этики и этики прикладной.

Понимает – и принимает – акцентирование роли публичного дискурса в формировании этики открытых проблем.

Вполне понимает и отождествление прикладной этики с этикой ситуационной: оно объяснимо принятой в зарубежной литературе аппликационной трактовкой природы прикладной этики.

Тем не менее, ни публичность дискурса, ни ситуационный анализ, ни «коррективы» в парадигму «практической этики» не заменят миссию прикладной этики, которая вдохновляет инновационную парадигму, не сделают этику прикладной в том значении этой характеристики, согласно которому приложение этического знания предполагает его проектно-ориентированное воздействие на конкретизированные относительно универсума прикладные морали.

Прикладные морали, конкретизирующие моральный феномен в процессе его многообразной сегментации: профессиональной, надпрофессиональной, корпоративной, общеобщественной, гражданской, глокальной и т.п.

Воздействие как *проект* культивирования морального потенциала ситуации выбора: моральный выбор – *modus vivendi* прикладной этики.

Воздействие, обеспечиваемое ноу-хау-технологиями прикладной этики.

* Повышение шансов?

В процессе презентации инновационного курса на кафедре этики СПбГУ я заявил – неожиданно для самого себя – один из мотивов появления этого учебного пособия. «Еще год назад я предполагал продолжить исследование проблем прикладной этики, наметив на ближайшую перспективу несколько монографий: об этике успеха, этике госслужбы, университетской этике. Но надвигающийся юбилей напомнил мне мою же любимую трактовку “успеха”, выводимую из корня “успеть”».

Лекция 6

Моральная ситуация Современности: запрос на прикладную этику

6.1. Социокультурная динамика морали как основание запроса на прикладную этику

ДЛЯ МЕНЯ важно сразу подчеркнуть *естественность* для инновационной парадигмы формулировки, отраженной в названии лекции: «запрос на прикладную этику *от моральной ситуации Современности*».

Полную естественность – если вспомнить развернутое в лекции 3 положение, что прикладная этика, это, с одной стороны, *прикладные морали*, нормативно-ценностные подсистемы («малые» системы), конкретизирующие мораль (этика бизнеса, этика инженера, этика гражданского участия, журналистская этика, биоэтика, университетская этика, экологическая этика и т.п.); с другой стороны – этико-прикладное знание: теория конкретизации морали, концептуализация «малых» систем, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения.

Как известно, многие авторы исследовательских работ и учебных пособий трактуют возникновение и развитие прикладной этики как ответ этико-прикладного знания на вызовы *современной практики*. Если просмотреть характеристики этих вызовов, представленные в литературе, особенно в учебной, трудно не столкнуться с категоричным утверждением, что непосредственная причина формирования прикладной этики – в факторах, выходящих за *рамки* самой морали. В ряду конкретных причин называются:

- * успехи науки и техники (при этом выделяют такого рода успехи, которые порождают страх человечества);
- * демократизация жизни современного общества;
- * развитие самой этической науки.

Аргументирую свой тезис о доминировании в литературе позиции, согласно которой непосредственная причина

формирования прикладной этики – в факторах, выходящих за рамки самой морали.

Так, например, разделив позицию авторов международного энциклопедического словаря “Этика”, которые видят причину возникновения прикладной этики в росте человеческих знаний и технологических возможностей, Л.В. Коновалова конкретизировала эту позицию следующим образом: «Прикладная этика – это зеркало страха человечества в конце двадцатого века, в том числе страха перед наукой и техникой. И отдельные ее разновидности отражают как бы многочисленные предметы этих страхов и опасений – от медицины до экологии и политики»².

Объясняя в своем учебном пособии происхождение прикладной этики «необходимостью защиты человека в новых условиях конца XX века», М.А. Дедюлина и Е.В. Папченко таким образом конкретизируют свою позицию: «Прикладная этика возникла (и отдельные ее области и разновидности будут возникать) там и тогда, где возникала или будет возникать угроза жизни и существованию человека и человечества, опасность ущемления его неотъемлемых прав и интересов – будь то сфера биологического эксперимента, медицинского обслуживания или экологического выживания; там, где предпринимались попытки в очередной раз «обойтись без этики», поставить на первое место какие-то соображения минутной выгоды, экономической необходимости или чьих-то интересов, отодвинуть этические соображения на второй план; там, где возникала новая опасность для жизни и страх смерти»³.

В свою очередь автор параграфа о прикладной этике в коллективном учебнике «Этика» кафедры этики МГУ, Т.И.

² Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Выпуск 1. Биоэтика и экоэтика. С. 5.

³ Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Прикладная этика. 2007. См.: http://www.i-u.ru/biblio/archive/dedulina_prikladnaja/00.aspx (некорректное обращение авторов с цитатами не дает мне возможности различить их текст и текст Л.Коноваловой).

Пороховская, разделяет точку зрения, согласно которой возникновение прикладной этики связано, «прежде всего с объективными, внешними по отношению к самой этике причинами, – общими тенденциями демократизации и гуманизации жизни человека и общества, обусловленными логикой развития цивилизации как единого поступательного процесса. Никогда прежде не были такими массовыми движение за гражданские права, дискуссии о равенстве, гуманизме, справедливости. Под давлением общественности берутся под контроль всё новые и новые сферы: отношение к окружающей среде, бизнес, медицина, реклама и др.; разрабатываются методы решения возмущающих общественность проблем, что, в конечном счете, и привело к появлению таких направлений прикладной этики, как этика бизнеса, экологическая этика, биоэтика и др.»⁴.

Разумеется, я не собираюсь опровергать представленные выше точки зрения о причинах возникновения прикладной этики: как можно спорить с общепринятым тезисом об отражении этикой проблем человеческой практики?! Тем более об отражении самых актуальных проблем человечества, поставивших перед этикой новые задачи?!

Более того, полагаю, что каждая из этих версий возникновения прикладной этики *работает*. Но с определенным интервалом эффективности. Прежде всего, если под прикладной этикой понимать только «этику открытых проблем». Эта парадигма кратко рассмотрена в лекции 1.1.3, но здесь я добавлю два момента.

Первый момент. Полагаю возможным говорить о миссионерской роли этой парадигмы прикладной этики для актуализации роли этики в целом. О (не)намеренной миссии «этики открытых проблем» в актуализации иных парадигм прикладной этики. *Атмосфера* бума этой парадигмы не

⁴ Рецензируя этот учебник, я имел дело с электронным вариантом. Поэтому ссылку даю по журнальной публикации автора: Пороховская Т.И. Прикладная этика // Вестник Московского университета. Серия 7. "Философия". 2012. № 3.

могла не отразиться на степени внимания общества к проблемам профессиональной и надпрофессиональной этики, сформировавшихся задолго до био- и экологической этики. На общественном масштабе и широте этико-прикладного дискурса.

Второй момент. Распространенное редуцирование прикладной этики к био- и экологической этике чаще всего мотивируется ограниченностью нравственного потенциала профессиональной этики. Более того, прямо обосновывается их намеренным противостоянием амбициям этики профессиональной. Многие зарубежные и отечественные исследователи и/или авторы учебных пособий проводят идею о *компенсационном* мотиве возникновения прикладной этики, призванной ограничить притязания профессиональной этики, подчинить ее нормы надпрофессиональным моральным требованиям.

Сильный аргумент такого подхода – отражение реального конфликта профессиональной этики и этики общественной. *Уязвимость* подхода, исключая профессиональную этику из сферы этики прикладной и даже противопоставляющего обе этики, я постараюсь показать в лекции 7.

Интервал эффективности названных выше версий возникновения прикладной этики ограничен и поддерживаемым ими представлением о прикладной этике как виде *этического знания*, а не как феномене *прикладной морали*.

Что касается инновационной парадигмы, то для нее фундаментальные факторы запроса на прикладную этику – это характеристики формирования *прикладных моралей*.

Сегментация морали, ее конкретизация (в стихийности и организованности этого процесса), демократизация субъекта морального творчества, массовизация ситуаций морального выбора – факторы запроса, которые, во-первых, расширяют субъект и масштаб креации прикладной этики – (мо-

рали) – в пределе до масштаба всего гражданского общества и, во-вторых, «заинтересованы» в институционализации креативного процесса.

А миссия этико-прикладного знания – культивировать этот запрос (вызов, социальный заказ и т.п.), предполагающий не просто *реактивность* такого знания относительно практики прикладных моралей, но *активность предложений*. Предложений, не только *отвечающих* на социальный заказ, но и *опережающих, формирующих* его.

Значимость подхода, вынесенного в заголовок этой лекции, я хочу подчеркнуть следующим тезисом.

Характеристика причин возникновения прикладной этики, оставляющая *за пределами* рефлексии динамику природы самой морали, рискованна тем, что «обрекает» и магистр(ант)ов и профессоров на иллюзию эффективности формальной аппликации некой универсальной теории и универсальной морали к «неуниверсальной», конкретной практике.

Именно исследование социокультурной динамики морали (моралей), в котором, как я уже подчеркивал, безусловный приоритет принадлежит Ю.В.Согомонову, дало инновационной парадигме серьезный аргумент в пользу модернизации модели практичности этики. Наша общая амбиция в креации этико-прикладного знания проявилась в соединении идеи этики как «практической философии», трактуемой с точки зрения определенной методологии практичности этического знания, – и представлений о социокультурной динамике морали, исследуемой на этом этапе становления инновационной парадигмы в таких аспектах, как развитие профессиональных этик (моралей) и конфликтность сосуществования традиционной морали с моралью индустриального общества.

Инновационная парадигма аргументирует полную естественность темы «запрос на прикладную этику от современной морали», развернутой в первой части курса идей-формулой «ситуация морального выбора – способ существования прикладной этики». В этой связи запрос на прикладную этику отражает не просто достижения науки и техники и не просто процессы демократизации общественной жизни, но феномен демократизации субъекта морального выбора, массовизации этого субъекта, моральные дилеммы, возникшие именно в рамках социокультурной динамики морали.

ПРИНЯТИЕ идеи о первичности эффекта социокультурной динамики морали, все более интенсивной по мере развития Современности и Постсовременности, в формировании прикладных этик (в обоих случаях трактовки понятия «этика» – как синонима морали и как знания о морали), – условие необходимое, но недостаточное.

Очевидно, что самые разные признаки *моральной ситуации Современности* «заказывают» прикладную этику. Уклоняясь здесь от вполне вероятного требования «представить список в целом», напомним, что наиболее распространенный подход – характеристика современной морали через такие признаки, как формирование публичной морали, институционализация морали – создание этических кодексов профессий и корпораций-организаций, формирование специальных инфраструктур – этических комитетов, этических комиссий, этических офисов и т.д.

Естественно, что и в рамках инновационной парадигмы эти признаки были предметом обстоятельных исследований и разработок. В многолетнем проекте «Этика гражданского общества», а наряду с ним – в проектах «Этика Севера», «"Честная игра": нравственная философия и этика предпринимательства», «Этика успеха» и т.д.

Однако для инновационной парадигмы характерно стремление выделить *инвариантный* признак современной морали. Напомним заголовки лекции 4 – «Ситуация мораль-

ного выбора как предпосылка креации прикладной этики» и лекции 5 – «Моральный выбор как *modus vivendi* прикладной этики». И в этой лекции я сосредоточусь именно на роли современной ситуации морального выбора в запросе на прикладную этику.

Начать с добавления к множеству приведенных в эскизе сюжетов современных ситуаций выбора в лекции 4 еще одной ситуации? Полагаю, это не повредит.

В одном из интервью журналист А. Венедиктов, сравнивая свое поколение и поколение постсоветское, сказал: «У нас не было выбора, наша жизнь катилась по колее... Ты не выбираешь, а за тебя выбирают другие, или есть колея и жизнь идет и идет. Окончил институт, пошел преподавать в школу, и так – 20 лет. А у них возникла тяжелая ситуация, поскольку возможностей больше, выбор больше... Они поставлены в ситуацию каждодневного выбора: с кем жить – с родителями или отдельно, здесь или в другой стране. Поди отними у них этот выбор».

Кстати, уместно сбалансировать эту оптимистическую оценку современной ситуации скептическим наблюдением известного публициста за реалиями отечественной ситуации: «на первых порах постсоветская реальность заставляла или, по крайней мере, давала шанс делать сотни, тысячи мелких “выборов”, – писал С. Новопрудский. – Теперь количество этих самых “выборов” резко уменьшается».

Но здесь мне важно не просто дополнение самого набора ситуаций, а выделение особого признака Современности: выбор становится *атрибутивным признаком* существования человека и общества, способом их существования. Именно этот критерий важен для понимания ситуации, подчеркивающей сравнительную особенность жизни постсоветского поколения. Для этого критерия характерна метафора А. Венедиктова: «Собственно, эта ситуация их формирует... Они в этом, как человек-амфибия в воде, они там живут. А нам для этого надо надевать ласты, маску, баллоны с кислородом».

А ТЕПЕРЬ попытаюсь усилить эффект эскиза современной моральной ситуации аргументом *исследовательским*,

представив здесь полученную в итоге анализа эволюции морали классификацию условных моделей морального выбора в социокультурной динамике в виде четырех блоков-схем. Каждый из них объединяет типовые модели морального выбора, характерные для той или иной эпохи развития морального феномена. Разумеется, эта типология не претендует на завершенность.

Архаика. В рамках предельно интегрированных общин с узким жизненным горизонтом их членов, при отсутствии представлений о должном, ситуация морального выбора не была сформирована. Доминирование племенного сознания при невыделенности морали из синкретических локальных нравов препятствовало образованию таких ситуаций.

Традиционный социум. Первичное возникновение ситуаций морального выбора:

* выбор между фундаменталистским традиционализмом с ясно выраженной неофобией, минимизированным моральным выбором – и умеренным традиционализмом с известным расширением рамок и объемов морального выбора;

* выбор между духовной стагнацией инерциального приспособленческого типа поведения на основе общинного авторитаризма – и начальными формами инновационного поведения со стремлением обновить условия повседневного существования на основе личных предпочтений.

Индустриально-урбанистическая цивилизация (Модерн). Выбор между уже сформированными нормами рационального поведения, ориентированного на личные интересы, – и косными правилами обычая.

Выбор между нормами сословно-общинного солидаризма – и нормами рациональной морали рыночного, «откры-

того» общества.

Выбор между ценностной ориентацией на прирожденный статус – и ориентацией на обретаемый, достижительный статус, на успех в деятельности и социальное перемещение.

Выбор между самостоятельным поиском долженствования – и патерналистски определяемым долженствованием.

Выбор между поведением «экономического человека» с готовностью к жесткой конкуренции, минимизацией социальной подстраховки – и поведением «социализированного человека» с его готовностью к мягким формам конкуренции, с ориентацией на позитивные санкции общества.

Выбор между ориентацией на конвенциональные, контрактные нормы поведения – и ориентацией на нормы органических, исторически сложившихся, общностей.

Выбор между групповой, корпоративной моральной ответственностью – и персональной моральной ответственностью за свое поведение, свои поступки не только «перед кем-то», но и «за что-то».

Глобализированная, информационная цивилизация (Постмодерн).

Выбор приоритетов между этическим универсализмом – и локализмом.

Выбор между надежной и прозрачной устойчивостью ценностного мира эпохи Модерна – и ставшим непрозрачным, динамичным ценностным миром с расшатанным нормативным порядком, без строгой иерархии ценностей и норм.

Выбор между ценностью стандартизированной биографии – и ценностью биографии рефлексивной, полной риска.

Выбор между поведением, ориентированным на ценности общественной, публичной жизни, систематические гражданские инициативы, – и поведением, ориентированным на ценности частной жизни с широким доступом к инфор-

мационным ресурсам общественной жизни, но без личного участия в общинном строительстве.

Выбор между долженствованием и идентификационной привязанностью по отношению к территориальному сообществу типа «нация-государство» – и долженствованием по отношению к солидарности низового уровня, к «малым» территориальным сообществам.

Выбор между ценностями общекультурной макроидентичности – и ценностями микроэтнической и субкультурной идентичности.

Выбор между ценностью исключительного существования только пострациональной морали – и ценностью существования этой морали с исторически предшествующими моральными системами.

Выбор между идеологизированными идеалами совершенства человека и общества – и пестрыми культурными идеалами разного уровня обобщенности.

Выбор между алармистскими катастрофическими интерпретациями морального кризиса – и реалистическим диагнозом, ориентированным на поиск перспективных выходов из кризиса.

Выбор между запредельной морализаторской критикой нравов социума – и умеренной критикой этих нравов, вплоть до ориентации на установление партнерских отношений с наличными нравами⁵.

Полагаю, что при всей своей упрощенности эта типология дает возможность утверждать, что моральный выбор – базовая ситуация зрелой («рационализированной», «постестественной») – современной – морали. *Морали гражданского общества.*

Развитие этого вывода – в следующем параграфе.

⁵ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики. 2002.

**6.2. От «естественной» морали к «рациональной»:
этика гражданского общества
как «моральная революция»**

«Этика гражданского общества» – многолетний проект, развиваемый в рамках инновационной парадигмы прикладной этики – как в эпоху Центра прикладной этики⁶, так и в эпоху НИИ ПЭ. В начале 2000-х НИИ прикладной этики решил представить результаты этого проекта в виде двухтомной монографии. Первый том – «Гражданское общество: новая этика»⁷ – открывается аналитическим обзором публицистической и теоретической литературы по проблемам гражданского общества и его ценностей. Центральная глава монографии посвящена концепции гражданского общества и характеристике его этической сферы. В заключительной главе авторы пытаются определить судьбу этики гражданского общества в перспективе постиндустриального общества, в эпоху наступающей глобализации.

Второй том – «Гражданское общество: этика публичных арен»⁸. В первой части книги рассматриваются ценности гражданского общества, в том числе свобода выбора и ответственность, профессионализм, деловой и жизненный успех и т.д.; во второй части – социальные технологии гражданской активности. Особое место в книге занимает ана-

⁶ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в политическую этику. Москва-Тюмень, 1990; Они же: *Игра по правилам: политическая этика в гражданском обществе.* М.: Знание, 1991; *На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции (материалы экспертного опроса)* / Под ред. В.И.Бакштановского. М.: Прометей, 1991; *Будь лицом: ценности гражданского общества* / Под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А.Чурилова. Т.1-2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993.

⁷ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.

⁸ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: этика публичных арен / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТЮМГНГУ, 2004.

лиз опыта самопознания институтов гражданского общества.

Не лимитированные объемом, мы с Ю.В.Согомоновым постарались обстоятельно развернуть идею этики гражданского общества как особого этапа социокультурной динамики морали и потому как *новую этику*, как своеобразную *моральную революцию* по отношению к традиционной морали. Это видно уже по структуре главы «Гражданское общество: концепт и аксиосфера».

Методологическое введение в социолингвистику. – «Пролом традиционности» – Акт атрибуции: подступы к «моральному измерению». – Проблематизация частной собственности и частной жизни. – Бург-буржуа-град-город-горожанин-гражданин. – О гражданстве. – О «буржуазности» и «мещанстве». – Этика гражданственности как «моральная революция». – Автономизация: генезис рациональной морали. – Рациональная мораль: «Будь лицом!». – Моральное отчуждение: этико-социетальный дискурс.

А через некоторое время исполком Гражданского общества Тюменской области принял предложение АНКО «Центр прикладной этики: XXI век» создать практико-ориентированную книгу «Рабочие тетради Гражданского форума»⁹. Ее задача – показать результаты исследования природы и ценностей гражданского общества в его нормативной модели и – в отечественных реалиях. Формат «рабочие тетради» был сориентирован на научно-методическое обеспечение деятельности форума, в создании которого проявилась совместная заинтересованность как гражданских структур, так и органов власти. Книга была адресована исследователям процесса становления гражданского общест-

⁹ «Будь лицом!» Рабочие тетради Гражданского форума / Коллективная монография / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004.

ва в современной России, гражданским активистам, стремящимся разобраться в ценностных ориентирах и социальных технологиях своей деятельности, госслужащим, заинтересованным в эффективном взаимодействии властных структур и общественности, журналистам, считающим, что миссия избранной ими профессии связана с целенаправленным формированием в нашей стране основ гражданского общества. Особое внимание в книге уделено опыту *самопознания* Гражданского форума Тюменской области, рассматриваемого в качестве социальной технологии взаимодействия власти и общества, и перспективам освоения форумом новых технологий гражданского участия.

В свое время неакадемический формат «Рабочих тетрадей» поставил задачу уложить идею этики гражданского общества как *новой этики* в ограниченный объем. Выходом из этой ситуации стал формат *концептуальных тезисов*, характеризующих критерии идентификации гражданского общества, идентификации гражданина, становление гражданского общества как революции в морали.

Но ситуация с объемом данной лекции еще более жестка и поэтому я принял решение ограничиться здесь только некоторыми из сформулированных в наших исследованиях этики гражданского общества *концептуальных тезисов*, сопровождаемых краткими комментариями. Правда, предварив тезисы расшифровкой термина «моральная революция».

Ему трудно отказать в выразительности, но он проигрывает в точности. Его смысл – обозначить экспрессию определенного событийного ракурса «великой трансформации» XVII – XX веков. В этом временном интервале возникла новая нормативно-ценностная *система* (строго говоря, традиционная нормативно-ценностная система была лишь слабо организованной совокупностью пестрых локальных нравов, региональ-

ных обычаев, поведенческих стандартов): *рациональная мораль, этика гражданского общества.*

Не трудно увидеть, что признаки моральной революции наглядно зафиксированы на приведенной выше блок-схеме социокультурной динамики морального выбора. И действительно, в традиционном обществе, отличающемся слабой выраженностью социального динамизма и способности к мобилизации внутренних ресурсов развития, авторитаризмом архаического типа, характерным для этого общества регулированием доморального типа, т.н. «естественной моралью», выбор предельно ограничен. Здесь личность принимает свою судьбу как неизбежность случайности факта своего рождения, не нуждающегося в обдумывании; границы жизненной активности личности четко прочерчены и она хорошо знает, кто она есть, что должна делать, каков ее земной путь. Понятно, что узник событий и обстоятельств не имеет проекта своего «Я».

По мере становления и развития гражданского общества простой социум заменяется сложным, происходит качественное изменение границ выбора и поля возможностей выбора. Человеческая практика выходит из того состояния, когда она, подавленная однообразием жизненных процессов, их изначальной заданностью, почти не стимулировала стратегический выбор. Идентифицируются поиски обществом альтернатив самому себе, либерализуются социальные узы, возникают новые источники долженствования и ответственности, способы их поиска, выявляются новые центры санкционирующей активности, образуются новые поведенческие ориентации.

В процессе *развития* гражданского общества идут перемены от порядков «массового общества» с принятыми в нем стандартизированными биографиями – к свободному выбору социальной идентификации (с рисками, следующими вслед за таким выбором), к индивидуализации рефлексивных жизненных проектов, к переосмыслению понятия

социального неравенства в социализации личности в духе плюрализации жизненных стратегий и стилей поведения, что особенно присуще глобализирующемуся обществу. В таком обществе свобода выбора оказывается не только ядром все расширяющегося пакета прав человека, но и *культурной доминантой личности*. Эта доминанта возникает и утверждается благодаря в корне изменившемуся отношению личности как к обществу, так и к самой себе, к своим жизненным ресурсам и поведенческим стратегиям.

Не трудно увидеть, что динамика морального выбора – атрибут моральной революции, воплощенной в этике гражданского общества.

ИТАК, первый из концептуальных тезисов:

понимание закономерностей исторического процесса формирования гражданского общества предполагает включение этого процесса в контекст модернизации, «пролома традиционности» и т.п.

Почти одновременно (в историческом, понятно, исчислении) случилось два суперсобытия: (а) произошла первая индустриальная революция с переходом от доньютоновских технологий к научным и (б) сменилось доминирование хозяйственных механизмов с полунатурального на рыночный, товарно-денежный. Это позволило сделать решающий шаг от неустойчивой суммы разнокачественных общностей к хорошо структурированному обществу, к гражданскому обществу, к Современности.

Два события всемирно-исторического значения обусловили еще одно трансформационное суперсобытие: начался и продолжился отход от гомогенного социума традиционного мира, воспринимаемого как сакральное «единое тело». Некогда цельнокроеный, сплоченный в социальном смысле организм начал *сегментировать*.

При этом многофазно выделяются и сепарируются не только неразделяемые прежде публичная и частная жизнь, но и ряд функциональных подсистем: автономизируются сферы деятельности (политика, экономика, право, образование, религия, спорт и др.). В каждой такой подсистеме возникают свои институты с особыми функциональными предназначениями, логикой развития и, разумеется, со своими регулятивными и ориентационными механизмами.

Регулятивно-ориентационных инструментов обычного права и обычной (народной) нравственности, укорененных традиций и санкционирующих их религиозных установлений оказывается недостаточно для функционирования данных подсистем. Возникают всевозможные сбои, которые воспринимаются как упадок или даже «кризис морали».

Но суть проблемы в том, что подобных регулятивных инструментов и ориентиров не могла предоставить и сама мораль, еще не выделившая из своего состава особых средств регуляции и ориентации, которые были бы способны обратить нравственный закон в самообязывающее содержание воли. С этим и связан феномен *революции в морали*.

ВТОРОЙ тезис:

Одновременно с сегментацией общества возник *особый тип* морали, решающей вопросы практики в разных сегментах человеческой деятельности. Произошла *автономизация* морали – специфического и вместе с тем универсального средства регуляции и ориентации поведения личности. Именно тогда-то она, собственно, и стала моралью, достигшей стадии *исторической зрелости*. На этой стадии *мораль смогла пойти на собственную сегментацию*.

Как уже говорилось выше, индустриально-урбанистическая цивилизация, которая в своих долгосрочных тенден-

циях представляет макромир гражданского общества, перестает быть сплоченной инерциональной системой, что привело к возникновению самоорганизующихся автономных подсистем, стремящихся вырваться из-под контроля принятых прежде ориентационных и регулятивных средств – становящихся замшелыми обычаями, косных традиций, ритуалов, которые все еще воспринимались как поведенческая аксиоматика («так надо!»). Все чаще стали возникать ситуации, когда операции с терминами «добро» и «зло» оказались затруднительными.

В значительной части поведенческие правила, установления и даже сакрализованные заветы, которые столь прочно цементировали традиционные общности, общины, группы, сословия, что представлялись едва ли не краеугольными камнями духовно-нравственной жизни как таковой, «вдруг» начали утрачивать свою, неподлежащую до того обсуждению, обязывающую силу в новых – бескрайних – социальных пространствах, в радикально изменившихся сетях человеческих отношений. Тех самых, что складываются между участниками углубляющегося разделения труда и обмена результатами специализированной деятельности и на которых зиждется открытое гражданское общество и маркетизированный мир, присущие такому обществу общественная дисциплина и мироощущение.

Это вызвало потребность *конкретизировать* выверенные в опыте понятия добра и зла с помощью новых регулятивов, ценностей и норм, непременно выводящих за границы организационно-технических норм поведения и способов его оценивания. И это касалось отнюдь не только деятельности на рыночной площади, а практически всякой профессионализированной деятельности.

Стоит выделить одно из последствий автономизации морали – началось освобождение личности от «естественных» связей. В невиданных прежде масштабах стала развертываться инициатива людей, ранее пресекаемая и сурово осуждаемая «патерналистской» нормативностью и

идеологией. Пали всевозможные ограничения в производстве, торговле, познании, общении. И как раз автономизированная мораль была ударной силой, пробивающей брешь в обветшалой системе поведенческих норм и обычаев, соответствующих мировоззренческим образованиям традиционной цивилизации. Именно эта мораль содействовала избавлению от различных (но, понятно, не всех) видов зависимости, принуждения, ярма всевозможных жестких регламентов, дала человеку несравненно большую, чем было до того, возможность распоряжаться собой. Становящаяся новая моральная система содействовала расширению горизонта и усилению мощи мышления человека Нового времени, пластичности его характера, разносторонности его чувств, преодолению того состояния, когда он был подавлен однообразием жизненных процессов, их «изначальной» заданностью, готовила к выбору стратегии собственной жизнедеятельности. Не удивительно, что ключевой ценностью новой рациональной морали стала *свобода выбора* (во всех ее разновидностях) в ее сцеплении с моральным равенством и ответственностью в разительно меняющемся мире.

ТРЕТИЙ тезис:

Суть *рациональной морали* можно выразить формулой Гегеля: «Будь лицом и уважай других в качестве лиц». В этом императиве хорошо видно, что этика гражданского общества, рациональная мораль – в отличие от морали традиционного общества – в своей целевой части выражает не столько дух беззаветной любви к ближнему (симпатия, великодушие, сострадание и т.п.), сколько *уважение* к Другим. Рациональная мораль требует не столько доброжелания, сколько долженствования, ответственности и беспристрастности. Причем не от случая к случаю, не в результате стечения обстоятельств, не под угрозой остракизма или иных негатив-

ных санкций общественного мнения, а систематически и добровольно.

Расшифровка данного тезиса показывает, чем этот императив отличается от известного повеления возлюбите ближнего, как самого себя. Здесь речь идет о требовании совершать поступки и понимать поступки Других, пользоваться благом свободы не в ущерб свободе Других, опираться на собственную иерархию ценностей и на ее основе производить моральный выбор, принимая личные решения и под личную ответственность.

Особо: «репертуар» выбора определяется не столько высокой степенью слитности с группами общинного или средневеково-корпоративного типа, вынужденной, навязываемой фактом групповой принадлежности, включенностью в ту или иную массу, сколько широтой гражданского кругозора и собственной неповторимостью Лица. Иначе говоря, путем идентификации не только с социально «близкими», но и со всем человечеством (родовая, вселенская ориентация в качестве основы для морального сознания как такового), с множеством групп и ассоциаций (плюралистическая ориентация гражданского общества), в которые Лицо вступало по соглашению и добровольно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ тезис, без которого позиция инновационной парадигмы относительно совершенной этикой гражданского общества моральной революции может быть истолкована неадекватно¹⁰:

¹⁰ «Мораль гражданского общества авторы называют этикой гражданственности, новой этикой. А то, что было до этого, они называют естественной моралью, которая идеализировала общинные формы жизни (малые социумы) и руководствовалась принципом любви к ближнему. По их мнению, расхоже-романтические абсолютистские представления о морали, которые все еще господствуют в умах, сложились на базе естественной морали и в условиях гражданского общества, так же неуместны, как, например, рыцарские наряды на пассажирах современного авиалайнера. Бакштановский и Согомонов стремятся освободить современников от моральной

«Моральная революция» не предполагает отсечение традиционного и современного ценностных миров друг от друга и восприятие их как «низших» или «высших». Этика гражданского общества предполагает понимание того обстоятельства, что, вступая на открытые площадки гражданского общества, впитывая его ценности и поведенческие установки, человек не вправе, не должен утрачивать приверженность сокровенным ценностям, выработанным поколениями. Обе нормативно-ценностные системы обязаны, так сказать, «знать свое место» и отказаться от гегемонистских притязаний.

Этот тезис актуализировался в ситуации дискуссий относительно концептуальных основ *этики модернизации*¹¹. Так, в полемике с моим суждением о том, что этическая проблематизация отечественной Модернизации предполагает выбор между моралью традиционного общества и моралью Модерна, Е.В.Беляева, оспаривая саму ситуацию такого выбора, предлагает вполне приемлемый для меня тезис. «Гораздо важнее выбрать то, как именно модифицировать современные ценности для усвоения на данной культур-

архаики и принять этику гражданственности в ее сурово-прозаическом величии. Домашние птицы, например гуси, ведут наземное существование, но сохраняют ограниченную способность летать и иногда, особенно, когда оказываются на возвышенной местности, пытаются сделать это. А, чтобы они далеко не улетали, хозяйки подрезают им крылья. Нечто подобное делают наши авторы с тем, что они называют старой моралью, и что обычные люди продолжают считать моралью как таковой. Обрубить моральные фантазии, желание летать, столь неуместное в заземленных условиях гражданского общества. – таков замысел авторов». См.: Гусейнов А. А. Гимн гражданскому обществу и его морали (о книге В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова «Гражданское общество: новая этика») // *Общепрофессиональная этика. Ведомости*. Вып. 25 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004.

¹¹ Модернизация. Университет. Прикладная этика. *Ведомости*. Вып. 37 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010.

ной почве и как элементы традиционной нравственности могут послужить предпосылкой модернизации»¹². На мой взгляд, этот тезис вполне работает и в случае предложенной мной этической проблематизации ситуации отечественной Модернизации как ситуации морального выбора.

«Естественная» мораль не может с достаточной адекватностью адаптировать людей к существованию в гражданском обществе. Но и объективно сменяющая ее мораль гражданского общества содержит потенциально серьезные проблемы в освоении Современности. Не очень-то просто осознать и принять различия двух моралей, неизмеримо сложно овладеть искусством переключения из одного такого ценностного мира в другой:

как ни старайся, но духовные издержки при этом неизбежны. Не в этом ли один из корней драмы пребывания сразу в двух мирах или между ними?

6.3. Нормативно-ценностная система достижительской цивилизации: запрос на этико-прикладную проблематизацию идеи успеха

СОВРЕМЕННОЕ общество с достаточным основанием характеризуют именно как *достижительное*¹³ – благодаря полному или частичному принятию в нем идеи успеха, доминированию ценностных ориентаций на жизненный успех и успех деловой, соревновательных начал, отношению к потребности в достижении как нравственно значимой и т.д.

¹² *Беляева Е.В.* Выбор между традицией и модерном не есть нравственный выбор // Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011.

¹³ См., напр.: *McClelland D.C.* The Achieving Society. New York: Irvington Publishers, Inc., 1976. Ряд глав книги опубликованы на русском языке в ж. «Ведомости» НИИ ПЭ: Макклелланд Д. Достижительное общество. Главы из книги (пер. И.В.Бакштановской) // Ведомости. Вып. 14-17. Тюмень, НИИ ПЭ, 1999-2000.

Если в традиционных социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате *достижений* статус, то современный человек ориентирован не на воспроизводство жизни, а на достижение целей (современное общество воспроизводит «достижительный» тип поведения, отчасти характерный для некоторых сегментов элиты традиционного общества, в массовом порядке). Мотивация достижения – норма такого общества, ее нарушители этим обществом маргинализируются.

Для достигательного общества значимы выбор личностью ориентации на успех как акт *морального* выбора; культивирование стремления человека к достижениям как важной жизненной установки и умения строить стратегию служения делу; ответственное подтверждение призвания успешными – по высоким моральным и деловым критериям – результатами, и их нравственная оценка самим субъектом, группой, обществом.

Более того, успех является здесь целью и задачей жизни и обретает самостоятельное место в ряду других жизненных ценностей, то есть ценен и сам по себе, независимо от того, что он дает или способен дать человеку, достигшему успеха, независимо от результата, от наград.

В РАЗНЫХ проектах инновационной парадигмы прикладной этики тема этики гражданского общества раскрывалась через определенный набор ценностей современной морали. Так, например, в *Словаре ценностей гражданского общества* как составной части «Рабочей книги Гражданского форума Тюменской области» в числе таковых рассматривались свобода выбора и ответственность, индивидуализм и солидаризм, рациональность, профессионализм, жизненный и деловой успех, корпоративизм.

Успокаивая себя тем, что ценность свободы выбора была рассмотрена в первой части моего курса, я – с большим трудом – убедил себя отложить характеристику ценности профессионализма до лекции 7. И позволил себе сосредоточиться здесь только на одной из ценностей граж-

данского общества, непосредственно характеризующей его как достигательскую цивилизацию – ценности успеха в ее этико-прикладном измерении.

А в качестве эпиграфа процитирую книгу Р.Хубера «Американская идея успеха»¹⁴, основные главы которой переведены (с разрешения издательства) Центром прикладной этики и опубликованы в Вестнике «Этика успеха»¹⁵:

«...Является ли успех “застенчивой дамой” или “сучьей богиней”? Это зависит от того, кто измеряет. Несомненно, многим хотелось бы обнять эту даму и задушить эту суку одновременно. Некоторые критики позднее подчеркнут в нашем исследовании именно импульс “задушить”. Нам же позвольте открыть душу стремлению “обнять”».

УСПЕХ – одна из наиболее самоочевидных ценностей гражданского общества. Развитое гражданское общество ценит *этически полноценный* успех. А в неклассическом обществе сочетание успеха с таким прилагательным проблематично – ниже я буду комментировать это обстоятельство специальными *репликами*.

Амбиция преуспеть атрибутивна для человека развитого гражданского общества. При этом важно подчеркнуть: успех в этом обществе становится тем, что может быть названо *благом благ*. «Человек успеха» ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, принадлежащие к уровню базовых ценностей человеческого существования. Цели,

¹⁴ См.: R.M.Huber. The American Idea of Success. Pushcart Press, 1987.

¹⁵ Хубер Р. Деньги. Статус. Слава. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 2. Москва-Тюмень, 1994; Хубер Р. Моральные дилеммы успеха. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 3. Москва-Тюмень, 1994; и т.д.

вполне способные встать в ряд с такими основными феноменами бытия человека, как труд, игра, любовь, смерть, господство. Поэтому успех не может не быть самоценной мотивацией человеческой деятельности.

Человека гражданского общества вполне можно идентифицировать как «достижительного», как «человека успеха», стремящегося стать «состоявшимся человеком», «успешным профессионалом» и т.п. И сам этот человек идентифицирует себя с такими ориентирами, как «жизненный успех», «деловой успех», «профессиональный успех». При всей сложности различения этих сфер успеха у них не случайно общее сущностное: ценность успеха занимает реальное место в рациональной морали.

При этом важно преодолеть искушение рассматривать характеристики «рациональная мораль» и «этика (мораль) успеха» как синонимичные. И действительно, если рациональная мораль атрибутивна достижительной цивилизации, если мораль успеха – сердцевина, нерв рациональной морали, их отождествление было бы понятным. Однако в этом случае может возникнуть больше чем неточность. Дело в том, что профессиональная мораль, трудовая этика и этики различных видов специализированной деятельности не могут быть сведены к нормативно-ценностному комплексу, в котором доминирует ориентация на успех. Человек, хорошо исполняющий свою работу, профессионал, овладевший мастерством в сфере своей деятельности, следующий при этом требованиям профессиональной морали, – не обязательно является «человеком успеха». Добросовестный, эффективный, ответственный и т.п. работник еще не обладает признаками «человека успеха», если у него нет развитой достижительной мотивации, воли к успеху, готовности рисковать в предпринимаемом деле и т.п., с одной стороны, если он не воспринимается таковым в своем собственном сознании и в общественном мнении – с другой.

ОДНАКО высокая самоочевидность места и роли ценности успеха в классическом гражданском обществе все же не абсолютна.

Идея успеха противостоит одновременно как модели *выживания*, в рамках которой не предусматривается или просто невозможна ориентация именно на успех, так и модели агрессивно-циничного успеха, противопоставляющей успех – этике.

В достижительном обществе мы видим, с одной стороны, процесс широкого освоения темы успеха (жизненного, делового, профессионального), развернутый современным гуманитарным знанием в теоретических и прикладных исследованиях, посредством популярной литературы; учебных семинаров и консультационных практикумов; силами многообразных движений, ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере, в профессиональном совершенствовании. «Как уцелеть среди акул» и «Жизнь 101», «Преуспевание с радостью» и «Рожденные выигрывать» и т.п.

Первая реплика относительно современной российской ситуации: как и книги Дейла Карнеги все это – феномены и нашего отечественного духовного обихода.

С другой стороны – прямо оппозиционная тенденция в отношении ценности успеха. Так, в манифесте «О панике», принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве «ценностей», выдвигаемых современными идеологиями на первый план и обнаруживающих свою «реакционную функцию», отмечена «навязчивая идея успеха и расчета». В рамках различных форм социальной критики, наряду с доминирующей ориентацией на успех, получил распространение и феномен *дезангажемента* в отношении делового и жизненного успеха. Альтернативные успеху стремления

мотивируются засильем духа торгашества в бизнесе, цинизма – в политике, карьеризма – в управлении, авторитаризма – в педагогической деятельности, общей дегуманизацией межличностных отношений, манией потребительства и т.д. Уклонение от успеха становится ценностью в контркультуре, где успех вытесняют: как установка на социальную пассивность и выключение из социально одобряемых действий, так и ориентация на жизненную «философию безнадежной решимости».

Вторая – большая! – реплика относительно современной российской ситуации. В дискуссиях о постсоветском российском обществе идея успеха активно поддерживается – и не менее активно подвергается критике.

Поддерживается – в рамках продвижения либеральной идеологии. Современный отечественный публицист пишет: «Если раньше из Кремля отчетливо пахло поздним англосаксонским позитивизмом, то сейчас Владислав Сурков вещает в духе ранней буржуазной этики. Каждое слово буквально пропитано азартным протестантским духом XVII века. Чего только стоят лозунги: «Дерзость. Вера и воля», «...нужно запустить этот механизм азарта и интереса к жизни». Нет, это уже совсем не то, что раньше. Никакого унылого экономического прагматизма. «Кроме конкуренции нужно еще тщеславие и большие цели». Это даже не лелеемая большинством консерваторов мечта о николаевском status quo 1830-х годов. Нет, тут копай ещё глубже, в петровские времена: «Нам нужна новая "Немецкая слобода"». Самое начало, заря Империи, суверенная демократия по Петру I. Все ещё впереди. Такого оптимизма мы не видали давно, – пишет автор «Русского обозревателя»¹⁶.

Идея успеха активно критикуется – прежде всего, когда успех трактуют в категориях морального выбора.

¹⁶ Акопян Артем. Суверенная протестантская этика. // Русский Обозреватель (<http://www.rus-obr.ru>).

«Самый первый и сущностный моральный выбор начинается с вопроса: стремиться ли к успеху или не стремиться к нему? Это фундаментальный моральный выбор. В чем выбор? Понятно, что главный показатель успехов журналиста – его имя. А сделать имя моральным путем очень трудно... Можно предположить, что некто не хочет стремиться к успеху потому, что не желает оказываться в тех напряженных ситуациях морального выбора, с которыми связано само стремление к успеху», – пишет С.Новопрудский¹⁷.

По сочетанию апологии и критики идеи успеха как объекта теоретического и социально-практического освоения в отечественной ситуации характерен проект «Российская идея успеха», причем оба его этапа: первый – доклад о доктрине этики успеха¹⁸, второй – экспертиза этой доктрины¹⁹.

Авторы доклада выдвинули и обосновали задачу намеренного культивирования в современном российском сознании духа нравственно достойного успеха, стремления к успеху, достигаемому подлинными свершениями, ответственным поведением, деловой культурой в их непосредственной связи с правилами че-

¹⁷ Новопрудский С.В. «...Самый первый моральный выбор начинается с того, стремиться ли к успеху или не стремиться к нему» // Тетради гуманитарной экспертизы. Вып.5. Медиаэтос: Журналист в ситуации морального выбора./Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2001. С. 29.

¹⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу (научно-публицистический доклад) // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.10, специальный/ Под ред. В.И.Бакштановского, В.А.Чурилова. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики и Финансово-инвестиционная корпорация «Югра», 1997.

¹⁹ Российская идея успеха: экспертиза и консультация. // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 11. 1997.

стной игры, этикой политической, предпринимательской, профессиональной и т.п.

Организуя экспертно-консультативный проект, авторы стремились испытать представленную в докладе гипотезу о том, что основной идейно-нравственной проблемой, значимой для постсоветской России, становится самоопределение к двум стратегиям: Россия – на общем пути развития современной цивилизации или – на особом пути. При этом мы полагали, что отечественная ситуация допускает не просто жесткий выбор между этими стратегиями по закону игры с нулевой суммой, но и создание весьма рискованной – методологически, психологически и т.д. – конвергентной и мозаичной конфигурации ценностей, природа которой во многом определится самой процедурой «конструирования».

Дополню эту аннотацию доклада некоторыми заголовками статей участвующих в экспертизе авторов. Из заголовков видна как многогранность темы, так и многообразие подходов к ней (и – качественный уровень экспертизы, определяемый уже именами ее участников).

Российские архетипы и “трепетная этика” (Г.Г. Дилигенский); Ценность успеха как достижительная мироустановка: стратегическая координата экспертизы (Г.Э. Бурбулис); Думаю про “этику успеха” (Г.Д. Гачев); Процедура конструирования идеи как образ жизни (Л.А. Аннинский); “...Действительно дерзко” (А.А. Гусейнов); У предела: Этика ответственности как национальная идея (Г.С. Батыгин); “...Христианство фундирует этику успеха как никакая другая религия” (Ю.М. Каграманов); Этика успеха и онтология национальной культуры или все у нас получится (В.А. Малахов); Яйца или корзина для яиц? О модельности жизненного успеха в модернистском проекте (А.Ю. Согомонов); “...Соединить идею индивидуального ус-

пеха с идеей национального процветания” (А.С. Ципко); От этики успеха к успеху этики в формировании российской национальной идеи? (Е.И. Головаха); “...Скарлетт О’Хара испытывает все те проблемы, которые испытываем мы при переходе от социалистического общества к рыночному” (Ю.А. Богомолов); Личный успех и солидаризм (Д.В. Драгунский); Русская самобытность сегодня: духовность или душевность? (Т.И. Кутковец, И.М. Клямкин); “Индивидуальный успех”: шанс или ограничитель российской реформации? (А.А. Кара-Мурза); Российская модернизация: проблема нравственной инфраструктуры (Б.Г. Капустин); Этика успеха в системе нового российского феодализма (Н.Е. Покровский); Мораль успеха: опыт парадоксальной метафизики (А.С. Панарин); Этика дела или этика успеха? (В.Г. Федотова).

КАК В КЛАССИЧЕСКОМ, так и, тем более, в становящемся гражданском обществе культивирование идеи успеха без этического насыщения ориентации на достижения может обернуться утопией или даже намеренной идеализацией «грязной практики», стихии аморализма, провоцированием торжества аморального поведения. Сама практика реализации идеи успеха – в том числе и наша отечественная – дает достаточно оснований для вывода о том, что в современном обществе культ успеха нередко приводит к вытеснению моральных ориентиров и потому вызывает ощущение его нравственной ущербности. Без этической рефлексии трудно смягчить моральный риск ориентации на успех – повышенную опасность для вовлеченного в жизненную и деловую гонки индивида не устоять перед искушением нарушить те или иные моральные запреты, «правила игры» ради скорого достижения успеха (во всех его ипостасях) и тем самым войти в конфликт как с совестью, так и с законом, сложно ограничить практику следования циничному принципу «успеха достоин тот, кто его добился».

Поэтому развитое гражданское общество и ориентировано на *этическую* идентификацию успеха, обязательную моральную рефлексию как самой ориентации на успех, так и путей к успеху.

В процессе такой идентификации важен и вопрос об *этической* безопасности идеи успеха, в том числе – об ее самоограничениях. Этот вопрос ориентирует поиск ответов, во-первых, на нравственную критику (и самокритику) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критику с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических позиций. Во-вторых – на критику аморализма, которым слишком часто отягощено стремление к успеху. В-третьих – на определение пределов «внедренческой» активности идеи успеха в жизнь общества, профилактику ее возможных притязаний на монополизм в ситуации выбора ценностей.

ХАРАКТЕРИСТИКА наиболее важных аспектов успеха как ценности предполагает обостренное внимание к такому аспекту достижительной парадигмы деятельности, как различие, с одной стороны, удачи, везения, фортуны, а также патерналистски отмеренной доли благ при всеобщем распределении или, наконец, просто сам по себе хороший труд и полезный его результат и – с другой стороны – собственно достижений человека.

Успех отражает *намеренность* достижительной мотивации; эффективность инициированных действий; индивидуальную ответственность как за успех, так и за неуспех, значимые и для субъекта деятельности, и для общности и общества в целом; оценку цели и средств достижительной деятельности как самим ее субъектом, так и обществом.

В специальных исследованиях различаются *стремление к достижению успеха* – и *стремление избежать неудачи*. И то и другое характеризуется, во-первых, с точки зрения определенной силы, зависящей от интенсивности стремления к успеху или степени опасения неудачи; во-вторых, с точки зрения вероятности успеха и неудачи, кото-

рая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в-третьих, с точки зрения ценности и привлекательности успеха и неудачи – чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех, и наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность. Без учета такого различия трудно составить современное представление о феномене успеха в отличие от иных феноменов – труда, хорошей работы, эффективной деятельности, значимого результата и т.п.

Особенность людей с сильной мотивацией достижения заключается в том, что они стараются найти или создать ситуации, в которых могли бы получить удовлетворение от достижений. То, что другим приходится совершать из желания заслужить благодарность, сделать деньги или освободить время от работы, превращается в деятельность, стандарты совершенства которой определяются и соблюдаются по доброй воле. Это люди, которые сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние стимулы, зависящие от ситуации, и усердно стараются достичь этих стандартов. Не требуется особого воображения для предположения о том, что, когда в обществе появляется значительный ряд людей с высокой потребностью в достижениях, все вокруг них неминуемо приходит в движение.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ шаг в характеристике этики успеха – соотнесение успеха с критерием эффективности и результативности деятельности человека, с одной стороны, с удачей – с другой.

Известно, что всякая человеческая деятельность (хозяйственная, политическая, воспитательная, бытовая, культурная и т.п.), а заодно и функционирование связанных с ней институтов и организаций, носит целенаправленный характер и, стало быть, заведомо «обречена» ориентироваться на достижение какого-то положительного результата. Хотя положительный результат, само собой разумеется, достигается отнюдь не везде и не всегда, однако стремле-

ние к нему заложено в механизмы человеческой деятельности как бы изначально, присуще ей по определению. Как магнитная стрелка неудержимо влечется к полюсу, так и человек в своей многогранной деятельности повернут лицом к результату, стремится к нему – иного ему просто не дано. (Абстрагируемся сейчас от проблемы иррациональности в человеческой деятельности.)

Сказанное выше относительно «обреченности» устремлений к положительному результату не вызывает сомнений в силу своей тривиальности. Но можно ли постфактум автоматически трактовать такой результат в качестве именно *успеха*? Не очевидно ли, что «результат» и «успех» хотя и весьма близкие, родственные, но вовсе не равновеликие понятия? Во-первых, личность, ориентированная на достижения, заинтересована не просто в долгой, напряженной, кропотливой и проч. работе, но в работе эффективной, в том, чтобы найти оптимальные пути, получить те же результаты при меньших усилиях и т.п. (эта сторона человеческой деятельности исследуется *праксиологией*). Во-вторых, эффективность не сводима к привычному значению этого слова, которое умаляет первоначальный смысл, происходящий от латинского *ex facere* – «делать». «Производить эффект» – значит быть активным, а не просто подвергаться аффектам. В-третьих, в качестве успешных (либо не успешных) оцениваются не только праксиологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и аксиологическая «составляющая» целей человека успеха.

В практике словоупотребления (и в исследовательских работах) *успех* иногда недостаточно четко, иногда – полностью отличается от *удачи*. Казалось бы, вполне приемлем смысл слова «успех», зафиксированный в Толковом словаре В. Даля: «УСПЕВАТЬ, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого... Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное. ...Успешник – успешный делатель, у кого работа спорится». Но отражено ли

здесь различие между успехом и удачей? Подразумевается ли, что успех – это то, что человек достиг именно собственными усилиями, а не благодаря стечению обстоятельств? Равны ли успех и удача этимологически?

Реплика. Речь идет не о чисто академической проблеме, не просто о спорности словарных дефиниций. Например, в современной отечественной ситуации запрос на идею успеха нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроигрышной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества, прежде всего те, которых называли «новыми русскими» – не только в бизнесе, но и в политике, не только в публичной, но и в частной жизни. «Госпожа Удача» – весьма распространенная метафора успеха и для «антилюмпенов» – части современной элиты. Подчеркну: эта метафора продвигается не в дополнение к успеху, а вместо «Господина Успеха».

Широкую распространенность «заражения» психологией и этикой жизненной рулетки и доказывать не стоит. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф телелотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на «поле чудес», поймать «счастливый случай», не прозевать «час фортуны» и т.п.? И такой паллиатив – «удача» вместо успеха, ожидание «дара судьбы», стремления «поймать шанс» вместо того, чтобы сотворить его собственными усилиями и достижениями – продолжает культивироваться далеко за пределами игровой сферы. Причем в контексте сильно выраженных в обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений.

В то же время «модель удачи» не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на благоприятное стечение обстоятельств. Важно иметь в виду, что ключевые

в характеристике ценности успеха понятия «выиграть» и «проиграть» утрачивают в этой модели один из своих важнейших смыслов – экзистенциальный, согласно которому «неудачники», «проигрывающие» не избегают личной ответственности, а «рожденный выигрывать» – это не тот, кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу: он может терять почву под ногами – терпеть неудачу, но не разыгрывает из себя беспомощного, не играет в обвинения, отстаивает право на собственное решение.

«Модель удачи» принимает и вид конкуренции «достижениями», которые иррациональны как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежних эпох такая стратегия, вполне естественная для условий несвободы, прямо противостоит «модели успеха», воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей свободный выбор, самонахождение стратегии ответственности.

Соотношение успеха и удачи как одну из важных линий в характеристике ценности успеха можно рассматривать в нескольких аспектах. Возможна трактовка удачи как такого успеха, который не является ни плодом свободного выбора, намеренности субъекта, ни результатом эффективной реализации его достигательной ориентации, а возникает как объективное стечение обстоятельств, как фортуна и т.п. В этом случае для разведения понятий «успех» и «удача» подходят характеристики «обретший» и «сподобившийся». В то же время удача вполне может быть и моментом успеха: удача «находит» человека, стремящегося к успеху. В свою очередь, неудача может трактоваться как плохое стечение обстоятельств, упущенный шанс. А может – как итог намеренного и принципиального уклонения от ориентации на успех, от стратегии успеха.

СОСТОЯВШИЙСЯ человек (по Далю: «Состояться, исполниться, сбыться, свершиться») – такая характеристика является важной гранью образа человека успеха. В том

числе – успешного профессионала, который, не соблазняясь манящей славой шумного успеха, именно своими достижениями заслужил право именоваться таким эпитетом. И в этой оценке не обязательны ни «счастливый случай», чудотворное везение, ни проворная погоня за славой. Хотя распространенный тезис о том, что Америка – это страна «шумного» успеха, а Россия якобы – страна успеха «бесшумного», вполне спорен. Скорее и там, и тут «шумят» нувориши, люди, еще не уверенные в прочности своего положения. И все же если успех – не обязательно тот, от которого голова кругом, то сама по себе «тихость» – еще не обязательно именно успех. Важнее то, что успех является уделом личного выбора и ответственности.

Состояться – значит *успеть* состояться. Если вспомнить еще раз Толковый словарь В. Даля, то в нем можно вычитать формулу «успешен тот, кто успел». Не следует ли из того, что тот, кто «успел», чуть ли не автоматически заражен психологией временщика? Как раз напротив, успех состоявшегося человека долговремен, он несет свои идеи и цели всерьез и надолго.

Успел достигнуть чего? Желаемого? Всего, что желал? «По жизни», видимо, так и есть: построил дом, посадил дерево, вырастил детей – жизнь состоялась. Но характеристика «состоявшийся» в отношении человека успеха может повлечь за собой что-то принудительно фиксированное и привести к пренебрежению мировоззренческим содержанием успеха. «Успеть» в чем? В исполнении призвания. В чем, например, может состояться успешный педагог? В личностях учеников. Возможно, они преуспеют в жизни больше, чем их учитель, но от того, что ученики оказываются сильнее его, мудрее его, умнее его, он испытывает радость.

Когда мы пользуемся понятием «состоявшийся человек», то чаще акцентируем социально-публичный план. Но предметом достижения могут быть и самовоспитание, и саморазвитие. Стремление к успеху может воплощаться и во

внешне незаметных задачах, решая которые человек совершенствует себя. Если обратиться к отчетственной ситуации, то герой повести Д. Гранина профессор Любищев сам себя оценивал как неудачника, но и при этом чувствовал себя счастливым человеком. Возможно, от полноты самореализации, осуществления себя?

ПОНИМАНИЕ феномена успеха предполагает обращение к его символам. В достижительной цивилизации деловой и жизненный успех часто отождествляются со стяжанием личностью богатства, главным образом в его денежной форме или в соответствующих эквивалентах. Среди них – обретение политической власти, могущества или высокой оплаты труда, престижа или славы в результате бюрократической, политической, религиозной, военной, артистической, спортивной или иной некоммерческой карьеры.

«Деньги. Статус. Слава». Пожалуй, нигде, кроме как в Америке, отождествление успеха с этими символами не приобрело столь очевидного и даже гротескного характера. Там возник настоящий культ успеха и, как замечают исследователи, американцу гораздо проще установить, чего он достиг, чем выявить, кем он является (стоит отметить, что некоторые исследователи русского национального характера полагают, что русский мыслит прямо противоположно: ему не очень важно, чего он достиг, но он хочет понять, кто он есть). Пусть это кажется наивным и излишне прямолинейным, с точки зрения, допустим, европейца, но успех за океаном означает умение «делать деньги», и постоянно озабоченный реализацией этого умения человек обязан обратить их затем в статус, аккумулировать в престиже, популярности, на что тоже требуются особые умения по части эффективного использования денег, мастерства их инвестирования в систему культурной символики.

В таком подходе успех неумолимо объективен и даже безличностен. Он регистрирует изменения на шкале статусных рангов общества посредством неравномерного распределения благ всякого рода. При этом успех означает не

просто состояние «быть богатым» или же «быть знаменитым» (предположим, получить все это по наследству или в качестве щедрого дара – как раз здесь лучше подходит понятие «удача»), а именно самому добиться и того и другого, собственными усилиями взобраться на верхние ступени лестницы социального продвижения (взлететь с помощью «стратификационного лифта»).

Однако мало ограничиться простой констатацией восхождения по ступеням богатства, карьеры, известности, шире – восходящей социальной мобильности. Успех обязательно должен быть признан другими, обрести сертификат общественного одобрения и признания. В том числе в масштабах локальных пространств и организаций, корпораций, учреждений, служб или рассеянных профессиональных сообществ, одобрение со стороны которых не всегда имеет широкий резонанс в общественном мнении и тем более не всегда располагает скоординированной денежной формой выражения. Но не меньшую роль может играть трудноисчислимое вознаграждение уважением, профессиональным признанием у коллег и потребителей профессионализированных услуг (авторитет юриста, врача, ученого, инженера, менеджера и т.п.), что укрепляет достоинство личности, усиливает чувство самоуважения.

При всей объективности успеха, измеряемого по подвижной шкале разнокачественных критериев достижения, он вместе с тем и относителен. Более того – во многом субъективен. Относителен в том смысле, что определяется через механизм социального сравнения с другими лицами, добивающимися успеха (конкурентами, соперниками, претендентами, соискателями и просто друзьями, знакомыми и соседями). Этот незримый, но чрезвычайно существенный механизм действует через постоянное сопоставление рангов и институций, которые предоставляют такой ранг (одни из них более престижны и значимы, другие – менее), через сравнение публичного признания на разных поприщах достижения, включая и сферу потребления.

Если эффективность и результативность вполне измеримы, то успех как подвластен, но, одновременно, так и неподвластен измерениям с помощью объективных критериев. В нем всегда пульсирует сильно выраженное субъективное начало, некий порыв (в оценках, в самооценках, в сопутствующих образах и представлениях). Он определенным образом вписывается в биографические лоции жизненного пути личности, используется «только для себя», что придает всей проблематике успеха экзистенциальный смысл.

Такие представления и оценки, понятно, решающим образом зависят от общего социокультурного контекста. Он просто не может не подталкивать личности, группы (команды) и организации к достижению положительных результатов их деятельности, к так или иначе поддающимся демонстрации достижениям, успехам. Притом социокультурная среда может влиять на достигательную деятельность либо вяло, либо энергично, может сопровождать ее знаками престижа, перемещениями рангового характера, помещая ценности успеха поближе к эпицентру аксиологической Вселенной или же смещая их куда-то на ее периферию. Эта среда может влиять – инерциально или артикулированно – на достигательскую ориентацию, требовать либо мультипликации каких-то однажды обретенных положительных результатов (традиционные социумы), либо, побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, «покорения» природы). Она способна множить образы успеха, оснащать его модели особенно призывными символами и формулами, высказывая почтительное внимание к частностям «успехологии», к деталям и орнаментам моделей успеха, привлекая повышенный интерес к, условно говоря, инфрауспешности и ультрауспешности. И притом обязательно вписывая все грани успешности в этнонациональную ментальность.

Эта ментальность влияет на тот или иной способ разрешения напряженного противоречия между социокультурным, коллективно-массовым пониманием успеха в материальных терминах (богатство, транспонированное в статус, в известность), успеха, измеряемого по совокупности некоторых вполне исчисляемых и демонстрируемых критериев, – и личностным пониманием успеха в духовных терминах, выраженным с помощью не всегда поддающихся замерам и зрительскому предъявлению субъективных критериев, таких, как самоотдача, служение людям, душевный покой и т.п.

Реплика. Современные российские реалии таковы, что, например, профессиональный успех в сфере научно-образовательной деятельности далеко не всегда имеет корреляцию с денежным успехом.

Отсюда характерность одной из проблем современного бытия университетских профессионалов: либо стремиться соответствовать современным, доминирующим в массовом сознании, символам успеха (сегодня в обществе наиболее значим денежный успех) – либо ориентироваться на символы профессионального успеха (значимого в профессиональном сообществе и являющегося признаком профессии в общественном мнении).

Приведу фрагменты стенограммы одного из ректорских семинаров в ТюмГНГУ, в повестку которого была включена гуманитарная экспертиза *практикуемых* моделей профессионального успеха университетского преподавателя, исследователя, профессора-администратора и тех ориентиров успеха, которые *задает* им модернизационная стратегия развития университета²⁰.

²⁰ См.: Богданова М.В., Бакштановский В.И. Актуальные аспекты ситуации университета в координатах гуманитарной экспертизы стратегии его развития // Модернизация. Университет. Прикладная

Экспертная деятельность семинара предполагала рефлексию образов успеха в современной жизни. Вниманию экспертов были предложен слайд, содержащий иллюстрации типичных образов успеха:

достижение (на вершине горы),
удача (жар-птица),
финиш в соревновании (разрыв ленты),
цель движения (стрелка),
деньги – символ успеха (золото на весах),
карьерера (ступени роста).

Участникам семинара предлагалось отнестись к этим образам, выделив доминирующие модели успеха в современном обществе и в среде университетских профессионалов.

Характерное суждение о применимости представленных на слайде образов успеха к ситуации успеха университетского интеллектуала.

** «Даже в условиях социальной стабильности интеллигенция не была однородна: были люди, ориентированные на деньги; были люди, ориентированные на карьеру; всегда были люди, ориентированные на достижение вершин в науке. Ментальность людей меняется гораздо мед-*

леннее, чем социальная ситуация. Конечно, слой интеллигенции сегодня истончился, но позиций осталось столько же, просто самих людей меньше.

Рассматриваемые здесь картинки-образы успеха – эта та реальность, из которой мы должны исходить сегодня.

Кстати, по поводу прозвучавшего здесь тезиса “Если ты такой умный, то почему такой бедный?”. В этом тезисе – большое заблуждение девяностых годов, когда интеллигенция совершала свой моральный выбор. Очень многие сделали этот выбор осознанно, очень многие выбрали именно бедность. Не потому, что были глупыми, а именно потому, что люди разные.

Для университета важно определить принципиальные позиции, на основе которых мы, как Одиссей, поведем корабль университета. Если поведем к исследовательскому университету, значит, в университете должны цениться ум, знания, интеллект, научные школы и достижения.

Но для университета сегодня нужны и те, кто приносит деньги. Причем, когда мы пытаемся с высоких моральных позиций осуждать людей, приносящих деньги, то для менеджмента университета это самый большой риск. Можно награждать, чествовать ученых, но нельзя осуждать, клеймить или не поддерживать людей, которые несут деньги.

По-моему, самый большой риск стратегического менеджмента – это риск идеализации, будто мы можем сгладить разницу и найти нечто среднее: воспитать такого управленца или профессора, который будет и деньги зарабатывать, и книжки писать, и учеников иметь» (В.Г.).

(...) Проблематизируя переход к следующему вопросу программы, консультант семинара отметил, что, к сожалению, художники не захотели или не смогли предложить образное выражение моделей успеха с моральной точки зрения, предполагающей внимание к теме моральной цены ус-

пеха: «*достойный успех*», «*честный успех*». Художественная метафора на эту тему была бы важна применительно к теме профессионального успеха университетских интеллектуалов. (...)

Как отметил консультант семинара, сегодня мотивация достижения, судя по некоторым элементам модернизационной стратегии университета, переживает второе рождение. Но отвечает ли *интерпретация* мотивации достижения середины 90-х годов изменившейся ситуации? В качестве конкретизации направления экспертизы участникам семинара были предложены образы-модели успеха университетских интеллектуалов, *акцентирующие способы* достижения успеха, практикуемые и культивируемые в университете.

Модели успеха в университете

1. Успех за счет тотальной коммерциализации профессии – гонка за грантами и хоздоговорами; доход в копилку университета как основной показатель профессионального успеха.

2. Успех за счет превращения профессии в «индивидуальное деловое предприятие», ресурс которого – эксплуатации патоса профессионализма (продажа студентам контрольных, курсовых; попустительство через зачет работ, не являющихся результатом их труда; упрощение учебного курса и т.д.).

3. Успех в административной карьере за счет подмены профессионального достоинства безропотным исполнением, деперсонализацией и конформизмом; лояльности организации в ущерб нравственной независимости и критическому мышлению профессионала и т.д.

4. Успех за счет профессионализма в педагогической и исследовательской деятельности, предполагающего профессионально-этическую компетентность. Успех, достигнутый не за счет понижения пла-

нки профессионализма, а благодаря ориентации на дисциплину Знания: его добывание и распространение дисциплинирует профессионала в большей мере, чем регламенты и инструкции.

Экспертам предстояло проанализировать, какие из предложенных моделей доминируют в современной практике университетов, какие слабо выражены? Исключают ли эти модели друг друга или дополняют?

В процессе обсуждения обозначилось несколько позиций.

Характерное суждение, акцентирующее необходимость учета стартовых возможностей в движении к успеху:

«Я полагаю, что прежде чем обсуждать практикуемые и проектируемые модели успеха в университете, следует рассмотреть ту платформу, исходную позицию, из которой университетские профессионалы выстраивают свою траекторию движения к какой-то вершине. Можно рассмотреть два варианта.

Первый – когда университет уже имеет денежный базис, например, выиграл грант, стал исследовательским университетом, и задача заключается лишь в том, чтобы оправдать деньги. В этом случае некоторые из представленных на слайде моделей успеха уходят, и университет должен заботиться о нравственных аспектах успеха наших профессионалов.

Второй вариант – когда бюджет университета слаб. И тогда прежде всего задачей является поиск денег, чтобы выжить и развиваться, воспитывать поколение приемников, проводить качественные исследования» (Н.К.).

Далее участникам семинара было предложено рассмотреть дилемму представленной на предшествующем слайде позиции 4, в соответствии с которой успех достигается «за счет профессионализма в педагогической и исследовательской деятельности»:

<p>Либо стремиться к такому денежному успеху, который мало связан с этически полноценным профессионализмом</p>	<p>Либо ориентироваться на мало связанные с денежным успехом символы успеха, значимые по гамбургскому счету профессионального сообщества.</p>
	

Консультант семинара сформулировал вопрос: является ли эта дилемма фатальной для современной практики базовых профессий научно-образовательной деятельности университета? Или ее напряжение может быть ослаблено? За счет чего?

В процессе обсуждения обозначились подходы, в которых было подвергнуто сомнению наличие дилеммы успеха университетского интеллектуала.

Характерные суждения

* О сочетании в современной практике двух стратегий успеха:

«Мне представляется, что противопоставление “либо денежный успех – либо профессиональный успех” сегодня уже не соответствует реальности. Понятно, что установка на успех за счет профессионализма живет в нас до сих пор, и уйти от нее тяжело. Мне кажется, что именно такое ощущение и движет консультантом нашего семинара. Полагаю, что до определенного периода в профессиональной биографии установки на успех в профессии и денежный успех находятся в разных плоскостях: сначала реализуется модель профессионального успеха, затем – денежного успеха. Поэтому сегодня рассматривать их в ситуации противопоставления друг другу, я думаю, малоэффективно.»

Еще один момент. Денежный успех или профессиональный успех – это выбор человека. Но в целом, полагаю, сегодня мы должны говорить об ином – о формировании единой модели, которая не противопоставляет административную карьеру и нравственную независимость» (Л.М.).

** О мнимости дилеммы успеха:*

«На мой взгляд, никакой дилеммы успеха не существует, особенно – применительно к понятию успеха, доминирующему сегодня в нашем обществе.

Если говорить о денежном успехе, то, уверяю вас, попытки преподавателей заработать или воспользоваться Положениями о мотивировании работников, которые имеют место в нашем университете, очень близки к попыткам “свести концы с концами”. Не более того. На науке по-настоящему заработать очень трудно, почти невозможно. Это касается девяноста девяти процентов случаев, если не всех ста.

А выражение “если ты такой умный, то почему ты такой бедный?” вообще никоим образом не касается сферы науки и образования. Оно из сферы бизнеса. Мне кажется, что в нашем сообществе оно вообще неприемлемо.

Если говорить о второй составляющей дилеммы, то только ненормальный ученый, наверное, планирует свою карьеру с расчетом на Нобелевскую премию. Успехи приходят случайно, вовсе не потому, что человек запланировал их.

Сегодня в нашем университете найдется немного людей, которые занимаются и будут заниматься наукой вне зависимости от того, будет у них успех, ждут они его или нет. Они просто без этого не могут.

Когда мотивация достижения в научной сфере зарабатывает? На мой взгляд, когда правительство обеспечит достойные условия существования высшей школы. Тогда можно будет говорить о денежном успехе, о людях, кото-

рые, имея достойный уровень существования, начинают думать о настоящем зарабатывании денег, о таком, как в бизнесе. И, безусловно, о второй составляющей» (И.К.).

Следующим шагом семинара была экспертиза гипотезы, представленной на таблице.

Напряжение дилеммы профессионального успеха может быть ослаблено включением в модернизационную стратегию установки на *институциональную поддержку* этически полноценного профессионализма.

Материалы этой работы описаны в обзоре, фрагменты которого я цитировал выше²¹.

СФЕРЫ ЖИЗНИ, в которых человек хочет и может преуспеть, многообразны. Наиболее очевидны такие сферы (виды) успеха, как *жизненный, деловой, профессиональный*. Правда, их соотношение не столь очевидно, особенно в нашей отечественной ситуации.

Представления о *жизненном успехе* во многом связаны с возможностью и необходимостью выделения его «главного содержания». Большинство людей колеблются при ответе на вопрос: что в жизни они считают важным? Стремясь помочь им, исследователи и авторы популярных работ напоминают о том, что не только понятие «успех», но и понятие «жизнь человека» многослойно, включая деятельность трудовую и общественную, политическую и культурно-бытовую, личную жизнь и т.д., советуют человеку, стремящемуся к успеху, соотносить это стремление с такими областями жизни, как здоровье, актуальная финансовая ситуация человека; семья, друзья, партнеры; возможность заниматься интересным делом; ощущение успеха и т.п. Но если представления людей о «главном в жизни» весьма

²¹ *М.В.Богданова, В.И.Бакштановский*. Актуальные аспекты ситуации университета в координатах гуманитарной экспертизы стратегии его развития.

различаются, возможно ли объективно «главное содержание» и, соответственно, «главный успех»? В обсуждении этого вопроса нередко возникает такой «ход»: нельзя ли обойтись без «главного содержания» жизненного успеха и при этом не уйти от субъективно принимаемых и общественно одобряемых критериев?

Реплика. Для нашей отечественной ситуации до сих пор скорее важен вопрос о преодолении скептического, а то и вовсе негативистского отношения к самой теме жизненного успеха. Очевидно, что закон успеха Паркинсона, трактуемый автором через «умение жить», для доминирующей два десятилетия лет назад отечественной идеологии звучал скорее как «антизакон». Сегодня мы еще только начали привыкать, что для морали гражданского общества раскавыченные слова «умение жить» избавляются от казавшейся обязательной трактовки в духе глубоко циничной, откровенно эгоистической стратегии жизненного успеха и в действительности связываются прежде всего с мерой овладения наитруднейшим для человека искусством – «искусством жизни». Привыкаем, но с трудом.

Желая выделить из интегрального понятия «успех» понятия «делового» и «профессионального» успеха, стоит прежде всего отметить их асимметрию, распространенную в современной отечественной практике. Как отмечают исследователи, превращение денег, видимого богатства из фактора, сопутствующего успеху, в фактор, определяющий успех, а с ним и моральное самочувствие и положение в обществе, провело резкую черту между «деловым» и «профессиональным» видами успеха, за которой значимость профессионального успеха явно принижена.

Разумеется, эта «черта» не отменяет полноценного значения делового успеха как такового, природа которого наиболее выразительно проявляется не только в деятель-

ности хозяйственной (труд вообще, предпринимательство особенно), но и в политической жизни, в управлении, в комплексе социально-педагогической деятельности и т.д.

Характеристика современной цивилизации как цивилизации достижений, акцентирование в такой цивилизации места ценностных ориентаций на деловой успех, значимая роль конкурентных, соревновательных и кооперативных начал в т.н. обществе развития и риска возвышают служение Делу и ответственность перед ним. Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием, так как из этой лакуны прежде всего и вырастает этика делового успеха.

Реплика. Исследование российской модели делового успеха – особая задача, но уже на стадии первых исследований есть основания для вывода о том, что невозможно эту модель вырвать из общецивилизационного – исторического и современного – контекста.

Современные отечественные модели делового успеха наследуют дооктябрьскую и советскую традиции. Поэтому важно понять нарождавшиеся в дореволюционной России модели успеха, в том числе философию хозяйствования в контексте различных этноконфессиональных культур. Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой – с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди его важнейших моментов – идеологемы коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о «науке успеха» в административно-командной системе. О мифологии бесчисленных починов, о морализаторском кретинизме официальной идеологии успеха, о нравственных коллизиях «бескорыстных преступни-

ков» и т.п. Или, например, о конфликтах «нового освоения»²².

Нормально устроенное современное общество выдвигает ценность профессионального успеха в число наиболее значимых социокультурных установок человека. В таком обществе профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности.

Реплика. В отечественной ситуации и сегодня «профессионализм» и «успех» – понятия, которые мы в их отдельности столь часто и с такой непринужденной легкостью используем в обиходной речи, – в своем сочетании нередко воспринимаются как чуждый нашему уху языковой феномен. Возможно, причина этого в том, что достижение профессионального успеха хотя и рефлексировалось в «советском» обществе даже в качестве витальной ценности, но сопровождалось таким количеством социальных преград и табу, что этот, вполне нормальный для цивилизованного общества, смысложизненный ориентир был подвергнут кардинальной гиперсоциализации и, в конечном счете, выродился в причудливый этатистский псевдоканон, лишенный как метафизических оснований, так и всякого смысла для приватной жизни людей.

Критерии профессионального успеха формировались не в профессиональных сообществах, а спускались как бы «сверху» и «по инстанциям». Стандарты успешного профессионализма были, во-первых, заниженными (условно говоря, довольствовались «тройками», даже не «четверками»), что обуславливалось экстенсивностью модернизационных процессов и разрывом традиций интеллектуа-

²² См., напр.: Грамолин А.И., Бакштановский В.И. Деловой человек. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1980.

лизма. Во-вторых, эти стандарты были сузубо эзотеричными, но никак не универсальными, и аккумуляровались они в области «государственного человека», лояльность которого к власти и господствующей идеологии была условием куда более значимым, чем любые имманентные и эксплицитованные достоинства его профессиональной культуры. Отсюда и индивидуальный успех оценивался подчас с неизменной оглядкой на мнение тех, кто отвечал за «здоровый дух» в обществе, а в народном мнении иногда воспринимался в категориях несправедливого и незаслуженного возвеличивания одной личности над остальными. В результате тот, кто и заслуживал высокой оценки с точки зрения профессиональных успехов, всячески старался свои успехи не очень-то демонстрировать, а тот, кто праведными и неправедными путями все же умудрялся снискать (объективно незаслуженно) такой оценки у власть предержащих, чаще всего не получал апробации этой псевдооценки в своем профессиональном окружении. Словом, смысл и значение понятия «профессиональный успех» если и не были кардинальным образом окончательно извращены, то фактически всегда «симулировались» как в рамках всего общества, так и в узкоколлективных профессиональных кругах. Естественно, что долго так продолжаться не могло.

Вряд ли кто усомнится в том, что трансформация сегодняшнего российского общества представляет собой нечто большее, чем деформацию старого «советского» общества, хотя, видимо, еще долго будет реализовываться стратегия именно деформации. По крайней мере до тех пор, пока самым принципиальным образом не начнется переоценка ценностей и культурных стереотипов, бытующих в постсоветском пространстве. И этот процесс уже идет: общество действительно обретает новое качество, мало-помалу освобождаясь от незатребованного современными условиями «старого» культурного багажа. Вполне вероятно, что реабилита-

ция ценностей успешного профессионализма станет в этом процессе одним из приоритетных направлений.

СОСРЕДОТОЧУСЬ на собственно этическом акцентировании успеха как ценности. *Этика успеха* предполагает, во-первых, особое внимание к выбору ориентации на достижение как к моральному выбору: само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора.

С одной стороны, признаком свободы такого выбора является возможность отношения к успеху как к смыслу и значению, долгу и ответственности, морально возвышенной жизненной цели, образу «плана жизни», тому, что вдохновляет человека. Разумеется, повседневный опыт нередко показывает, как стремление к успеху вполне может оказаться и отлученным от смысложизненного измерения, начисто лишенным метафизичности. Но предельное обобщение этого факта будет, в лучшем случае, заблуждением неведения, ибо успех вполне может и должен быть рассмотрен как своеобразное решение метафизических проблем – смысла жизни, призвания, служения, ответственности и т.п. Потребность быть сопричастным тому, что придает смысл человеческому существованию (идея, вера, дело, дети... – «дом души» у каждого свой), и в этой сопричастности не быть забытым, потерянным, а быть замеченным, именованным, окликнутым и тем самым и выделенным, признанным – дает основание говорить, что и само понимание смысла жизни, в свою очередь, может быть рассмотрено как выражение представлений об успехе.

Разумеется, возможен и необходим разговор о разных пониманиях самого смысла жизни, но не правомерен тезис о безразличии к нему этики успеха. Ценность успеха прямо связана с проблемой «во имя чего».

Как известно, М. Вебер выделил три «картины мира» и три способа отношения к миру, которые определяют направленность жизнедеятельности человека, вектор его социальных действий. Первый способ он определял как приспособление к миру, второй – как бегство от мира, третий – как овладение миром. Конечно, при желании и в первой, и во второй установке можно отыскать место для понятия «успех» – как достижения в процессе приспособления к миру или бегства от него. Но это – лишь формальный метод использования понятия. По существу дела ориентация на успех возможна лишь в рамках третьей «картины мира» и установки на овладение миром – активистской ориентации, побуждающей к деятельности «в миру» (по Веберу – «внутримирская аскеза»).

В то же время признаком свободы мировоззренческого выбора ориентации на успех является и рациональное отношение к венчурному – в моральном смысле – характеру такой ориентации, к ее амбивалентности, порождающей моральные дилеммы успеха, атрибутивные моральные конфликты достижительной деятельности и поиск способов их разрешения. По поводу дилемм, типологию которых еще только предстоит разработать, следует сделать два замечания.

Во-первых, само по себе эмоциональное проклинание «Ее Сучьего Величества Успеха» является подходом поверхностным. Плодотворнее – рациональное понимание природы моральной конфликтности идеи успеха. Во-вторых, эти дилеммы не могут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между двумя претендентками. Неприемлемо и ригористическое отношение к самому факту существования дилемм. Да, люди с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но ведь дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе.

С другой стороны, невозможно – и нет необходимости – изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляющих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика долга и этика любви (с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха); стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, в том числе стоицизм с установкой на деяние без надежды на успех; квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п. Поэтому существенная грань свободы выбора – моральная свобода уклонения от ориентации на успех. Идея признания права на иные жизненные пути, выбора своего направления в жизни является базовой в этике успеха.

Этика успеха культивирует чувство гордости за достигнутое. Это – естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости.

Реплика. В стране с долгим доминированием патернализма поддержка такого чувства особенно важна. Но этика успеха культивирует и меру этого чувства. Поэтому значимая роль этики успеха – решение ею проблемы взаимоотношений человека успеха и носителей иных ориентаций. Этика успеха не только ориентирует на достижения, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны «достигших» по отношению к «отставшим» или сошедшим с эскалатора социального восхождения, осуждает высокомерное отношение людей успеха «первого разряда» к «безразрядным» – пока не замеченным и не признанным. При этом напоминая, что чувство мнимого морального превосходства взбравшихся на вершину успеха и снисходительно поглядывающих на тех, кто отстал или вовсе «застрял» у подножия этой заманчивой вершины, провоцирует столь же

опасное для состояния общественных нравов чувство зависти, злорадства при любых неудачах людей успеха.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности – этика успеха – предполагает, далее, особую заботу о том, чтобы соотношение целей и средств в достижительном процессе соответствовало моральным требованиям.

Деятельность по «правилам честной игры» – так можно коротко определить задачу кодекса человека успеха. Субъекты амбициозные, инициативные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем не заменимую радость в погоне за достижением, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранным Планом жизни, личным Призванием – герои этих «правил».

Речь идет не просто об инструментальных правилах игры на рынке, в политике, в профессиональной деятельности, а именно о правилах честной игры, следование которым предполагает и требует *добродетелей* партнерства, честности в отношениях между участниками игры, верности обязательствам и т.п. Эти правила табуируют неразборчивость в средствах конкурентной борьбы (меры против недобросовестной конкуренции во всех сферах деятельности), игру на грани фола. Они предполагают совмещение конкурентного потенциала в борьбе за успех – с потенциалом кооперативным, рыночной ориентации на свободную конкуренцию – с ориентацией на добровольное ограничение экономического поведения, преодоление его социально оскорбительных форм и т.п.

Вместе с тем «правила честной игры» вовсе не носят ханжеского характера, не накладывают вето на хитроумные комбинации в рыночной и политической игре, не запрещают маневрирования, умалчивания о замыслах обманных дви-

жений, не осуждают стремления участников игры представить себя в выгодном свете. Иначе, не запрещают всего того, без чего *игра* – не игра, без чего трудно представить себе путь к успеху в ней, что делает этику успеха реалистичной, а не декларативной.

При этом природа «правил честной игры» далеко не так инструментальна, технологична и гиперконвенциональна, как это нередко кажется. Такие правила – отражение фундаментальных условий культуры достижения:

и в ситуации делового успеха, и в ситуации успеха жизненного «правила честной игры» не просто «профилактируют» недостойные средства борьбы за успех, но и мотивируют самую ориентацию на успех как служение.

6.4. «Повестка дня» российской модернизации в этико-прикладной парадигме морального выбора

В КАЧЕСТВЕ актуального случая формирования запроса на прикладную этику представлю фрагмент проекта НИИ ПЭ «Этика и модернизация» – этим проектом НИИ ПЭ в очередной раз²³ попытался откликнуться на актуальную проблему развития нашего общества²⁴.

Цель проекта, о котором я уже говорил во введении к курсу – фиксируя концептуальное противостояние в актуальном дискурсе о модернизации двух программ: «консервативной» и «либеральной» – обновить «повестку дня» в экспертной и публичной рефлексии задач модернизации России. Обновить – через критику наличной «повестки дня». Обновить – через внесение в «повестку дня» не просто этической *проблематизации* идеологии модернизации,

²³ Напр., проект НИИ прикладной этики «"Двадцать лет спустя": экспертиза-консилиум современной моральной ситуации в России». См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

²⁴ См.: Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010.

но *идеи-гипотезы* «Модернизация – ситуация морального выбора».

Речь в представляемом здесь фрагменте идет о моем *ответе* на доклад ИНСОРА «Россия XXI века: образ желаемого завтра»²⁵. Этот доклад характеризовал российскую ситуацию как развилку, требующую от общества четкого определения цели и совершения всем обществом сознательного выбора, «чтобы пройти эту развилку в правильном направлении и без необратимых потерь. От сегодняшнего выбора зависит, удастся ли России, наконец, стать современной во всех отношениях страной».

Предлагаемая этим докладом модель «желаемого завтра» – консолидированная позиция экспертов разных специализаций, которых объединяет «не только понимание проблем и путей выхода на новые рубежи, но и общие ценностные установки, общие представления о социальной этике и политической морали».

Авторы обратились к широкому экспертному сообществу с предложением обсудить доклад. Для себя я интерпретировал этот доклад как *запрос* на этико-прикладную проблематизацию ситуации Модернизации, сформулировав свою тему «Российская модернизация как ситуация морального выбора», предполагающую выбор в пользу ценностей публичной (общественной) морали *современности* – морали гражданского общества²⁶.

Выбор такой темы – вывод из понимания *проблемной* ситуации, сложившейся в обсуждении этических ориентиров («нравственных основ») модернизации. Проблемной прежде всего не из-за доминирования технократических подходов к модернизации, сводящих ее модели к набору экономических направлений и технологических новаций, но в связи с *риском*, порождаемым обнаружившейся *готовно-*

²⁵ Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: ИНСОП, 2010.

²⁶ См.: *Бакштановский В.И.* «Повестка дня» российской модернизации в этико-прикладной парадигме морального выбора // Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37.

стью ряда экспертов и политиков не просто расширить принятое ныне в России понимание модернизации за счет включения в нее социально-культурного измерения, но и к собственно *этической* рефлексии на темы модернизации.

Рискованной готовности, которая *далеко не* самодостаточна в ситуации многообразия:

* трактовок природы морали – в распространенных образах морали не различены, а то и перепутаны заповедная и современные морали, светская и религиозная парадигмы морали, универсальная мораль, мораль индивида и этика профессии, корпорации, общеобщественная мораль;

* концепций приложения потенциала морали к модернизации – сегодня уже мало решиться на отказ от технократических моделей модернизации. Речь должна идти об уязвимости спора о модернизации, попавшего в банальные рамки «технократизм» – «морализаторский подход».

Первое основание для интерпретации ситуации как *проблемной* – контекст, в котором появился доклад ИНСО-Ра. Даже не претендующий на системность предварительный обзор публичного дискурса относительно ситуации *объявленной* российской модернизации дал возможность зафиксировать одновременность пафосности и скептичности этого дискурса. Я предположил, что противоречивые настроения отражали, с одной стороны, масштаб ситуации – нового российского перепутья, предполагающего выбор, возможно, сопоставимый с Перестройкой (некоторые исследователи говорили о «новом Большом Проекте»). С другой стороны, вполне реальную *неопределенность* самой этой ситуации в целом. Отношение к идее российской модернизации полярно: на одном из полюсов – оптимизм, нередко *казенный*, на другом – пессимизм, нередко фаталистический.

Определенную меру как надежды, так и скепсиса я посчитал необходимым приложить и к экспертизе *этических ориентиров модернизации*, как они были представлены в складывающейся «повестке дня» соответствующего дискурса. Определенную меру и надежды, и скепсиса относительно (не)адекватности «повестки» и потенциала предложений, формирующих ее.

Постановка вопроса об адекватности-неадекватности «повестки дня» этически акцентированного дискурса о стратегиях российской модернизации была вызвана намерением проблематизировать складывающийся дискурс о «моральных основах модернизации» прежде всего из-за тенденции *банализации* задачи поиска такого рода основ. В то же время – необходимостью *рационально* освоить скепсис ряда вполне гуманитарно ориентированных исследователей относительно сосредоточенности в современных отечественных обстоятельствах именно на *этической* рефлексии.

МОЯ ЭКСПЕРТИЗА доклада ИНСОРа была сосредоточена на пафосном тезисе о *моральной миссии* модернизации: модернизация не просто *опирается* на ресурс морали, но способствует ее *обновлению*. Обновлению – через внесение в дискурс о модернизации идеи «Модернизация – ситуация морального выбора», выбора обществом ценностей *современной* морали – морали гражданского общества. Соответственно, я разделил свое «экспертное заключение» на две рубрики.

1. Моральная миссия Модернизации

Зачем проблематизировать наличный моральный дискурс о модернизации в пафосных категориях «моральная миссия», «ситуация морального выбора»?

Если ситуации Перестройки предполагала самоопределение общества к альтернативе «социалистическая мораль – мораль общечеловеческая», то ситуация Модернизации *объективно* предполагает самоопределение к двум парадигмам: «неотрадиционалистская парадигма «нравствен-

ных основ модернизации» и «парадигма этики гражданского общества».

При этом важно, что настойчиво продвигаемая в моральный дискурс модернизации неотрадиционалистская парадигма рассматривает себя как *безальтернативную*, исключая саму возможность выбора российским обществом в пользу современной морали, этики публичных арен.

Какое отношение имела такого рода проблематизация к докладу ИНСОРа? Выделю лишь два тезиса этого доклада:

* о связи между оппозицией «сырьевая – постиндустриальная модели существования» и оппозицией «общинные, коммунальные ценности – ценности индивидуальной свободы, личной ответственности, самореализации»;

* об аморальности паразитарных жизненных и деловых стратегий как в частном исполнении, так и для общества в целом. Характерный тезис доклада: *«Привычка к “легкой ренте” пускает метастазы по всему социальному организму. На массовом уровне подлинным жизненным успехом начинает считаться встраивание в системы власти и перераспределения (или пристраивание к ним), а не самостоятельное дело. Соответственно распределяется социальный престиж. Рядовой чиновник ощущает себя более значимой персоной, чем продвинутый предприниматель или творческая личность. Все это ограничивает, если не свертывает активность, надежды на честную, заработанную социальную мобильность. Жизненная пассивность дополняется робким консерватизмом (“не стало бы хуже”). Борьба за социальные права, вплоть до открытых выражений протеста, направляется на то, чтобы “получить”, а не на требования радикально изменить условия собственной активности (“дайте денег!” вместо “дайте заработать!”). Отсюда известная слабость гражданских инициатив и ценности конформизма, транслируемого из социальной сферы в политическую — и наоборот».*

В целом в Докладе ИНСОРА были весьма существенные заделы для характеристики Модернизации как ситуации выбора между *консервативной* и *либеральной* этическими программами.

Тем не менее, предпринятая в Докладе трактовка российского перепутья не была акцентирована с точки зрения рационального предпочтения российским обществом в пользу *современной* морали. Морали, рациональность которой, с одной стороны, не тождественна прагматизму. С другой – ничуть не утрачивает своей полноценности при сравнении с активно декларируемой *неотрадиционалистской* парадигмой. Парадигмой, догматизирующей как характерный *для обычая* тип императивности: «поступай как все!», так и общинный тип солидаризма. Предлагающей применительно к модернизации этическую стратегию, в рамках которой человек не просто лишен свободы морального выбора, но обречен на статус *объекта* и *инструмента* модернизации.

Мое предложение для работы над окончательной версией Доклада:

задать *системность* уже содержащемуся в нем этическому дискурсу. Системообразующим элементом может стать тезис о *моральной миссии* российской модернизации.

Трактуя модернизацию как ситуацию выбора, Доклад сможет декларировать миссию *возвышения* такой фундаментальной ценности гражданского общества, как свободный моральный выбор, заявить проект *культивирования* морального потенциала ситуации выбора в стратегии Модернизации.

Такая миссия конкретизируется через трактовку самой Модернизации как *ситуации* морального выбора. Выбора в качестве ориентира модернизации высших *моральных* критериев, а не технократической эффективности, экономиче-

ской рациональности, политической целесообразности и т.д.

При этом выбора в роли ориентира модернизации не просто «морали», а одного из исторически конкретных типов морали – этики гражданского общества.

Типа морали, утверждающей свободу выбора в ее единстве с ответственностью, известную меру конвергенции индивидуализма и солидарности, моральной автономии индивида – и структур институционализации морали, согласование профессионализма, рациональности, успеха – и ценностей профессиональной и надпрофессиональной этик.

Важность задачи зафиксировать в Докладе именно такую конкретизацию ситуации морального выбора я аргументировал активным предложением обществу серии альтернативных ИНСОРовскому экспертных докладов, апеллирующих к морали. В этих апелляциях, подчеркнул я, не различены, а то и перепутаны: заповедная и современные морали; светская и религиозная парадигмы морали; универсальная мораль и прикладные этики; мораль индивида – и институализированные этики профессии, и/или корпорации.

В итоге за рамки дискурса выводились проблемы *перехода* модернизируемого общества к *сложной по своей природе* нормативно-ценностной системе *современной* морали. А этот исторический переход порождает новые, чаще всего *конфликтные* ситуации выбора. Например, в случае приложения *заповедных правил* к современной практике, породившей один из видов прикладной этики – биоэтику. Или при соотнесении требований этики добродетелей – и институализированной морали; индивидуальной морали – и общеобщественной; этики профессии – и корпоративной этики и т.д.

В то же время я считал, что в Докладе было бы целесообразно показать, что принципы и нормы солидарного и бескорыстного поведения, товарищества и братства, благополучия общины, коммуны над благом отдельного человека, его семьи, столь понятные в «малом» социуме, не являются чуждыми в ситуации Модернизации.

2. Обновление дискурса

Если Модернизация будет представлена в Докладе как ситуация морального выбора, полагал я, придется *конкретизировать* явную апелляцию Доклада к социальной этике и политической морали, проявившуюся, например, в тезисе: «На очереди признание роли фундаментальных изменений в политической этике и общественной морали». Пока Доклад не дает достаточной возможности увидеть конкретное содержание этих важнейших нормативно-ценностных подсистем этики публичных арен и их место в моральной миссии Модернизации.

В этой связи предлагалось представить в окончательной версии доклада две темы: культивирования ценности *успеха* и моральной реабилитации ценности *профессионализма* в их этическом измерении.

* Обращение к первой теме я предлагал мотивировать статусом успеха как одной из наиболее самоочевидных ценностей гражданского общества.

Далее шли предложения показать в Докладе атрибутивность амбиции преуспеть для человека такого общества: что успех оказывается здесь целью и задачей жизни; что идея успеха противостоит как модели выживания, так и модели агрессивно-циничного успеха, противопоставляющей успех – этике и т.д. Все эти предложения представляли концепцию этики успеха, развернутую в предшествующем параграфе лекции 3.

ОСОБОЕ обращение Доклада к теме профессионализма я предлагал мотивировать необходимостью *моральной реабилитации* этой ценности гражданского общества в со-

временных отечественных обстоятельствах. Несмотря на действительную связь модернизации с глубокой профессионализацией общества, обновление «повестки дня» предполагает намеренное акцентирование несводимости профессионализма к уровню владения *специальностью*, к его «функциональной», «операциональной» стороне.

Профессионал принимает на себя ответственность не только за *правильное* исполнение работы, но и за исполнение *правильной* работы. *Правильной* с точки зрения этики его профессии.

Если конкретизировать этот тематизм на языке этических кодексов профессий, то императив профессионально-этической компетентности предполагает готовность и способность профессионала не только узнавать ситуации выбора, но и рационально формулировать его альтернативы и принимать решение исходя из принципа, что нравственное достоинство средств не менее значимо, чем их эффективность; определять и соблюдать пределы власти, которой располагает профессионал над людьми; последовательное исключение форм нечестного поведения и т.п.

В заключение своей экспертизы я заявил: сегодня многие экономисты, политологи и социологи приняли идею «Культура имеет значение»; предлагаю ИНСОПу декларировать в докладе позицию «Мораль имеет значение!». Но не в роли «компенсатора системной несостоятельности». А как надфункциональное значение *смыслоценностного ориентира*.

Я еще вернусь к этике успеха, этике профессии и другим темам, о которых шла речь выше, в следующих лекциях.

А здесь лишь две цитаты, которые этически проблематизируют дискурс об успехе и профессионализме.

* Известный педагог Евгений Ямбург: «Беда в том, что сегодня мы все образование нацеливаем на подготовку лидеров. Девушка покончила с собой, не сдав ЕГЭ. Провал на экзамене – это что, вселенская катастрофа? Но ее невротизировали все: учителя, поскольку от результатов сдачи итогового экзамена зависит рейтинг школы и распределение стимулирующего фонда зарплаты, родители, искренне убежденные в том, что непоступление в вуз с первого раза – несмыаемый позор» («Московский комсомолец» от 21.11.2011).

* В интервью «Новой газете» создатель, руководитель и председатель правления «Интерньюс» Манана Асламазян говорит о значимости профессионализма в отстаивании этических принципов журналистов: наряду с соглашательством журналистов, «которые готовы взяться за все, что им скажут», существует «огромное количество малообразованных правдолюбцев. Они пытаются решить проблему не мастерством и профессионализмом, а криками о том, что их лишают свободы слова, что их зажимают. Эта крайность так же вредна для профессии, как и подхалимство» (<http://2004.novayagazeta.ru/society/35719.html>).

Лекция 7

**Общепрофессиональная этика:
алгоритм конкретизации морали
в «малых» системах**

«ОТ ХОРОШЕГО профессора не требуется никаких особенных моральных норм и навыков, кроме тех, которые диктуются общими для всех людей, сообразными стране и эпохе требованиями моральной дисциплины»,

– пишет А.А. Гусейнов в ответ на предложение НИИ ПЭ открыть своим текстом проект «Этика профессора»²⁷.

И защищает свой тезис, характеризуя этику профессора через аппликацию простых истин морали: «золотого правила» – применительно к ситуации асимметрии отношений профессора и студента, таящей в себе «опасность деградации в учительски назидательную и командно-снисходительную тональность», обретающего форму требования «Поставь себя на место студента»; «Не судите – да не судимы будете» – применительно к ситуации зачета или экзамена: «Экзамен как форма учета знаний, а не оценки – так бы я определил идеал, к которому следует стремиться»; «Не лги» – применительно к искренности, честности профессора: «Часто возникает искушение делать вид, изображая себя лучше, чем ты есть на самом деле».

Вывод автора: в деятельности профессора «нет такой профессиональной специфики и таких особенных ситуаций, которые требовали бы исключений из общих моральных требований или их конкретизации, ведущих к формированию особой профессиональной этики».

²⁷ Гусейнов А.А. Этика профессора, или исповедь на заданную тему // Новое самоопределение университета. Ведомости. Вып. 33 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008.

Не вступая здесь в дискуссию по поводу концептуальной трактовки природы профессиональной этики в «исключительской» и «дополнительской» относительно требований универсальной морали парадигме прикладной этики, так как эта трактовка рассмотрена в лекции 3, цитируемая выше версия этики профессора обсуждается участниками одноименного проекта в 39 – 41-ом выпусках «Ведомостей», а моя позиция по теме «Этика профессора» будет представлена в лекции 10; отмечу, что решение любой конкретной проблемы из сферы профессиональных этик требует обращения к *природе* общепрофессиональной этики.

КОНЦЕПЦИЯ общепрофессиональной этики, развернутая в этой лекции, предлагает инвариантный для «малых» систем (исключая вне- и надпрофессиональные этики) алгоритм этико-прикладного исследования, описания, проектирования, рефлексии (в процессе самопознания профессионалов) *процесса конкретизации морали*.

Разработанный в инновационной парадигме *алгоритм* в своей первоначальной версии позволил исследовать предпринимательскую, политическую, журналистскую этики, этику воспитания, этику образования и др.

Модернизированный вариант этого алгоритма уже был представлен в лекции 2 (при характеристике основных идей монографии «Этика профессии: миссия, кодекс, поступок») и лекции 3 (при характеристике арсенала концепции конкретизации морали). Поэтому здесь будет достаточно оформить этот алгоритм в виде таблицы.

<p>1. Характеристика предназначения, миссии (а не просто функции) профессиональной этики; интерпретация профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества; соотношение этики (морали) профессиональной и этики общеобщественной; прояснение природы нравственных конфликтов, возникающих при сто-</p>
--

лкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса.

2. Характеристика «морального измерения» природы профессии как основание для рационального структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения»: различие между профессией и внепрофессиональными видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии.

3-4. Апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» и этика профессионального успеха.

5. Характеристика «мировоззренческого яруса» профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, дилемма «служение в профессии или жизнь за счет профессии?» и т.д.

6. Нормативный ярус профессиональной этики, природа и дух профессионально-этических кодексов.

7. Финальный шаг: характеристика прикладного потенциала профессионально-этического знания.

Как я уже говорил, достаточно оснований предположить, что этот алгоритм инвариантен не только тем профессиональным этикам, которые уже исследованы в рамках инновационной этики, но и медицинской этике, этике инженера, менеджера, юридической этике, этике социальной работы, пиардеятельности и т.д.

В данной лекции предстоит рассмотреть основные признаки общепрофессиональной этики в соответствии с таким алгоритмом.

7.1. «Предназначение» профессиональной этики

ОСНОВНОЙ мотив выбора пафосного понятия «*предназначение*»²⁸ для заголовка этого параграфа – критичное отношение к весьма распространенной в литературе абсолютизации роли *функционального* направления поиска идентичности профессиональной этики. Основным аргументом такого выбора – интерпретация *дуалистичности* морального феномена, представленная в лекции 3: мораль не только социальное изобретение, обслуживающее социальные системы, но и институт, *превосходящий* функциональность, институт *ориентации* общества, в том числе через критику заведенного в нем порядка.

Решаясь взять пафосное понятие для названия этого параграфа, я подчеркиваю:

наличие у *профессии* отрефлексированной миссии прямо связано с предназначением (миссией) соответствующей *профессиональной этики*.

Подчеркиваю потому, что целенаправленное обсуждение роли миссии, предназначения в обосновании природы профессиональных этик встречается в литературе скорее как исключение, чем правило, а если и встречается, то рефлексия по этому поводу осуществляется далеко не последовательно.

Чаще всего речь идет об ответственности профессии как причине появления и развития профессиональных этик, ответственности перед клиентами, перед самой профессией и ответственности перед обществом. И аргументация от имени социальной ответственности профессии вполне правомерна. Но *пределы* ее эффективности определяются тем, насколько последовательно исследователи и авторы

²⁸ Предпочтительнее было бы воспользоваться здесь понятием «миссия», но это может привести к путанице в связи с использованием этого понятия при характеристике одной из черт природы профессии: «миссии профессии».

учебников обращают внимание на язык *морального оправдания* профессии (в том числе *оправдания* власти профессионала в сфере его деятельности, без которой он не сможет выполнять свои задачи, при этом ограничивая полноту этой власти), язык, предполагающий обращение не только к *регулятивной*, функциональной, но и к *ориентирующей* роли морали в целом, профессиональной морали – в том числе. В то же время анализ литературы по профессиональной этике показывает, что нередко тема предназначения профессиональной этики заменяется обсуждением ее функций. Одним из примеров может послужить суждение, согласно которому «первой и главной функцией профессиональной этики является содействие успешному решению задач профессии»²⁹. Не рискован ли такого рода подход инструментальным отношением к профессиональной этике и вольным-невольным редуцированием ее предназначения к прагматической функции?

Еще раз: в основе доминирования функционального подхода к профессиональной этике лежит абсолютизация – может быть, и неосознанная – лишь одной из сторон *дуалистичного* морального феномена. При, казалось бы, равной вероятности как гиперморальной, так и гиперсоциальной односторонностей в интерпретации дуалистичной природы профессиональной этики (морали), в реальной практике встречается скорее вторая крайность. Соответственно, акцентирование предназначения профессиональной этики важно потому, что позволяет увидеть в последней элемент, *превосходящий функциональность*.

В свою очередь, предназначение профессиональной этики предполагает и *самокритику* профессии, в том числе ее постоянное соотнесение с ценностями общества. Я уже приводил характерный пример такой самокритики – формирование специального направления в журналистике под на-

²⁹ См.: Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М.: Дело, 2000. С. 52.

званием *медиакритика*, существенным содержанием которой является этическая критика журналистской практики.

И общество, в свою очередь, держит профессиональную этику под пристальным критическим вниманием,

не только спрашивая себя «время от времени»: «хорошо ли работают те подразумеваемые соглашения, которые оно заключило с профессиональными группами», но и, «если баланс нарушен не в пользу лучших общественных интересов в данной области», задавая себе не риторический вопрос: «может быть стоит пересмотреть соглашение?»³⁰.

Значимость для отечественной ситуации активного поиска идентичности профессиональной этики возрастает в связи с тем, что в процессе такого поиска нередко предлагаются весьма спорные аргументы в пользу актуализации этой темы, аргументы, соблазняющие своей облегченностью и благодаря этому вольно-невольно уводящие от глубинных оснований высокой актуальности проблем профессиональной этики.

Прежде всего, речь идет об аргументах, редуцирующих смыслоценностное содержание профессии. Например, наряду с известными аргументами сторонников «карнегизации» этики, порождающих абсолютизацию этикетно-инструментальной стороны морали, заметна тенденция оправдания значимости профессиональной этики тем, что она *менее ригористична и более эгоистична*, а потому минимизирует моральное напряжение в деятельности профессионалов и профессиональных групп. Вариант аргументации такого рода – тезис «честность выгодна». Выгодна при такой трактовке чем? Например, тем, что наличие этического кодекса снизит *затраты* на другие способы ре-

³⁰ См.: Professional ethics. International encyclopedia of ethics. P.703.

гуляции профессиональной деятельности, например, на суд. Выгодна не только личности, но и профессиональному сообществу, ибо не столько *ограничивает свободу действий профессионала*, сколько *заботится о защите интересов профессиональной группы*. «Милость» профессиональной этике, оказываемая такого рода аргументацией, примитивизирует актуальность ее развития: низведение этики профессии до функции, отказ ей в надфункциональности, в миссии, оборачивается, например, тем, что широко распространенное требование социальной ответственности профессии нередко интерпретируется как ответственность реактивно-адаптивная и сводит *моральность к легальности*.

В СВОЮ очередь, стратегия культивирования в нашем обществе профессиональной морали в известной мере определяется уровнем развития теоретизирования в этой сфере, которую инновационная парадигма считает в целом сферой этико-прикладного знания.

Понимание предназначения профессиональной этики непосредственно связано с выяснением того, что ее объединяет, а что – выделяет в отношении к нормативно-ценностной системе общества, общественной, *общественной этике (морали)*. В свою очередь, успех попыток такого рода понимания зависит от той или иной характеристики взаимоотношений профессиональной и прикладной этик.

Являются ли профессиональные этики *прикладными*? И если являются, то как это влияет на их природу и как определяет их отношения с этикой общей, *общественной*?

Значение статуса профессиональной этики как этики *прикладной* редко является актуальным предметом рефлексии авторов работ о конкретных видах профессиональной этики. Чаще всего характеристика профессиональной этики

как прикладной подразумевается. Однако при этом нередко ограничиваются фиксацией отнесения профессиональной этики к виду специальных этик, применяющих принципы общей этики в специализированных видах деятельности. Что именно такое соотнесение дает для понимания природы профессиональной этики, чаще всего не обсуждается. Но даром такая минимизация усилий не дается. Например, у автора известной работы по деловой этике в одном ряду оказываются деловая, медицинская, техническая этики³¹. В итоге уход от различения деловой и профессиональной этик оставляет, например, без внимания обсуждение известного тезиса о том, что цель бизнеса – выгода, а цель, например, медицины – здоровье пациента. Однако и в тех редких случаях, когда вопрос о соотношении профессиональной и прикладной этик все же поднимается, хотя бы на уровне анализа понятий, это нередко совершается с помощью излишне категоричных суждений относительно объема понятия «профессиональная этика», редко отличаемого от понятий «деловая этика», «трудовая этика», а то и, как уже отмечалось выше, прямо отождествляемого с ними. Например: «Профессиональная этика ...осуществляет связь и наследование прогрессивных моральных ценностей в нравственных отношениях *трудовой сферы*» (курсив мой. – В.Б.)³². А ведь это работа о предпринимательской этике, отнесение которой к разряду именно профессиональных этик требует доказательств, хотя бы по поводу различения целей бизнеса и медицины, о котором говорилось абзацем выше.

В публикациях, посвященных представлениям о профессиональной этике как таковой, обостренное внимание к ее соотнесению с прикладной этикой также весьма редко. Характерны в этом плане соответствующие словарные статьи в этических энциклопедиях. В одной из них обсуждае-

³¹ См.: Джорж Р.Т.де. Деловая этика / Пер. с англ. / В 2 т. Т.1. СПб.: Экономическая школа; М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С.49.

³² Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 40.

мый здесь вопрос вовсе не ставится³³. В другой – заявлена сама тема взаимосвязи профессиональной этики с прикладной, однако реально эта связь не проявляется³⁴.

В отечественной этической литературе, посвященной общей теории морали, возникший в последние годы интерес к вопросам прикладной и профессиональной этики при обсуждении их соотношения нередко рассматривается с помощью очень мало (или очень много?) говорящего союза «и». Характерны в этом плане названия ряда исследовательских центров за рубежом и у нас в стране типа: «Центр прикладной *и* профессиональной этики» (выделено мной. – В.Б.).

Обратившись к немногочисленным отечественным теоретическим дискуссиям о соотношении прикладной и профессиональной этики, нетрудно найти примеры подходов, прямо разводящих и даже противопоставляющих прикладную и профессиональную этику, – и подходов, совершающих это различие с меньшей категоричностью. Но во всех случаях за такими подходами стоит определенное понимание природы прикладной этики. По одной из версий, профессиональная этика отражает позицию людей, находящихся в профессии, а прикладная – позицию людей, находящихся вне профессии, но при этом затрагивающей надпрофессиональные, общественные интересы. «Профессиональная этика – для профессии. Прикладная этика – для всех, кто не является членами этих профессий, кто находится вне их, но кто кровно заинтересован в том, как будут идти дела в этих профессиях... Поэтому прикладная этика... представляет собой форму регуляции деятельности не изнутри, а извне»³⁵.

Другая версия соотношения профессиональной и прикладной этики также заключается в их разведении: «я рас-

³³ См.: Encyclopedia of ethics. P.1384-1386.

³⁴ См.: International encyclopedia of ethics. P.703-706.

³⁵ Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). С. 44-45.

смаатриваю профессиональную этику не как разновидность прикладной этики»³⁶.

Еще одна версия различает профессиональную и прикладную этику менее категорично, но различает именно из-за своеобразной трактовки прикладной этики. «Прикладная этика тесно соприкасается, а отчасти и совпадает с профессиональной этикой, но не тождественна с ней. Различия касаются, по крайней мере, двух пунктов: профессиональная этика конкретизирует общие моральные требования применительно к своеобразию соответствующей профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения», в то время как прикладная этика «имеет своим предметом конкретные моральные ситуации; первая рассматривает профессиональное поведение, вторая – общезначимые проблемы»³⁷.

Полагаю, что дискуссия о соотношении прикладной и профессиональной этики находится скорее в начале пути. Но уже сегодня весьма важно учесть, что даже в ситуации, когда на смену свойственному отечественной этике недавних времен негативному отношению к самому факту конституирования прикладной этики приходит ее формальное признание, сама по себе квалификация профессиональной этики через отнесение ее к прикладной зависит от того или иного понимания природы прикладной этики, от выбора той или иной ее парадигмы.

Так, например, цитированное в начале этой лекции и описанное в лекции 3 «дополнительское» и «исключительское» представление о природе прикладной этики оборачивается соответствующим представлением о природе профессиональной этики. Пример первого случая: в работе,

³⁶ Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику. С. 167.

³⁷ Гусейнов А.А. Прикладная этика // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2002. С. 389. Напомню, что одну часть статьи «Прикладная этика» в этом словаре написал А.А. Гусейнов, а другую – В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов.

обосновывающей необходимость этики бизнеса, говорится о *дополнительных* моральных требованиях по отношению к универсальной морали. Во втором случае задача этической теории сводится к обнаружению таких особенностей, таких ситуаций поведения профессионалов, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, и – оправдать подобные отступления, предельно минимизировать их до единичных ситуаций.

Сформулировав в лекции 3 критические замечания в адрес таких подходов, ниже я попытаюсь показать их следствия.

7.2. Природа профессии: «моральное измерение»

Представленная выше таблица алгоритма этико-прикладного исследования, описания, проектирования, рефлексии (в процессе самопознания профессионалов) *процесса конкретизации морали* показывает, что в рамках морального «измерения» природы профессии рассматривается различие между профессией и непрофессиональными видами человеческой деятельности, специфика *высоких* профессий, корпоративная природа профессионального сообщества и место профессии в корпорации-организации, роль саморегулирования в жизни профессии.

7.2.1. Professions или occupations?

СРЕДИ способов проблематизации представлений о природе и предназначении профессиональной этики (морали) – характеристика природы *профессии* с точки зрения возможности и необходимости включения в эту характеристику *нравственной* «составляющей». Этот подход предполагает преодоление ряда затруднений.

Во-первых, распространенной практики (не)намеренного неразличения понятия «профессия» с понятием «род занятий, вид деятельности»³⁸. Так, обратившись к практике

³⁸ Ср.: «В нашей стране не было и, полагаем, нет нужды и впредь вводить расслоение в мир трудовых занятий, деля его на профес-

языка, мы обнаружим, что с термином «профессия» могут быть связаны разные значения. Например: поприще, дело, род занятости человека, сфера знаний, специальность, ремесло, противоположность любительству, отрасль мастерства, занятие, которому надо специально учиться, служба как источник заработка, карьера и т.д. В то же время важно иметь в виду, что, начиная с А. Флекснера, для различения понятий «профессия» и «род занятий, вид деятельности» используются определения *professions* и *occupations*; и в качестве отличия первого определения Оксфордский словарь социологии выделяет тип работы, который включает в себя «регулятивный момент» и «код поведения». Представляется, что неакцентирование смысла различения *профессии* и любого *специализированного* рода занятий, вида человеческой деятельности, уверенность в *очевидности* содержания понятия «профессия» рискованны для понимания природы профессиональной этики.

Во-вторых, попытка этического анализа феномена *профессии* должна считаться с фактом неоднозначности трактовки этого феномена как в теоретическом, так и в практическом сознании. Этот факт дал определенное основание для весьма категорического заявления Г. Беккера о том, что «из-за противоречивости суждений не было достигнуто ни одного соглашения относительно точного определения термина»³⁹.

В-третьих, сама трактовка *этической составляющей* профессии, содержание ее «*морального измерения*» могут весьма различаться. Прежде всего речь идет о широкой практике актуализации моральных проблем профессии че-

сии и не профессии» (Е.А.Климов. Психология профессионального самоопределения. С. 142).

³⁹ *Becker Howard. The Nature of Profession // Sociological Work: Method and Substance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. Цит. по: Беккер Г. Природа профессии // Этика успеха. Вып. 3 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. Тюмень-Москва, 1994. С.77.*

рез рассуждения о соотношении профессии и морали (вспомним названия параграфов в целом ряде учебников: «Мораль и политика», «Мораль и бизнес», «Мораль и труд» и проч.) и о редких попытках поиска этического компонента в природе самой профессии. Кроме того, можно свести различие профессии от любого вида занятий к подчеркиванию значимости для первой наличия *профессионального сообщества*, а можно говорить еще и об отличии первой благодаря феномену *миссии*, а также противопоставляя профессии и другие виды деятельности через известную дилемму «служение в профессии» и/или «жизнь за счет профессии» и т.д.

САМЫЙ элементарный обзор распространенных в исследовательской литературе определений профессии позволяет обнаружить множество наборов признаков разной степени полноты, разные списки индикаторов собственно профессии, представляющие собой определенные множества. В качестве классического примера наиболее полного набора индикаторов называют список Дж. Миллерсона, составленный из двадцати трех индикаторов⁴⁰. Что характерно для такого рода «списков»? Выбирая минимальный набор, позволяющий считать определенный вид деятельности *профессией*, они склонны, в лучшем случае, к непоследовательному вниманию к *этической составляющей* природы профессии, ее *моральному измерению*. Этическая составляющая не всегда входит в число *необходимых* признаков. Поэтому уместно замечание автора статьи в Международной энциклопедии этики о том, что такого рода широко распространенные способы понимания термина «профессия» не подходят «в качестве базиса для нормативной профессиональной этики, поскольку каждое из таких определений выбирает в качестве профессий некий набор видов деятельности, которые с точки зрения нормативной

⁴⁰ См.: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 64.

этики ничем существенно не отличаются от других видов деятельности, классифицируемых как “не относящиеся к профессиям”»⁴¹. Чего, с точки зрения автора энциклопедической статьи, не хватает? «Главное преимущество, которое общество предоставляет представителям определенных видов деятельности, – это право на значительную долю самоконтроля над их собственными действиями»⁴². Иначе говоря, не хватает существенного признака морального измерения профессии – *саморегулирования*.

Откладывая этический анализ феномена саморегулирования для специального фрагмента данного параграфа, далее подчеркну наличие иных подходов к пониманию природы профессии, которые прямо или косвенно фиксируют феномен *морального измерения* профессии. С этой точки зрения характерны исследования в сфере сформировавшейся в XX веке «социологии профессий». Для одного из методологических подходов в рамках этого направления как раз и характерно последовательное различение professions и occupations. В числе удачных компилятивных совокупных портретов идеального типа профессии исследователи называют модель Р. Повалко. Обращу внимание на те из предлагаемых им индикаторов «истинной профессии», которые, на мой взгляд, прямо обращены к этической составляющей. Первый из них: «профессиональная компетентность должна соотноситься с центральными ценностями общества». Второй: «профессионалы должны быть ориентированы на служение обществу», иначе говоря, мотивации этики служения должно отдаваться предпочтение перед мотивацией личной выгоды. Третий индикатор: «профессионалы руководствуются в своих действиях этическим кодексом» (кодексом). Четвертый: «профессиональное сообщество – значимый критерий формирования профессиональной идентичности»⁴³.

⁴¹ Professional ethics // International encyclopedia of ethics. P.704.

⁴² Там же.

⁴³ См.: Лукша О.В. Социология профессиональных групп. С. 63-66.

Выделю работу, которая позволяет увидеть разные трактовки содержания этической составляющей. Речь идет о статье А. Флекснера «Является ли профессией социальная работа?» (1915). Автор выдвинул тезис о том, что «в строгом употреблении термин “профессия” противоположен бизнесу или ремеслу и служит для обозначения специфического разграничения, скрывающегося за многообразием деятельностей», и предложил шесть критериев для отличия профессии от других видов деятельности. Среди них: профессия мотивируется альтруизмом, профессионалы осознают, что работают на общественное благо⁴⁴.

ЧТО ЖЕ дает анализ подходов, представленных в специальных исследованиях, для поиска идентичности профессиональной этики? Прежде всего, возможность выделить и собрать вместе наиболее значимые с точки зрения вопроса о «моральном измерении» профессии ее признаки:

- * идея профессионального призвания и служения;
- * альтруистическая мотивация;
- * саморегуляция, причем в широком смысле слова, который предполагает:
 - самоопределение к профессии,
 - свободу и автономию в профессии,
 - создание ассоциаций,
 - этические кодексы.

Эти признаки «морального измерения» профессии являются ключевыми для понимания природы общепрофессиональной этики.

7.2.2. Идея «высокой» профессии: рационализация метафоры

СВОЕ предельное выражение развиваемая в инновационной парадигме концепция общепрофессиональной этики получает в отношении к ориентируемым и регулируемым ею профессиям как к *высоким*. И смысл такой трак-

⁴⁴ Цит. по: Беккер Г. Природа профессионализма. С. 77.

товки – совсем не в унижении других профессий: у *высокой* профессии – особая миссия. Идея *высокой* профессии максимально соответствует той стороне дуалистичной по своей природе морали, которую характеризует мотивационный механизм, *превосходящий функциональность*.

Атрибутивный признак *высокой* профессии – ее *мировоззренческие* ориентиры, доминирующая установка – на *служение в профессии*. Отсюда роль метафоры Э. Фромма «готовность быть орудием однажды выбранного дела» в понимании *высокой* профессии.

Для конкретизации установки на *служение в профессии* продуктивна трактовка Э.Ю. Соловьевым *паттерна профессионала*, в котором автор подчеркивает следующие черты: усилия профессионалов, порой «прямо принимающие характер “работы на вечность” и засчитывающиеся в качестве таковых»; «деятельность по модели профессиональной самореализации, достаточно независимой по отношению к насущным экономическим запросам»; ценность достижений профессионалов «не поддается строго стоимостному определению и, в общем-то, всегда остается больше того, что экономика соглашается им выплатить»; «способность сообщить делу наибольшую значимость, целиком посвятить себя делу, любить его, знать, превыше всего ставить его имманентные объективные требования – важнейшая примета профессионала»⁴⁵.

При этом выделение среди множества профессий *высоких* и, тем более, стремление культивировать идею *высокой профессии*, требуют предварительного формулирования ряда «техусловий».

Во-первых, следует учитывать возможное негативное отношение к такой классификации, мотивируемое тем, что если есть профессии *высокие*, то, следовательно, есть и

⁴⁵ Фрагмент исследования «реформация и становление новоевропейской цивилизации», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 06-03-00327а. (http://ethicscenter.ru/biblio/solov_1.html).

профессии *низкие*. Полагая целесообразным выделение вида *высоких профессий* и считая это важным шагом в обосновании природы и миссии профессиональной этики, необходимо особо подчеркнуть, что такое выделение в данном случае производится *не* через противопоставление *низким* профессиям, а через акцентирование в *высоких* профессиях *доминирующей* установки на «Служение в профессии», предполагающей, что, не отменяя стремления (говоря словами М.Вебера) к «честному заработку профессионала», эта установка ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена, и оправдывается этикой бизнеса.

Во-вторых, нельзя не учесть распространенность характеристики *свободные профессии*, во многом совпадающей с характеристикой *высокие профессии*. Обычно считается, что свободные профессии отличаются творческим характером деятельности, ее персонализацией и соответственно персональной ответственностью профессионала. Характеристика *свободная профессия* охватывает практически те же виды профессий, что и характеристика *высокая профессия*. Представляется, однако, что уместнее характеристику *свободная* относить к т.н. *творческим профессиям*, прежде всего из сферы искусства, а *высокая* – к деятельности врача, учителя, адвоката, ученого, журналиста и т.п.

В-третьих (не по значимости), необходимо трезвое осознание такой трудности культивирования идеи *высокой профессии* в современных условиях, как своеобразная «дегероизация» профессий, являющаяся следствием целого ряда факторов.

(А) Массовизация профессий, порождающая ослабление роли призвания как безусловной доминанты этического сознания профессионала, усиление прозаического функционализма. Это связано и с тем, что в эпоху широкой образованности открываются возможности для сравнительно

легкого перехода от одного вида профессиональной деятельности к другому (призвание вряд ли имеет множественное число). Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою жизнь как *служение*, сколько их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, профессия в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию (глобальная ситуация).

(Б) Включение профессионалов в деятельность больших организаций и, тем самым, утрата их автономности (глобальная ситуация).

(В) «Дикая» маркетинговая ориентация, в том числе усиление ориентации на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам (прежде всего отечественная ситуация).

(Г) Понижение роли профессиональных сообществ (прежде всего отечественная ситуация).

(Д) Серьезные ошибки, совершаемые деятелями медицины, науки, образования и т.п. в своей профессиональной практике; рост безразличия к последствиям собственной деятельности; в целом усиление известного отчуждения «мира профессионализма» от гуманистических задач профессии, также подрывающего авторитет профессии. «*Высокие профессии* в этих условиях могут терять доминанту Служения, обесценивать свою миссию.

ОСОБАЯ значимость выделения вида *высоких* профессий становится наглядной при исследовании отечественной профессионально-нравственной ситуации, в которой экстремальные условия вхождения страны в рынок проявляются в обостренной форме, а потому вовлекающей профессионалов в напряженные моральные дилеммы. Так, например, ситуация в сфере профессиональной этики научно-образовательной деятельности в условиях реформирования российского высшего образования отличается, как уже отмечено выше, известным дуализмом: образовательная деятельность как *профессия* дополняется, а то и вытесняется

образовательной деятельностью как *сервисом*. И этот дуализм создает моральный конфликт, решение которого связано с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью. Конкретизация этого диагноза применительно к образовательной деятельности – уже названная выше дилемма для университетов, описанная с помощью ригористической формулы: «хозяйствующий субъект, оказывающий образовательные *услуги*, сосредоточенный на обслуживании потребностей и упускающий миссию смыслоопределения, – или корпорация людей, профессия которых *служение делу духовного производства человека*, а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация?».

Во многом сходные процессы проявляются в профессионально-нравственной ситуации, переживаемой отечественной журналистикой. Здесь происходит кардинальная *переоценка* смысла как профессионализма, так и гражданственности, их места в ценностном мире журналистики. Речь идет о представленной в лекции 6 заметной своей агрессивностью тенденции в понимании природы журналистики – редукции *профессионализма* в этой сфере человеческой деятельности к *сервису ремесленника*, умеющего создавать *товар* на потребу масс и продвигать его на рынок.

(Не)готовность признать значимость самой постановки вопроса о необходимости намеренно идентифицировать ряд профессий в качестве *высоких*, аргументацию «за» и «против» такой идентификации можно увидеть при анализе материалов экспертных опросов, проведенных АНКО «Центр прикладной этики» и НИИ ПЭ в рамках исследования этики образования и журналистской этики⁴⁶. В целом можно сказать, что результаты анализа экспертных сужде-

⁴⁶ См.: «Тетради гуманитарной экспертизы. Вып.6; Самоопределение университета: путь реально-должного / Под ред. В.И. Бакштаповского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2008.

ний дают основания как для уверенности в оправданности идеи *высоких* профессий, так и для осознания трудностей ее теоретического обоснования и, особенно, практического применения.

Характеристика *высокая профессия* по необходимости метафорична. Перспектива ее *приложения* связана с рационализацией метафоры. Но не за счет утраты смыслоценностного статуса идеи.

7.2.3. Профессионализм как ценность

ТРУДНОСТИ характеристики профессионализма как одной из ценностей «морального измерения» профессии связаны со спецификой процессов профессионализации нашего общества.

Многие исследователи усматривают в этих процессах один из позитивных итогов долгого коммунистического правления, важнейший аспект продвижения России по пути модернизации и одну из гарантий невозможности вернуть страну на исходные позиции. Соглашаясь с подобным тезисом в принципе, нельзя выводить за пределы анализа и достаточно известный антитезис: обрели мы во многом формальную профессионализацию или полупрофессионализацию (феномен «образованщины», появление многочисленных «дилетантов с дипломами»). Те, кого именуют профессионалами, очень часто (слишком часто, чтобы воспринимать это в качестве исключений) не располагают необходимыми знаниями или компенсирующим их недостаток соответствующим опытом. Запасов таких знаний вряд ли хватит на то, чтобы именовать их интеллектуальным капиталом, который обеспечивает владельцу социальную независимость (в том числе и от государства как работодателя и «подателя» всех благ) и статус, подкрепленный вызывающим уважение уровнем доходности и престижности занятий.

Кроме того, полупрофессионализация и формальная профессионализация отрицательно влияли на способность

профессионалов продуцировать *этику профессионализма*. Ведь успешное исполнение функций во всех сферах приложения труда специалистов предполагает взыскательные требования к их квалифицированности и компетентности и в том случае, когда социальные обстоятельства оказываются неблагоприятными для этого. Более того,

именно в таких обстоятельствах необходимо насыщение высокого профессионализма способностью к глубокому осознанию своей ответственности, готовностью безукоризненно исполнять свой профессиональный долг. А пренебрежение ценностями профессиональной этики, умаление значимости ее норм, своеобразной ценностной «логики», негативно влияет как на качество работы, так и на статус в обществе профессиональных групп и соответствующих ассоциаций.

Констатация сильной тенденции полупрофессионализации и формальной профессионализации нашего общества не ставит под сомнение наличие в стране значительного числа высококлассных профессионалов различного профиля, не уступающих ни по знаниям, ни по опыту своим зарубежным коллегам. Но приходится считаться и с тем, что отставание по множеству параметров отечественной промышленности, аграрного сектора, инфраструктур, систем здравоохранения, образования, правопорядка несовместимо с высокой неформальной профессионализацией страны. Тем более нельзя не считаться с тенденцией ухода многих представителей среднего класса из своих профессий – как в другую профессию, так и вообще из мира профессий.

Весьма противоречива по своему значению тенденция нашего сегодняшнего общества к депрофессионализации, к увеличению числа малопрестижных и социально запущенных профессиональных сфер, к появлению специфического сектора в маргинальных слоях общества, составленного из экс-профессионалов. Депрофессионализация проявляется

в добровольно-вынужденном отказе (полном или частичном) от официально обретенного профессионального статуса, а также в готовности сменить менее предпочтительную сферу профессиональной деятельности на более соблазнительную, причем очень часто практически без основательной подготовки к ней. В значительной степени это объясняется неизбежной профессиональной переструктуризацией общества, падением спроса на одни профессии и стремительно формирующейся потребностью в других. Например, в какой-то мере сфера предпринимательства на первых порах требует не столько профессиональных знаний, сколько чего-то иного – стартового капитала, значимых связей, готовности к риску, склонности к предприимчивости и т.д. (именно поэтому дилетантизм здесь «правил бал» и менее всего вызывал отторжение).

ВАЖНО иметь в виду, что характеристика профессионализма как одной из ценностей «морального измерения» профессии адекватна лишь природе *развитого* гражданского общества. Например, одним из негативных моментов советского периода процесса профессионализации нашего общества являлось постоянное давление на профессиональные группы и организации со стороны партийно-государственной бюрократии, которая держала под плотным идеологическим и административным контролем умонастроения и все проявления духовной жизни в профессиональных средах.

Более того, еще совсем недавно (с точки зрения исторического времени), в советский период жизни нашей страны, была характерна *амбивалентная* ситуация: одновременное существование двух противоположных тенденций – «табу на профессионализм» и «идеологии профессионализма». Противоположных, потому что в первом случае понятие профессионализма трактовалось в положительном смысле, а во втором – в негативном. Соответственно, в первом случае речь шла об апологии подвергнувшегося политическому и культурному табуированию профессиона-

лизма, а во втором (в конечном счете) – о критике профессионализма.

Как показано в специальном исследовании первого из этих феноменов⁴⁷, он характеризуется тем, что смыслы понятия «профессионализм» соотносились не с такими ценностями, как социальное творчество, свободный выбор человека, а с политической лояльностью т.н. «профессионалов». Именно «так называемых», ибо понятие «профессионал» не культивировалось.

Это объясняется уже тем, что для развитого гражданского общества «профессиональная идентичность» непосредственно связана с саморегулированием профессии, т.е. формированием автономных профессиональных корпораций, осознанием профессиональной миссии, формированием профессионально-нравственных кодексов. А для советского государства было неприемлемо существование такого рода ассоциаций, выступающих в роли прослойки между государством и человеком. Неизбежностью образования саморегулируемых профессиональных сообществ и было вызвано табуирование понятия и явления «профессионал», «профессионализм». А вот «специалист» – более приемлемая для тоталитарного режима управления *функциональная* идентичность, ибо

такая идентичность вполне обходилась без профессиональной этики, ограничиваясь нормами «советской морали» над любыми ростками квазипрофессиональных этических кодексов». В итоге в обществе действовал искаженный образ «профессионализма» и «служения профессии».

Что касается второго феномена – «идеологии профессионализма», то, по мнению его исследователей⁴⁸, такая

⁴⁷ См.: Согомонов А.Ю. Табу на профессионализм // Этика науки. Ведомости. Вып.18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001.

⁴⁸ См.: Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии либерализма к либеральному образованию // Неприкосновенный запас. № 1. 2000.

идеология выступала как реакция на систематическую идеологизацию общества и служила для советской интеллигенции механизмом морально-психологической самозащиты. Соответственно интеллигенция выдвигала на роль «образца совершенства» не моральные или гражданские ценности, а ценность профессионализма.

При этом образ профессионализма, который подразумевается исследователями описываемой «идеологии профессионализма», нагружен – в отличие от случая с «табу на профессионализм» – негативным смыслом. По их мнению, эта идеология исходит из представления о том, что ценность личности определяется не индивидуальным своеобразием, духовным богатством внутреннего мира, но овладением «унифицированными навыками».

Такая оценка может быть полемически понятной в случае, если сводить профессионализм к так называемому «профессиональному кретинизму». Однако конкретизирующий признак «идеологии профессионализма» представляется еще более спорным. Исследователи полагают, что профессионализм как ценность среднего класса не просто «нивелирует личность», но и «конвертирует в совершенство средние способности».

Получается, что плоха не только «идеология профессионализма», но собственно профессионализм. В том числе потому, что на него как на ценность ориентируется средний класс.

Профессионализм действительно можно – и даже необходимо – охарактеризовать как идеологию среднего класса. В этом смысле вполне оправдано говорить и о его буржуазности, и о «срединности». Но и смыслы слов «идеология», «профессионализм», «срединность» могут с достаточным основанием употребляться и без негативного значения.

Базовой ценностью этоса среднего класса действительно является профессионализм, и эта ценность вполне согласуется с ценностями как общесоциальной, так и профессиональной этики.

Стремление человека среднего класса к профессионализму вдохновляется отнюдь не пренебрежением к богатству внутреннего мира человека или к гражданской позиции. И, как уже говорилось выше, не своекорыстными калькуляциями (что не девальвирует роли профессиональных, в том числе и материальных интересов), а ценностями нравственного порядка: соответствующая деятельность ориентируется и регулируется задаваемыми профессиональной этикой «правилами игры».

7.2.4. Профессия как корпорация; профессия в корпорации

Продолжая следовать *инвариантному алгоритму* этико-прикладного исследования, описания и рефлексии проблем общепрофессиональной этики и ее подсистем, отмечу, что многозначная «занятость» термина «корпорация» и при том его «нагруженность» как позитивными, так и негативными коннотациями потребовали уже в названии параграфа соединить два основных значения понятия корпоративности. А способом их соединения – и неизбежного различия – я избрал характеристику *дуализма самоидентификации* университета, определяемого в качестве научно-образовательной корпорации.

Избрал, во-первых, потому, что в опыте инновационной парадигмы существенное место занимает исследование университетской этики. Во-вторых, потому, что дуализм корпоративной самоидентификации университета – яркий случай ситуации ценностного конфликта.

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что исторический синоним «профессиональной корпорации» – «цех», «гильдия». В современном языке ближайший синоним этого термина – «профессиональное сообщество». Такого рода сообщества объеди-

няет феномен общности, а различает – степень организованности, наличие инфраструктуры, оформленность «правил игры» и т.п. Обычно различают «незримые колледжи» и реальные организованные сообщества профессионалов. Возможно, привьется и предлагаемая здесь идентификация профессионального сообщества как «зримого колледжа». Важно, что

и в том, и в другом, и в третьем случае профессиональное сообщество выступает референтной группой в вопросах профессиональной этики.

Тем более, что профессионалов объединяет и сходство судеб, и профессиональная культура, а чувство принадлежности к профессиональному сообществу – важный критерий профессиональной идентичности: среди критериев сформированности профессионального сообщества, предложенных У. Гудом, – схожая самоидентификация, общие ценности⁴⁹.

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ и феномен корпорации в становящихся привычными аспектах его исследования: «корпоративное государство», «корпоративный бизнес», «корпоративная культура», «корпоративизм как ценность гражданского общества» – предмет неугасающего внимания исследователей. Неугасающего как в пафосной апологии, так и в острой критике. Проявления последней могут быть и весьма поверхностными (категорическое отождествление с мафией, например), и весьма глубокими (например, акцентирование исторической связи феномена корпоративизации общества с тоталитарными режимами и современных проявлений корпоративизма как «локального тоталитаризма»).

Внимание исследователей к феномену корпорации стабильно настолько, что даже такая новая актуализация феномена, как «социальная ответственность бизнес-корпора-

⁴⁹ См. по кн.: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий. С. 67.

ций», из остро модной скоро превратится в почти рутинную (и, вероятно, далее сможет развиваться уже не за счет доказательств ее необходимости, а за счет ее обеспечения гуманитарными технологиями).

Однако до рутинности темы еще весьма далеко, если обратиться к проявлениям феномена корпоративности применительно к сложным институциям, организующим деятельность *высоких* профессий. Институциям-организациям, которые в рыночных условиях даже если и не стремятся стать буквально бизнес-корпорациями, то вольно-невольно рискуют в них превратиться.

Конкретнее? Применительно к теме этого параграфа речь идет о все более распространяющейся тенденции корпоративной идентификации и самоидентификации университетов (далее - КСИУ). Тенденции, усиливающейся благодаря активности исследователей и практиков управления университетами.

Правда, *не* рутинной актуализация КСИУ окажется лишь в том случае, если подвергнуть рефлексии *мотивы* и *последствия* такой идентификации.

Если предпринять гуманитарную экспертизу практики превращения университетов в корпорации=*деловые предприятия*, включенные в *индустрию образовательных услуг*.

Если сосредоточиться на уже названной в предшествующих лекциях ключевой дилемме самоопределения университета: университет – «хозяйствующий субъект» на рынке «образовательных услуг» или научно-образовательная корпорация, сориентированная на ценности *высокой* профессии.

Если поставить вопрос о необходимости определения *университетского приоритета* в конфликте корпоративных ценностей *высокой профессии* и корпоративных ценностей «хозяйствующего субъекта».

Если принять гипотезу о самоидентификации университета в качестве *научно-образовательной корпорации*, сис-

темообразующим смысло-ценностным ориентиром и регулятором которой становится ценностный мир науки и образования как *гуманистически мотивированных* профессий, мир профессионалов, призванных к *служению*.

Если при этом поставить задачу избежать *банализирования* КСИУ таким образом, когда из-за фобии к *менеджеристскому фундаментализму* не противопоставить ему тотальный антикорпоративный нигилизм.

ПОНЯТНО, что корпоративная самоидентификация университета происходит в ситуации многообразия значений термина «корпорация». Корпорация ученых; корпорация студентов; корпорация выпускников; корпорация профессоров и студентов (вариант: «академиков» и «школяров»); корпорация ученых, преподавателей, сотрудников и студентов; университет как региональная корпорация; корпоративный университет; системно-интегрированная единица индустрии образования, университет как научно-образовательный комплекс и т.п.

Но при многообразии значений, которое можно обнаружить как в исследовательских работах, так и в практике самоидентификации университетов, фиксируемой в нормативно-ценностном кодифицировании, упрощенный набор интерпретаций термина «корпорация» применительно к университету *скорее альтернативен*: либо университетская корпорация как «бюрократически организованное предприятие» в сфере индустрии образования – либо научно-образовательная корпорация, вдохновляемая ценностями *высокой* профессии. А доминирует в практике КСИУ одна из этих альтернатив:

дискурс о корпоративном духе университета, научно-образовательная деятельность которого ориентируется на ценности *высокой* профессии, *подминается* дискурсом о режиме управления в «публичных коммерческих предприятиях».

Соответственно, чаще всего речь идет лишь об *одной* версии корпоративной этики университета: не о ценностях и нормах ученого, не о педагогической этике, но о кодексе сложно организованного *предприятия по оказанию образовательных услуг*.

ПОНИМАНИЕ *мотивов* корпоративной самоидентификации университета – особая задача в рефлексии темы «*профессия в корпорации*».

* Мотив КСИУ может быть вполне *идеалистичным*. «Корпорация» в этом случае – скорее завораживающая метафора, звучащая для университета ностальгически, возвращая во времена средневековых университетов. В значении относительно автономной – от заинтересованных в преодолении автономии университета властных сил – замкнутой ассоциации, которая на определенных условиях выражает интересы своих членов и защищает их. Важно подчеркнуть: добровольного объединения, в котором человек принадлежит самому себе, а корпорация только защищает его и усиливает индивидуальные возможности. И метафора «дух корпорации» (“эспри де кор”) – из тех времен. Метафора, которая имеет прежде всего этическое измерение с сильно выраженным акцентом на представлениях об общей судьбе корпорантов, их взаимной ответственности, призвании, солидарности.

* Мотив КСИУ может быть и в меру *реалистичным*, а метафоричность уменьшена: речь идет об ожидании *организационного эффекта*. Как известно, чаще всего в качестве корпорации характеризуется всякая достаточно сложная организация, ориентированная на достижение какой-либо заранее фиксированной цели, что требует согласованных действий ее членов; в такой организации доминирует функция управления и, стало быть, определенным образом подготовленный персонал.

Эти признаки вполне присущи и университету, особенно – большому университету, университетскому комплексу и т.п. Вероятно, именно эту ситуацию имели в ви-

ду авторы «Бухарестской декларации», отмечающие превращение университетов «в комплексные и крупномасштабные учреждения, для управления которыми уже недостаточно руководствоваться традиционными академическими и коллегиальными нормами»⁵⁰.

И при доминировании организационного мотива значим эффект «эспри де кор». Можно сколько угодно ассоциировать «персонал» университета, но «на выходе» получится лишь механическое соединение лиц, групп и интересов, шаткие конгломерации. И так будет до тех пор, пока не сформируется таинственное *склеивающее вещество* духовного свойства.

Свойства, побуждающего припомнить основательно забытый «дух» трудового коллектива? В действительности же можно бесконечно долго говорить о коллективизме и методах его укоренения, вводить и исчислять коэффициенты сплоченности трудовых коллективов (были и такие), однако все это очень далеко от свободного духа корпорации. Дело в том, что в принятой в нашей стране версии понятия трудового коллектива на передний план выводился патернализм, привязанность к государственному опекунству; делалась ставка не столько на производственные или творческие достижения, эффективность и успешность деятельности, сколько на распределительные калькуляции; не столько на самостоятельность работников и их социальную ответственность, сколько на долг бездумного подчинения и ответственности по «вертикали».

* Мотив КСИУ может быть и *сверхрациональным*: слово «корпорация» в самоидентификации университета предопределено прагматическими рыночными устремлениями, фиксируя не просто юридически определенную организа-

⁵⁰ См.: «Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» (www.aha.ru/~moscow64/educational_book).

ционную форму предприятия, но интеграцию университета в рыночную индустрию образования.

В этом случае «дух корпорации» рискует притянуть к себе «дух» бизнеса. Особенно, при некритической интерпретации термина «предпринимательский университет». Не случайно уже упомянутая «Бухарестская декларация» начинается с характеристики *проблемной ситуации*, среди признаков которой – проблема «равновесия между деятельностью университетов во благо общества и их предпринимательством».

* Еще один мотив КСИУ – верность ценностям научно-образовательной деятельности как *высокой* профессии. Этот мотив усиливается благодаря проблематизации других мотивов КСИУ: не слишком ли вольно университеты сегодня прибегают к корпоративной (само)идентификации, беззаботно отложив на отдаленные времена процедуру прояснения ее актуального смысла(ов), или, напротив, без особой рефлексии отдают приоритет *менеджеристской* версии КСИУ?

Что особо важно: продвигая в университет корпоративную этику в ее менеджеристском видении, осознают ли сторонники КСИУ ее «плюсы» и «минусы», предполагают ли профилактику «минусов» (отражающихся, например, в содержании университетских миссий и кодексов)? Не ставя здесь задачи предъявления соответствующего каталога, достаточно вспомнить о таких последствиях КСИУ, как приоритет корпоративной этики перед этикой профессиональной и этикой общеобщественной; подавление индивидуального морального выбора и ради выбора организационно-группового; категорическое требование корпоративной лояльности с жестким контролем, совсем не исчерпываемым лишь моральными санкциями...

ПОЛАГАЯ, что университет – не «хозяйствующий субъект», а научно-образовательная корпорация, инновационная парадигма прикладной этики исходит из предположения, что такая квалификация университета требует иметь в

виду оба возможных значения его корпоративной (само)идентификации, *гуманитарное* и *менеджеристское*: корпорация «зримого колледжа» деятелей *высокой* профессии – и корпорация-предприятие, а соответствующие каждому из этих подходов ценности должны быть организованы в рамках нормативно-ценностной системы университета в определенную *конфигурацию*.

Конфигурацию, определенную природой базовых профессий научно-образовательной деятельности.

Тем самым констатация *дуализма* не просто *фиксирует* особое ценностное напряжение, но предполагает для разрешения такого дуализма подход: университету важно не забыть, что интересы корпорации-организации здесь – скорее *средство*. Очень важное средство – без корпоративной организации базовые профессии научно-образовательной деятельности современных университетов бессильны. Но все же *средство*, а *цель* – ценностные ориентиры *высокой* профессии.

При этом целесообразно дискутировать гипотезу о доминировании в нормативно-ценностной системе *такой* корпорации ориентиров *высокой профессии* (ипостась гуманитарного подхода) над ориентирами *корпоративной этики* (ипостась менеджеристского подхода).

С этой целью кратко представлю особенности ценностей каждого из направлений КСИУ: менеджеристского и гуманитарного, полагая, что их сравнение «скажет само за себя». Разумеется, постараюсь не упустить возможности прокомментировать эффекты корпоративной (само)идентификации университета в том и другом подходах.

ГРАНИ менеджеристского *образа* университета как корпорации: «бюрократически организованное предприятие»; «объединение первичных *деловых организаций* – кафедр, учебных групп, массы вспомогательных подразделений»; «хозяйствующий субъект на рынке образовательных услуг»;

«уровневые конструкции, состоящие из большого числа взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов» и т.п.

Предпосылки для формирования менеджеристского образа КСИУ можно увидеть в сравнении исторически выделившихся типов университетов. В классификации этих типов, предпринятой С.А.Смирновым⁵¹, показаны признаки смены в ситуации модерна модели КСИУ средневекового университета как корпорации профессоров и учеников моделями *университета=делового предприятия* и *университета=супермаркета*.

Если использовать предложенный выше набор мотивов КСИУ, то здесь мы, скорее всего, имеем дело с таким вариантом мотивации менеджеристского видения КСИУ, как *сверхрациональный эффект*.

Конкретизируя собирательный образ менеджеристского видения КСИУ, уместно обратиться к опыту его приложения к деятельности отечественных университетов. Поставив вопрос о применимости понятия «корпорация» к университету, А.М. Осипов и С.В. Иванов рассмотрели особенности конкретной университетской корпорации на основе материалов социологических исследований, проведенных в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого (НовГУ). *Черты корпорации* они увидели в целом ряде признаков университета. «1) институциональная и организационная *устойчивость* (университет отчасти сам развивает стандарты деятельности и собственную структуру); 2) определенная узкая сфера деятельности, специфичность продукта (наука и высшее образование в конкретных специальностях); 3) обладание кадровыми и информационными ресурсами, составляющими основу корпоративного капитала, наращивание которого зависит от положения в отраслевой конкурентной среде (в региональном, нацио-

⁵¹ Смирнов С.А. Российская высшая школа: на пути к новым институциям // Научные записки НГУЭУ. 2008, № 1. Цит по: www.anthropolog.ru/doc.php?id=335.

нальном или международном масштабе); 4) локальный и сетевой характер деятельности университета; 5) относительная общность интересов и социально-экономического положения большинства сотрудников, зависящего от формирующейся вокруг университета конкурентной среды и клиентской базы; 6) *иерархическая* социальная организация многочисленного персонала, при которой возможно "смещение целей" – расхождение в интересах управляющего эшелона и массы рядовых сотрудников»⁵².

Не забывая, что основная задача обращения к эффекту менеджеристского подхода – выяснение его связи с определенной парадигмой корпоративных ценностей университета, уместно определить, как в этом подходе интерпретируется феномен «дух университета».

Поддержание «корпоративного духа» составляет в большинстве университетов «предмет особой заботы руководства», - отмечают А.М.Осипов и С.В.Иванов. Элементом «корпоративного духа» авторы считают осознание персоналом «конкурентных отношений в сфере высшего образования по поводу привлечения количественно и качественно достаточной абитуриентской массы и общественного признания (престижа). Большинству преподавателей свойственны гордость за публично признаваемые достижения вуза, а также противопоставление "своего" коллектива, "своего" вуза другим корпорациям. Они в большей степени характерны для управленческого эшелона (ректорат, деканаты, заведующие кафедрами), которым присуще критическое восприятие конкурентной среды»⁵³.

Если использовать предложенный выше набор мотивов КСИУ, то здесь мы, скорее всего, имеем дело с *в меру реалистичным* мотивом менеджеристской версии КСИУ (*организационный эффект*).

⁵² Осипов А.М., Иванов С.В. Университет как региональная корпорация. С. 106.

⁵³ Там же. С.107.

(Само)критичности менеджеристского видения КСИУ могло бы помочь понимание порождаемого им *конфликта* двух видов ценностей. Конфликта, давно уже зафиксированного исследователями. Одну из формул этого конфликта дал Г.С. Батыгин: «Большинство исследователей и преподавателей стремятся к автономии и академической свободе; они могут сохранять лояльность по отношению к учреждению лишь в той степени, в какой она не противоречит ценностям науки. Иначе университет рискует потерять “людей науки”. Потеря произойдет и в том случае, если “люди науки” усвоят деловые и коммерческие навыки»⁵⁴.

Кстати, в своем обзоре подходов зарубежной социологии организации, включенном в цитированную здесь статью, А.М. Осипов и С.В. Иванов приводили трактовку Т. Вебленом американского университета как капиталистического предприятия и последствия такого рода (само)идентификации: «подчиняясь “ценностям и законам рыночного выживания, нормам предпринимательства”, университеты “отступают от истинных целей и ценностей высшего образования” и тем самым “закладывают основу социальных конфликтов в университетском сообществе”»⁵⁵.

ВЕСЬМА наглядный материал для выяснения связи менеджеристского видения КСИУ с определенной парадигмой корпоративных ценностей университета дает анализ текстов корпоративных кодексов.

Корпоративные кодексы ряда университетов институализируют отмеченные выше приоритеты менеджеристского видения КСИУ. При этом внесение в кодексы мотивов, логики и языка менеджериализма, их абсолютизация приводит к оформлению приоритета ценностей корпоративной этики

⁵⁴ См. в кн.: Становление духа университета: опыт самопознания/ Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2001. С. 83.

⁵⁵ Осипов А.М., Иванов С.В. Университет как региональная корпорация. С. 105.

организации над ценностями научно-образовательной деятельности как *высокой* профессии.

ЗАВЕРШАЯ эскизную характеристику эффектов *менеджеристского* подхода к корпоративной (само)идентификации университета, определяющих в его нормативно-ценностной системе приоритет ценностей «хозяйствующего субъекта», еще раз подчеркну *моральные риски* этого подхода. Среди них: подмена профессионального достоинства безропотным исполнением, отказ от не предписанной «инстанциями» суверенности решений и оценок, постоянное испытание, которым подвергается честь и достоинство профессионалов – язык не поворачивается называть их корпорантами: в лучшем случае они остаются «служащими», «работниками», «персоналом».

ГУМАНИТАРНАЯ парадигма КСИУ не исчерпывается критическим пафосом относительно негативных последствий КСИУ в менеджеристской парадигме. Трактовка университета как научно-образовательной корпорации, «зримого колледжа» профессионалов, вдохновляемого ценностями *высокой* профессии, предполагает

мобилизацию потенциала университетской корпорации на служение базовым ценностям научно-образовательной деятельности.

Среди мотивов КСИУ был выделен выше и мотив «идеалистический»: термин «корпорация» звучит скорее как завораживающая ностальгическая метафора. Разумеется, в эпоху «индустрии образования» возродить дух средневекового университета нереально. Да и удержать дух «моральной и интеллектуальной независимости от любой политической власти и экономической силы» («Великая хартия европейских университетов») – тоже. Но такой атрибут университетской корпорации, как ценности профессионального призвания, взаимной ответственности за профессию, профессиональной солидарности и т.д., не только не потеряли

свою роль, но составляют сердцевину современной идеи университета, являются *профессионально-этическим ориентиром* КСИУ.

Корпоративная природа сообщества профессионалов в «зримом колледже» еще в большей степени, чем в профессиональной ассоциации, союзе и т.п., предполагает формирование *духа корпорации*. Который формируется – в отличие от ситуации корпорации-предприятия – прежде всего самими корпорантами.

Это *им* особенно важно задуматься о сохранении нравственных ценностей профессии, выделить те базовые нормы и ценности, которые должны быть заложены в качестве *побуждений* (в первую очередь) и *ограничений* (по возможности – во вторую) профессионалов в сфере научно-образовательной деятельности. Важно, независимо от понимания такого важного обстоятельства, что для «игры по правилам» этому «зримому колледжу» нужны, как минимум, по тем же правилам играющие партнеры – власть и гражданское общество.

Это *им* особенно важно рассматривать феномен «дух корпорации» не как привнесенный в профессию извне, но как результат ее *самопознания*. Профессионала не «зачисляют» в корпорацию: он сам идентифицирует себя с ней. И сам отвечает – добровольно – за свою принадлежность к ней, за все, что связано с ней.

Это *им* важно осознать «двойное» назначение профессиональной этики, выражающего коренные интересы как профессии, так и общества.

С одной стороны – защита интересов членов корпорации, их профессионального статуса, свободы и достоинства. С другой – защита интересов и всего общества через эффективное осуществление корпорацией своей социальной миссии.

Это *им* важно понять, что «Дух корпорации» не витает в заоблачных высях, в атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в нормах и правилах *корпоративной этики* – как *этики «зримого сообщества» профессионалов*, профессионального призвания и ответственности, в правилах «честной игры» и т.п.

Это *им* важно понять, что позитивный потенциал *такого* корпоративизма выявляется не сам по себе, в виде некоего гарантированного итога, а лишь в результате преодоления профессиональным сообществом *нравственных конфликтов корпоративизма*. Гуманитарному подходу в не меньшей степени, чем менеджеристскому, важно иметь в виду *моральные риски* культивирования корпоративности при пренебрежении ее *нравственными оппозициями*, риски превращения корпоративного этоса в *патос*. И в «зримом колледже» профессионалов корпоративизм, являясь одним из эффективных способов сочетания индивидуализма и солидаризма, несет в себе как тенденцию к групповой сплоченности, так и риск подавляющей индивидуальность «стадности»; вполне понятная и оправданная ориентация на защиту групповых интересов может обернуться их противопоставлением универсальным интересам общества. Вспомним, что в качестве одного из мотивов появления биоэтики указывают на необходимость противостояния корпоративным нормам медиков.

Казалось бы, естественно конкретизировать гуманитарный подход к феномену КСИУ, обратившись к текстам университетских кодексов. К сожалению, опираясь на указанный выше анализ университетских кодексов, приходится констатировать, что этическая кодификации «зримого колледжа» корпорантов *высокой* профессии пока еще впереди.

Определенный шаг в развитии гуманитарного подхода к феномену дуализма КСИУ связан с опытом нормативно-ценностной институционализации университетского приоритета в ТюмГНГУ.

Инициировав соответствующий проект, мы включили в число его задач *профилактику* таких последствий КСИУ в менеджеристской парадигме, как приоритет корпоративной этики перед этикой профессиональной (и этикой общественной); подавление индивидуального морального выбора и доминирование выбора организационно-группового; категорическое требование корпоративной лояльности с жестким контролем, совсем не исчерпываемым лишь моральными санкциями.

Первый проектный результат «случая» ТюмГНГУ – базовый этический документ университета «Миссия-Кредо ТюмГНГУ», в преамбуле которого подчеркивается, что это мировоззренческий ориентир профессорско-преподавательского корпуса, основание профессионально-этического кодекса университета как научно-образовательной корпорации; «цель целей», основание стратегического целеполагания для управления университетом.

Не ставя здесь ни задачи презентации документа в целом, ни задачи развертывания его концептуального обоснования, выделю лишь один фрагмент этого документа, показывающий, что одно из условий проектного освоения дуализма КСИУ – формат *университетского приоритета* корпоративных ценностей *высокой профессии* над корпоративными ценностями «хозяйствующего субъекта».

«Степень соответствия Тюменского государственного нефтегазового университета идеальному образу научно-образовательной корпорации определяется мерой успешности осознания и решения дилеммы самоопределения современного отечественного университета: университет – “хозяйствующий субъект” или научно-образовательная корпорация? научно-образовательная деятельность университета: “сфера услуг” или *высокая профессия*?

В такой проблемной ситуации Тюменский государственный нефтегазовый университет занимает рацио-

нальную позицию, проектируя свою миссию как реально-должное.

Это предполагает, что ценностные приоритеты университетской корпорации не тождественны духу и “правилам игры” некоей бизнес-корпорации – промышленной или финансовой, производящей товар как предмет купли-продажи и, как правило, ориентированной только на прибыль. Не имея возможности и права пренебрегать требованиями “заказчика” и “потребителя”, университет, во-первых, видит своим “заказчиком” не только производственную сферу, но потребности общества в целом и, во-вторых, не сводит свое назначение к роли “делового предприятия на рынке образования”, считая своей миссией возвышение соответствующей рынку утилитарной функции “кузницы кадров” до высокого смысла “духовного производства человека”.

Университет подчиняет свою прагматическую стратегию ценностным ориентирам научно-образовательной профессии. Даже в сложных рыночных обстоятельствах, ограничивающих независимость *высоких профессий*, их миссия не отменяется. Как это ни парадоксально, но именно в таком самоопределении – шанс прагматического успеха университета».

7.2.5. Саморегулирование профессии

«Если бы саморегулирование было постоянной заботой журналистского сообщества, то сегодня не было бы поводов для таких регуляторов, которые пытаются создать политические силы». «Журналист должен думать о саморегулировании не только в смысле защиты от давления государства, но и с точки зрения защиты общества от самого себя и своего сообщества».

Два суждения из экспертного опроса журналистов – пример попытки понять место и роль саморегулирования профессии.

И хотя здесь еще не прочитывается прямой «заказ» профессиональной этике, сама актуализация профессионалами идеи саморегулирования – свидетельство идентификации ими своей деятельности как *профессии*.

Нетрудно представить себе, что дальнейшие их рассуждения приведут к теме профессиональных кодексов, к созданию и «внедрению» которых чаще всего и сводится идея саморегулирования. И действительно, в эпиграфе к программе одного из семинаров по журналистской этике наряду с двумя приведенными выше суждениями вынесено и третье, непосредственно связывающее саморегулирование с кодексами как «правилами игры»: *«Не имея “правил игры”, оформленных в письменном виде, мы все же ориентируемся на неписанные нормы, причем не столько для отчета перед начальством, сколько для самих себя»*.

Роль кодексов в саморегулировании профессии несомненна. Но «заказ» профессиональной этике в связи с таким признаком профессии, как саморегулирование, не сводится ни к теме кодексов, ни даже к теме *системы* саморегулирования, одним из элементов которой и являются кодексы, – ее выстраивание само по себе не есть решение *профессионально-этической* задачи.

Разумеется, очень важно представить эту систему в ее полноте, увидеть, что саморегулирование включает в себя множество институциональных механизмов, являясь *системой обеспечения ответственности профессии* (С*О*О*С*). Автора этого термина К.-Ж. Бертран в своей работе⁵⁶ перечисляет свыше 30 различных механизмов саморегулирования СМИ. Попытка классифицировать их позволяет выделить три группы. В первую входят *документы*: этические кодексы; внутренние меморандумы; колонки в газете, содержащие письма с критикой в адрес СМИ; публич-

⁵⁶ *Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Стратегия, 2004.*

ные заявления; теле- и радиоэфир; информационные бюллетени для читателя о том, что происходит в газете и т.п. Вторую группу составляют *люди* или группы людей – это штатный критик, этическая комиссия, инструктор по вопросам этики, омбудсмен, бюро жалоб, советы по делам прессы, различные фонды и т.п. Третья группа представляет собой *процессы*, под которыми понимаются обучающие семинары, опросы, исследования и т.п. Кроме того, автор предлагает и другую классификацию в зависимости от того, кто участвует в С*О*О*С*: внутренние С*О*О*С* (саморегулирование в узком смысле слова), внешние С*О*О*С* (СМИ можно призывать к ответу и без их согласия) и кооперативные С*О*О*С* (работники прессы, специалисты и общественность могут работать вместе во имя обеспечения качества).

Отмечу, что, несмотря на широкий спектр возможных институциональных механизмов саморегулирования, в нашей отечественной практике наиболее известны: из первой группы – профессионально-этические кодексы, из второй – Большое жюри и Общественная коллегия по жалобам на прессу, а обучающие семинары за редким исключением не рассматриваются как формы саморегулирования. Правда, в последние годы в России изучается и получает свое теоретическое развитие такая форма саморегулирования профессии, как *медиакритика*. Уже цитированный выше А.П. Короченский называет медиакритику такой областью журналистики, которая осуществляет «критическое познание и оценку социально значимых, актуальных культурно-творческих, профессионально-этических, правовых, экономических и технологических аспектов информационного производства в средствах массовой информации с акцентом на творческую сторону медийного содержания»⁵⁷. Очень важна при этом ориентирующая роль медиакритики – как для

⁵⁷ Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Международный институт журналистики и филологии. Ростов-на-Дону, 2002.

аудитории, так и для самих СМИ. Для СМИ ориентирующая функция медиакритики проявляется в том, что, как отмечает автор, медиакритика участвует «в постоянном пересмотре, совершенствовании и обновлении подвижной нормативной системы профессиональной этики». В результате чего СМИ имеют возможность переоценки своей социальной функции. Ориентирующее влияние медиакритики на аудиторию выражается в том, что медиакритика способствует формированию у граждан «навыков самостоятельного рационального анализа и оценки медиатекстов, творческой деятельности их создателей, различных проявлений взаимодействия СМИ с социальной средой»⁵⁸, что в свою очередь формирует личность читателя, освобождает его от манипулирования СМИ.

И все же скажу еще раз: само по себе глубокое понимание *системы механизмов* саморегулирования профессии еще не является решением *профессионально-этической* задачи. Более того, недостаточно просто сказать, что самостоятельное место темы саморегулирования в концепции профессиональной этики связано с тем, что саморегулирование является существенным признаком *профессии*⁵⁹. Важно осознать, что эта задача предполагает прежде всего прояснение *этического* смысла саморегулирования как признака профессии. Лишь в этом случае можно говорить о саморегулировании профессии в контексте собственно профессиональной этики.

⁵⁸ Короченский А.П. Регулятивная роль медиакритики // Саморегулирование журналистского сообщества: опыт и проблемы жизнедеятельности. Перспективы становления в России. М.: Издательский дом «Стратегия», 2003. С. 178.

⁵⁹ См.: Это положение не абсолютно. Так, например, полагая, что медицина – лучший пример профессии, Э. Фрейдсон утверждает, что для этой профессии саморегулирование не оправданно (Freidson E. Professions of medicine: a study of the sociology of applied knowledge. New York, 1975).

Тезис о необходимости профессионально-этического «измерения» феномена саморегулирования – концепций и реальной практики – опирается на анализ процесса и результатов заметной актуализации внимания к роли саморегулирования в жизни профессий, проявившейся не столько за пределами России, где саморегулирование профессий – сложившийся и устоявшийся институт, сколько в нашей стране, где пока можно говорить скорее о *становлении* института саморегулирования профессий и, соответственно, его исследований. В то же время рискну утверждать, что есть некая общая тенденция: собственно *этическая* природа саморегулирования профессии остается чаще всего за пределами внимания исследователей. В отечественной литературе феномен саморегулирования как атрибут жизни профессии становится предметом профессионально-этической рефлексии весьма редко. Особенно – в работах по *общепрофессиональной этике* (тогда как в исследовании конкретных профессиональных этик ему «везет» больше). В итоге – свойственная многим работам по конкретным профессиональным этикам *невыделенность* именно моральных по своей природе ориентиров и регулятивов профессии, в том числе *мотивов* активизации процессов саморегулирования профессии.

Так ли эта *невыделенность* значима? На мой взгляд, для современной российской ситуации тема саморегулирования требует сегодня не просто доказательства ее актуальности – как это было еще несколько лет назад, – но и осознания необходимости для профессионалов быть *нравственно осторожными* в освоении этой темы. В качестве аргумента в пользу этого тезиса – эскиз одного из моих анализов ситуации в журналистике прошедшего десятилетия.

Своеобразным эпиграфом к данному тезису может послужить высказывание В. Познера в одной из передач тогда еще живых «Итогов». Он остро отреагировал

на инициативу Индустриального комитета по созданию этой инстанцией правил поведения журналистов в чрезвычайных ситуациях: «Получается такая вот картинка: давайте вместе подумаем, как бы нам ошейник надеть». И действительно: можно ли считать абсолютной ценностью такое «саморегулирование», которое отказывает журналисту в статусе *субъекта* нравственной свободы, выбора и ответственности, предполагая превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект сверхрегуляции? Саморегулирование – итог осознания социальной ответственности профессии. Но ответственность бывает *адаптивная* (реакция как ответ на ситуацию) и *неадаптивная* (опережающее действие). Скорее всего отечественное профессиональное сообщество журналистов живет по версии адаптивной. Отсюда – необходимость «подстраиваться», «реагировать»; так поступил, например, Индустриальный комитет после «Норд-Оста». В итоге – опасность превратить саморегулирование в «добровольный ошейник».

Российским профессиональным сообществам предстоит осознать опасность *огосударствления* профессиональной морали через придание государственным инстанциям роли высшей *моральной* инстанции. Эта опасность искушает «духовного иждивенца» соблазном делегировать свою ответственность и может взорвать самую суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. Новый контекст проблемы морального выбора (ситуация становления так называемой «управляемой демократии») может спровоцировать профессионалов и их ассоциации – не только журналистские – на предпочтение *самоцензуры* как реакции на давление «сверху», с одной стороны, на своеволие, вседозволенность самих профессионалов – с другой. Причем самоцензуры как следствия страха перед не знающей над собой кон-

троля «снизу» властью, а не саморегулирования, вытекающего из сознания ответственности профессии.

Уже только несомненная *неслучайность* попытки Индустриального комитета побуждает подвергнуть активно обсуждаемую журналистской корпорацией идею саморегулирования процедуре этической экспертизы, направленной на оценку *нравственного потенциала* этой идеи. Процедуре анализа и оценки *этических* оснований этой идеи, актуальной уже потому, что (не)понимание этих оснований отражается на практике саморегулирования, в том числе на инициативах по созданию профессиональных кодексов, далеко не всегда соответствующих духу профессиональной этики.

ПОЛАГАЮ необходимым выделить три направления этической рефлексии идеи саморегулирования:

* роль *мотивов* активизации саморегулирования профессионального «цеха» в обеспечении нравственного потенциала идеи саморегулирования;

* критерии *этической* идентичности профессиональных кодексов (речь о них пойдет ниже - в параграфе 7.4);

* *моральные* основания деятельности этических комиссий/комитетов профессиональных ассоциаций.

Опыт разработки и внедрения всех трех направлений такой рефлексии представлен как в других лекциях инновационного курса, так и в ряде публикаций⁶⁰.

7.3. Мировоззренческий ярус профессиональной этики

Еще один шаг алгоритма – идентификация мировоззренческого «яруса» профессиональной этики. Один из

⁶⁰ См.: Тетради гуманитарной экспертизы. Вып.1-5; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста; *Они же:* Этика профессии; *Казаков Ю.В.* На пути к профессионально правильному: российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001.

двух его аспектов - подход к выбору профессии как к процессу морального выбора – уже рассмотрен в лекции 5. Здесь же сосредоточусь на втором, полагая эффективным способом аргументации значимости мировоззренческого яруса профессиональной этики обращение к дилемме «“служение в профессии” и/или “жизнь за счет профессии”?». При этом буду апеллировать к материалам наших экспертных опросов, анализируя проекты, посвященные журналистской этике и содержащие материалы самопознания профессионалов, их этической рефлексии.

УЧАСТНИКАМ проекта «Журналист в ситуации морального выбора» был предложен вопрос: *«Какая из известных со времен М. Вебера альтернатив – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – доминирует в нашей журналистике?»*. Представлю полученные ответы с помощью типологии, отражающей три возможных варианта отношения к этой дилемме.

Прежде всего выделю подход, который прямо трактует предложенную альтернативу как предмет *морального выбора* журналиста. С уточнением, что человек не волен совершать этот выбор «идеальным образом» и такой выбор трудно оценить однозначно. Так, по мнению В.Т., *«Служение есть некое подвижничество, это следование принципам, ...с отказом от чего-то, что дает простая “жизнь за счет...”*. Например, *когда журналист выбирает из двух рабочих мест не то, где больше зарплата, а то, где он может свободнее высказываться»*.

Далее выделю скептическую позицию относительно самой метафоры «служение в профессии». *«Прежде всего журналистика – это профессия, я этим зарабатываю деньги. Я не служу в профессии – это моя работа, – говорит Е.А. – Я не сторонник отношения к журналистике как к некоему мессианству. Журналистика – это ремесло прежде всего»*. Сдержанное отношение к тезису о служении в профессии применительно к реальной журналистской практике высказывает А.С.: *«Служение профессии во-*

зможно, разумеется, но оно дается уже битому и тертому, прошедшему все искусы служения внутри профессии: учителю, редактору, своей команде, идее, миссии. Если, пройдя через все это, не скурвился, что случается нередко, у тебя оттачивается нюх на мораль служения профессии как таковой».

В то же время другой участник проекта – С.Б. – полагает, что *«выражение “служение в профессии” – замечательное определение профессионализма».* При этом автор отмечает, что *«чаще всего слышишь определение обратное: профессионал – это тот, кто хорошо и качественно делает свою работу и живет за счет профессии, не видя в ней некоего служения».* И дает вполне четкое определение: *«Чтоб не вдаваться в излишний пафос, служение – это осознание цели, или сверхзадачи, даже миссии».* С точки зрения автора, формула Вебера имеет серьезный смысл. Более того, автор вполне наглядно конкретизирует эту формулу. Сначала – ту ее часть, которая определяется через *«жизнь за счет профессии».* *«Мне кажется, “жить” можно за счет халтуры (халтура в понимании старого Художественного театра, т.е. не работа плохого качества, а работа дополнительная и необязательная, ... работа как средство к существованию)».* А далее – конкретизация другой части формулы, связывающей профессионализм со *«служением».* *«Когда мы организовывали “Эхо” (как ни странно, мы стали получать больше, чем в Гостелерадио, но это было дополнительным обстоятельством), – это был фактор свободы и некоего, может быть, извините, служения. Появилась цель: мы тогда говорили друг другу, что очень здорово, когда делаешь то, что хочешь, так, как хочешь, и еще за все это получаешь деньги. Именно в таком порядке. И мы эту цель стали доводить до предела: радио полезное и нужное, которое говорит, что хочет, да еще и деньги зарабатывает рекламой».* С точки зрения иллюстрации сути порядка, зафиксированного в последнем тезисе, интересно

приводимое, когда-то поразившее автора, высказывание основателя японского театра «Но». *«Он очень хорошо сказал, что если ты стремишься к высокому, то придут и богатство, и слава, но когда ты просто стремишься к богатству и славе, то высокое может и не придти. Это очень тонкая мысль, потому что сразу богатство и слава начинают преобразоваться: если ты к чему-то стремишься, то богатством для тебя может быть что угодно, и славой тоже».* При этом особое внимание эксперт обращает на необходимость деликатного отношения к позиции служения в профессии: *«жить с постоянным ощущением миссии очень плохо. Наиболее близкие мне священники постоянно осуществляют свою миссию, но никогда это не педалируют. ...Миссия – это не ощущение постоянного мессианства. Настоящий мессия не раздает визитные карточки».*

БОЛЬШИНСТВО экспертов с тем или иным успехом попытались снять напряженность веберовской альтернативы. Прежде всего они скептически отнеслись к дилеммности самой характеристики профессионала. Журналист Р.Г.: *«Отмеченные Вебером альтернативы существуют вопреки физическим законам одновременно в одной и той же точке пространства».* В.Л.: *«Полагаю, что противопоставление двух позиций – это упрощенный подход».* С.Н.: *«Для меня лично две альтернативы Вебера являются частью одной формулы. И то, и другое совершенно допустимо».* В.П.: *«Разведение двух веберовских формул – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – применительно к журналисту кажется чуть-чуть упрощенным. На самом деле человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому».* Л.Р.: *«Применительно к себе формулу Вебера о двух типах отношения к профессии я отчасти принимаю, отчасти – нет».*

При этом важно, как именно наши эксперты пытались совместить обе части формулы. С.Н. четко определяет: *«И*

то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии». И далее С.Н. предлагает свою версию веберовской формулы: «Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова, что принципиально важно. И потому альтернатива Вебера достаточно искусственна. Все-таки это одна формула. Да, есть оппозиция “иметь или быть?”, но, как показывает практика, важнее всего найти какой-то внутренний компромисс между тем и другим, понимать, что одно не исключает другого». Суждение Р.Г. при более резкой формулировке по поводу роли заработка журналиста – созвучно представленному выше. «Ничем не хуже других те, кто приходит в журналистику ради заработка. “Не ради денег, сэр, пишут только болваны”, – морализировал еще в XVIII веке доктор Сэмюэл Джонсон. Другой вопрос – на что журналист способен ради денег? Готов ли он, погружаясь в профессию, понять не только ее ответственность, но и миссию?». По мнению В.П., «человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому». И все же эксперт расставляет акценты: «Вот я, например, считаю, что последние несколько лет и служу в профессии, и живу за счет профессии. Я очень хорошо обеспечен, но в то же время не только ради заработка делаю то, что я делаю». Л.Р. четко показывает, в каком смысле формулу Вебера о двух типах отношения к профессии он применительно к себе отчасти принимает, а отчасти – нет. Сначала – о том, что такое именно «жить за счет профессии». «Это когда делаешь заказные статьи – рекламные, коммерческие, политические тексты. Противно, брезгливо, трудно, не интересно, муторно и т.п. И уж тем более не стал бы подписываться своим именем, потому что именем дорожу». А что такое «служение в профессии»? «Журналисты, которые ездят в опасные места и действительно рискуют жизнью, конечно, получают бо-

льшие деньги, но, думаю, у многих из них есть и такой мотив, как говорить правду, добыть информацию и прочее. Эти люди на самом деле считают, что рискуют собой не только за деньги и не только ради известности, но чтобы исполнять свою профессиональную миссию, свой профессиональный долг. В этом смысле у них как раз служение в профессии».

ОТДЕЛЬНО представлю экспертные суждения, в которых авторы с сожалением фиксируют наиболее распространенное отношение отечественных журналистов к веберовской альтернативе и, как мне кажется, методом от противного высказывают свои приоритеты. В.Д. полагает, что *«в журналистике, как и в любой другой профессии, “служителей” меньше, чем людей, для которых работа является просто источником существования».* Автор при этом отмечает: *«именно “служители” могут задавать нравственную тональность».* Считая, что Вебер противопоставляет не альтернативные понятия, А.О. также отмечает существенную количественную разницу между теми, кто выбирает *«служение в профессии»*, и теми, кто предпочитает *«жизнь за счет профессии».* Последний вариант – *«удел сотен тысяч профессионалов»*, а *«служение»* – *«удел единиц»* (*«как “редкая птица долетит до середины Днепра”, так в многочисленных редакциях редко отыщется профессионал, статусно и общественно зачисленный по разряду “служения”»*). При этом автор говорит, что *«служение в профессии, не отвергая “за счет”, возникает как наивысшая творческая форма профессионализма. Бескорыстный, но бездарный специалист, как бы он ни афишировал свое вполне искреннее бескорыстие, на “служение” не обречен».* Аналогичный диагноз дают Ю.П. (*«пока в нашей журналистике доминирует не “служение в профессии”, а “жизнь за счет профессии”»*) и В.Т. (*«Большинство “живут за счет”, а “служит в профессии” меньшинство. Те, кто “служит”, как правило, более способные, более преуспевающие»*).

ПОЛАГАЮ, что анализ материалов экспертного опроса дает некоторые основания для вывода о том, что

для самих профессионалов рефлексия мировоззренческого яруса профессионально-этического сознания не только не чужда, но и сопровождается вполне эвристичными подходами и аргументами.

Выделю здесь, во-первых, суждение *«выражение “служение в профессии” – замечательное определение профессионализма»* и характеристику служения в профессии *«как осознания цели, или сверхзадачи, даже миссии»*. И при этом образный афоризм по поводу понятия «миссия»: *«настоящий мессия не раздает визитные карточки»*.

Продуктивны, во-вторых, рассуждения, стремящиеся «снять» дилеммность предложенной для экспертизы проблемы с помощью квалификации двух альтернатив как *частей одной формулы*. Как позиций, вполне совместимых в системе ориентаций профессионала. Характерно в этом плане суждение *«и то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии»*. Эвристична и предложенная формулировка: *«Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова»*.

В-третьих, стоит обратить внимание на суждения, подчеркивающие, что предложенная для экспертизы дилемма не надуманна, что она отражает реальные противоречия поведения профессионала и фиксирует необходимость *морального выбора* мировоззренческого уровня.

7.4. Нормативный ярус

Во вступительной лекции в связи с описанием мастер-класса уже шла речь о нормативном ярусе профессиональной этики с точки зрения *проектно-ориентированного подхода* к ее кодифицированию. В лекции 8 предстоит рассмотреть кодексы профессий в аспекте *технологии* этиче-

ского проектирования. В лекции 9 будет идти речь о *нормативно-ценностных документах* организаций и профессиональных сообществ – кодексов, хартий, конвенций и т.д., как *элементах инфраструктуры* прикладной этики. Здесь же рассмотрю только одну проблему – *этической идентификации* такого рода документов. И оставляю за рамками *данной* лекции проблематику структуры нормативной части профессионально-этических кодексов, взаимодействия нормативного яруса кодекса с мировоззренческим, проблемы «минимального стандарта» и т.д.

ОБЩЕПРИЗНАНО, что этический кодекс – атрибут профессии, способствующий преобразованию атомизированных групп в автономную профессиональную корпорацию, один из инструментов ее саморегулирования. С этой точки зрения кодекс обычно и рассматривается исследователями и практиками. Однако при таком подходе за пределами рефлексии часто остается собственно *этическая* природа кодекса, что приводит к его редукции до *квазиморального документа*⁶¹. Одно из последствий: кодекс может стать вульгарно-инструментальным, потеряв потенциал «демонстрации флага», сигнала как для профессионального сообщества, так и для гражданского общества, «визитной карточки» конкретного сообщества, элемента публичной политики.

В связи с этим особого внимания заслуживает характеристика кодексов с точки зрения их места и роли в нормативно-ценностной системе профессии. Кодекс как результат морального нормотворчества профессии – структурированный формат нормативного яруса профессиональной морали. Традиционное содержание кодексов – система принци-

⁶¹ Один из примеров последнего времени: книгоиздатели России, политики и популярные писатели подписали «Хартию деловой этики». Представляя ее, один из подписантов говорит, что Хартия – это «правила взаимоотношений и поведения на книжном рынке – этические, нравственные, юридические, профессиональные, человеческие».

пов и норм – является своеобразным нормативным ядром профессии. Что не только не исключает, но и прямо подразумевает возможность и необходимость обогащения содержания кодексов элементами мировоззренческого яруса профессиональной морали, выводом содержания кодекса на *смысло-ценностный* уровень, фиксируемый в виде кредо и миссии профессии.

Какие проблемы прежде всего связаны с *этической* идентификацией профессиональных кодексов? Кодекс – «правила добра» или инструкции по технике безопасности? Возможен ли профессионально-этический *стандарт*? Если «да», то каково его место между легальностью и моральностью? Кодекс как ядро нормативного яруса – кредо и/или нормы? запреты и/или побуждения? Отдельно – правила работы профессиональных сообществ над своими кодексами, в том числе «Кодекс для кодификаторов».

НАЧНУ с тезиса о необходимости этической экспертизы современной отечественной практики морального (слишком часто - квазиморального) нормотворчества, в том числе распространенной рефлексии *назначения* кодексов, связанной обычно с обсуждением проблем саморегулирования того или иного «цеха». Именно *этическая* экспертиза может показать, что сама по себе приверженность задаче создания профессионально-нравственных кодексов еще не гарантирует понимания собственно *этической* природы таких кодексов, и судьба уже созданных или вновь создаваемых кодексов профессий во многом зависит от того, способно ли профессиональное сообщество справиться с задачей «опознания» в некоторых из предлагаемых ему сегодня проектов кодексов (не)скрытого недоверия к его нравственной свободе, не всегда скрываемого административно-политического рвения и упоения.

Противопоставят ли профессиональные сообщества таким проектам кодексы, опирающиеся на концепцию *нравственного самоопределения* профессионала? Перебирая предлагаемые варианты, «откроет» ли то или иное профес-

сиональное сообщество не всегда очевидную связь принципов и норм каждого из кодексов с такими понятиями мировоззренческого ряда, как «*кредо*», «*призвание*», «*служение*»? Идентифицирует ли кодекс как институт самоопределения сообщества относительно его миссии, социальной роли, духа корпорации? Осознает ли профессиональное сообщество, что без рефлексии этой проблематики для него рискованны не только слегка замаскированные кодексы *внеморальной* регуляции, но и самые благие намерения по развитию профессиональной солидарности? Что без такого рода рефлексии можно придти либо к принудительному собиранию «*цеха*» на основаниях, достаточно далеких от морали, в том числе профессиональной, либо к скачкообразному усилению раздробленности «*цеха*»: с потерей в обоих случаях и без того небольшого (если говорить объективно) шанса на трансформацию духа лицензированного (государством) «*корпоративизма*» в дух свободной корпорации.

ПРЕДПРИНЯТАЯ в рамках инновационной парадигмы *включенная* экспертиза практики проектирования кодексов трудовых коллективов, журналистских союзов, депутатского корпуса (как советского, так и постсоветского времени), миссий и кодексов университетов⁶² и, что не маловажно, того контекста, в котором совершалось такого рода проектирование, позволяет сформулировать некоторые выводы, применимые к кодификации деятельности журналистов, предпринимателей, политиков, педагогов и др. Прежде всего в нашей отечественной ситуации.

Российские профессиональные сообщества, стремящиеся упорядочить стихийный процесс морального нормотворчества путем оформления его результатов в виде хартий, кодексов, конвенций и т.п., должны осознать ряд воз-

⁶² См.: *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.

можных затруднений. Среди них – интерпретация кодексов как документов сугубо *запретительного* характера и известный *инструментализм* обращения с природой профессиональной морали.

В первом случае речь идет о наследовании такой трактовки повышенной ответственности профессии журналиста, депутата, менеджера, университетского преподавателя и научного работника и т.д., в которой ответственность сводится к введению дополнительных *запретов* (или, напротив, исключению некоторых профессиональных ситуаций из ведения безусловных требований морали), а функция кодекса – к административно-управленческому регулированию случаев нарушений профессионально-нравственных норм. Разумеется, такого рода «рамочный» подход имеет определенное отношение к морали. Но это скорее та «мораль», которая слабо доверяет собственной природе, опасаясь свободного морального выбора. И потому-то кодексы нередко приобретают репрессивную направленность, подкрепляющую административную регламентацию поведения профессионалов.

С другой стороны, практика кодифицирования профессиональной нравственности имела и имеет до сих пор элемент *утопических* ожиданий: вот появится кодекс – и оздоровит нравственную атмосферу в журналистской среде, в депутатском корпусе, в среде предпринимателей и т.д. Более того, разработчикам подобных кодексов, как правило, представляется, что такое улучшение способно повлиять на нравы всего общества. В подкрепление этих надежд не раз давались ссылки на некий «мировой опыт». Характерно, однако, то, что при этом фактически никогда не приводилось мнение тех зарубежных исследователей, которые говорили об изначальной беспочвенности подобных ожиданий, их апологетическом смысле.

Более продвинутой выглядит другая тенденция морального нормотворчества профессиональных сообществ: попытки осмыслить кодекс как инструмент развития *про-*

фессиональной общности. Решение этой задачи возможно лишь в том случае, если кодекс, во-первых, выходит за пределы задачи «повязать» профессионала и, во-вторых, формулируется «цехом» скорее «снизу», чем «сверху». Однако и в этом направлении процесса нормотворчества потенциал *морали* неизбежно оказывался востребованным сообществом лишь в ограниченной степени, а *побудительная* сила кодекса – слабо заявленной и мало освоенной. Одна из причин лежит на поверхности: формирование кодекса «снизу» – не панацея, коли «там» и по сей день доминирует «запретительский» стереотип понимания природы морали.

Цивилизованное взаимодействие с опытом кодифицирования профессионально-нравственных норм, приобретенным тем или иным отечественным «цехом» в прежние времена, предполагает, разумеется, непрерывность эстафеты. В то же время необходимо и отчетливое представление о том, в чем имеет смысл ограничить инерциальность прошлого (а во многом – и современного) опыта. От какого же именно наследства стоило бы отказаться?

1. От попыток «приспособить» к современной российской действительности западные кодексы. Подчеркну: скепсис по этому поводу – не псевдопатриотизм: дело в том, что «тамошние» кодексы вырастают из собственной моральной и профессионально-нравственной ситуации. Одна из ее особенностей в том, что определенная доктрина нравственной философии уже давно освоена профессиональной культурой и *подразумевается*, если даже и не декларируется, в конкретных нормах. Другая особенность – традиция зарубежных профессиональных кодексов неустранимо «сверхпрактична», вплоть до утраты «нерастворимого остатка» специфики морали. (Многие кодексы имеют характер жестких практических предписаний, инструкций по поведению в определенных, стандартных ситуациях.) Таковую ситуацию нельзя «перешить» на собственную фигуру – отечественным профессиональным сообществам (вместе со

становящимся в России гражданским обществом в целом) необходимо *прожить* свою собственную ситуацию. Поэтому-то «большой скачок» российских профессиональных сообществ сразу в этап кодификации по зарубежным лекалам весьма рискован.

2. От трактовки кодексов как лишь «регламентов», табуирующих моральное творчество, ограничивающих свободу выбора профессионала. Мотивации в духе «Уложения о наказаниях» важно противопоставить мотивацию морального самоопределения профессионала, позитивную самоориентацию: через призвание, ответственность, служение, солидарность, через самореализацию, наконец.

3. От односторонних, превратных, нередко искаженных образов кодекса или любого подобного документа, образов не просто различных и спорных, но и прямо ошибочных. Например, *административный* образ заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля. Или, например, образ инструкции по технике безопасности. Или, наоборот, образ ни к чему конкретно не обязывающей декларации. Подчеркну, что эти образы не случайны, в их основе – отражение реальных сторон практикуемых документов регулятивного плана. Но меньше всего они могут быть отнесены к документам саморегулирования.

4. От догматической интерпретации самой роли кодекса. В том числе от такой практики, когда кодексы проектируются на манер казенно-коллективистской морали в чиновничьем исполнении. В этом случае они приобретают дух административно-правового принципа оценки, но без правовой санкции (хотя и с возможным предвкушением оной). Кодекс в этом случае выступает как прокрустово ложе, лекало, механический ранжир, требующий лишь одного – наложения нормы на казус. Между тем оценка другого человека – это тоже поступок и, стало быть, моральное решение. Кодификация, которая поддается соблазну преимуществ стереотипной оценки, имеет весьма отдаленное отношение к нравственности. И профессиональным сооб-

ществом, и обществом в целом должна осознаваться и признаваться благотворность определенного (метафизически неизбежного) риска профессионала в ситуации морального выбора как *естественного* фактора профессионально-нравственной деятельности. То же относится и к обоснованию права на нравственные искания, на моральное творчество, в том числе и творчество, результат которого – *новые элементы правил честной игры*. Кодекс в этом подходе – не самодовлеющий инструмент оценивания и санкционирования, но подспорье для самостоятельной оценки, своеобразная логика для творческого акта морального выбора.

5. От подмены морального нормотворчества как процесса, организуемого самой профессиональной корпорацией, проектировочными усилиями специалистов (социологов, управленцев, психологов, этиков) даже самого высокого класса. От создания кодекса *в тиши* то ли «храма корпоративной бюрократии», то ли «храма науки».

НЕОБХОДИМОСТЬ сохранить *этическую идентичность* проектируемых профессиональных кодексов различным «цехам» еще только предстоит превратить в систематическое намерение. Некоторые из этих уроков реализованы на практике при создании Тюменской этической медиаконвенции, Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ, Профессионально-этических приоритетов государственного гражданского служащего Тюменской областной думы.

Лекция 8

Know-how прикладной этики: фронестические технологии

8.1. Лаборатория прикладной этики

ХОРОШО БЫ начать эту лекцию с иллюстративной характеристики какой-либо из технологий прикладной этики – игрового моделирования, например, напомнив рассказ об игре, которым открывается Преамбула к этой части инновационного курса. Однако полагаю более конструктивным начать с обращения к фрагменту уже рассмотренного в лекции 1 проекта «Парадигмы прикладной этики».

Речь идет о пункте анкеты, в котором участникам проекта предлагалось ответить на вопрос: «в какой парадигме прикладной этики вы работаете как исследователь, разработчик, преподаватель», описать «технология приложения в разделяемой вами парадигме: с каким(и) ноу-хау она связана? Чем они отличаются от традиционных способов связи философской этики с практикой?». Завершающий вопрос: «или вы легко обходитесь без рефлексии на эту тему?».

Как я уже показал в лекции 1, даже в кратком обзоре суждений экспертов по поводу технологий инновационной парадигмы прикладной этики можно увидеть и доброжелательно-заинтересованные, и доброжелательно-скептические суждения участников экспертного опроса относительно ноу-хау инновационной парадигмы.

Среди первых: «необходимо отметить несомненные достижения в разработке методов приложения в трудах Научно-исследовательского института прикладной этики Тюм-ГНГУ» (А.А. Сычев). Среди вторых: «Авторы, используя сложные формулировки, желают выразить простую мысль: прикладная этика может предлагать ценные практические решения, используя специальное, проектно-ориентирован-

ное знание, и даже придавать своим выводам статус научно-практических изобретений. Никто не спорит – это было бы замечательно, но хотелось бы узнать о примерах подобных изобретений» (А.А. Скворцов).

Напомню и две моих реплики к этому фрагменту уже давнего проекта. Во-первых, эффект проникновения ноу-хау инновационной парадигмы в «массы» исследователей и преподавателей прикладной этики может быть более значительным, если в дальнейшем будет учтен случай из экспертного опроса в проекте «Парадигмы прикладной этики». Один из приглашенных в этот проект экспертов, обратившись к программе-анкете, «впал в ступор: назвать данный текст анкетой достаточно затруднительно. Это совсем не анкета, а дискуссионные материалы. Материалы, требующие осмысления и серьезной работы. Скорее речь идет о подготовке статьи, доклада, какой-то иной и весьма серьезной рефлексии. И если бы вопрос изначально был поставлен в такой плоскости, было бы проще понять, что требуется от «респондента»».

Разумеется, в этом ступоре виноваты мы, авторы проекта. Обратившись к коллегам, ранее не встречавшимся с практикуемой инновационной парадигмой технологией экспертизы, мы должны были сформулировать конкретные «техусловия» работы экспертов. В том числе и относительно формата ожидаемого от эксперта текста. Например, важно было предварить анкету описанием нашего понимания роли и техники экспертного опроса, а не надеяться на то, что и то, и другое многократно описано нами на уровне техники и продемонстрировано публикацией материалов целого ряда наших экспертиз.

Во-вторых, эффект проникновения ноу-хау инновационной парадигмы в «массы» исследователей и преподавателей прикладной этики пока трудно обнаружить в Госстандарте бакалавра и магистра прикладной этики.

С одной стороны, магистр должен быть «способен работать с инструментарием, техниками и приемами при-

кладной этики», с другой – анализ реального достижения работавшего над Госстандартом авторского коллектива, выделившего специальный раздел о технологиях прикладной этики, показывает, что речь идет скорее о заимствовании технологий из арсенала различных отраслей социогуманитарного знания, чем о технологиях именно этико-прикладного знания.

О рисках такого заимствования я уже говорил в Преамбуле к этой части инновационного курса, отвечая на вопрос А.Ю.Согомонова: «Не был ли, например, метод игрового моделирования заимствован вами из методологии Г.Щедровицкого?»

«Ничего общего, кроме внешнего сходства. В отличие от манипулятивных методов этой школы, у нас базовой категорией любой из игр всегда была ситуация морального выбора. В основе нашей методологии было отношение к участникам моделирования как к субъектам морального выбора, а не объектам партийного руководства».

Добавлю: игровая методология несет в себе ген технократичности-манипуляторства в отношении к мотивам участия в игре, апологетического отношения к ценности моделируемых проектов, программ, решений и т.п.

Поэтому позволю себе предположить, что подготовка магистров предусматривает включение в число задач Госстандарта заботы об этической идентичности ноу-хау прикладной этики.

САМА природа этико-прикладного знания предполагает *намеренное* развитие соответствующих технологий: технологий исследования прикладных этик (моралей) – во-первых, технологий проектирующего воздействия результатов этих исследований на практику «малых систем» – во-вторых. Именно поэтому в лекции 3 речь шла об очевидной *риторичности* вопроса о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать субъекту нечто большее, чем ква-

лификацию ситуации морального выбора как «бремени», передав ответственность за выбор всецело самому субъекту. С уточнением: передать ответственность за выбор всецело самому субъекту этико-прикладное знание не только может, но и должно – чтобы не подменить нравственные искания личности, сообщества, общества в целом. Но вполне может – и должно – не позволить себе «умыть руки». Может и должно создавать многообразные технологии приложения.

Названные в лекции 3 технологии этико-прикладного знания (речь шла только о тех, которые нами уже разработаны и внедрены) идентифицированы как *этические*. Насколько очевидна такая идентификация? Обеспечивается ли она только *прилагательным*? Не только: я бы не стал распространять на технологии прикладной этики эвристичную позицию разработчиков «гражданских технологий» из Пермской гражданской палаты, согласно которой «основная масса реализуемых сегодня “гражданских технологий” в своем инструментальном содержании не являются особым, имеющим свою качественную определенность, классом технологий», так как большинство из них «заимствованы и имеют аналоги в политической, административной, юридической и бизнес-практике с той лишь разницей, что субъектом, “собственником”, оператором этих технологий является гражданский актор (общественная некоммерческая организация, гражданская инициативная группа, гражданский активист), а целью их использования является продвижение, осуществление или защита общественных интересов».

Для инновационной парадигмы значим тезис: в прикладной этике этически акцентирована и сама технология.

Один из важных аргументов в пользу идентификации технологий прикладной этики как *этических* я уже связал в лекции 3 с их *фронестичностью*, отражающей особую

связь этико-прикладного знания со своим предметом. Но повторю:

фронеzis как особое этическое знание-умение, «умение уметь» в ситуации морального выбора, существует в диалоге прикладной этики с субъектом морального выбора; фронеzis ценен прежде всего методом передачи знания-умения от субъекта к субъекту. И это, собственно говоря, тоже ноу-хау этико-прикладного знания.

Профилактируя как потенциальный патернализм науки, так и нередкое иждивенчество морального субъекта, эта технология предполагает инициирование моральной рефлексии самого субъекта – индивида, группы, профессионального сообщества, общества в целом – обеспеченное ноу-хау.

Еще один аргумент к тезису о том, что в прикладной этике этически акцентирована и сама технология, связан с

оправданием-обоснованием в ноу-хау инновационной парадигме потенциала *испытания выбором, который* проявляется в каждой из технологий.

Другие аргументы будут даны в связи с характеристикой отдельных технологий прикладной этики.

УКАЖУ НА некоторые «техусловия» к задачам этой лекции. Во-первых, каждая из технологий представлена здесь по-разному: в литературе нет общепринятого формата и наработанного языка описания «работы» таких технологий. Во-вторых, анализ опыта внедрения вообще остается за рамками лекции (его можно найти в цикле монографий Центра прикладной этики и НИИ ПЭ по различным направлениям инновационной парадигмы). В-третьих, в этой лекции представлены не все технологии прикладной этики: за ее рамками остались наши разработки технологий управленческого воздействия на нравственно-воспитательную

деятельность⁶³, консультирования⁶⁴, кейс-стади – исследовательских⁶⁵ и учебных⁶⁶, синтетическая технология «этический практикум»⁶⁷. В-четвертых, важно иметь в виду, что технологии прикладной этики *взаимодополнительны*: например, игровое моделирование может быть включено в экспертизу, а экспертиза может быть этапом-элементом проектирования.

⁶³ См.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Томск: Изд-во ТГУ, 1980; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во ТГУ, 1986; *Момов В., Бакштановский В., Согомонов Ю.* Прикладная этика. Необходимость, проблематика, воспитательные возможности. София: Наука и искусство, 1988 (На болг. яз.).

⁶⁴ См.: *Бакштановский В.И.* Лаборатория в Храме Свободы (II); *Бакштановский В.И., Потапова Е.П., Согомонов Ю.В.* Выбор будущего: к новой деонтологии воспитания. Томск: Изд-во ТГУ, 1991; Понимающая этика: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования // Гуманитарные проблемы освоения. Москва-Тюмень, 1990; Становление духа университета: опыт самопознания. Тюмень: НИИ ПЭ, Центр прикладной этики, 2001; «Будь лицом!»: Рабочие тетради Гражданского форума. Тюмень, 2004. В названии журнала «Этика успеха» было указано, что это «Вестник исследователей, консультантов и ЛПР» (Вып. 1–11. Тюмень-Москва, 1994-1997), а в журнале «Ведомости» НИИ прикладной этики (Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Вып.1-29, 1995 – 2006) введена рубрика «Гуманитарное консультирование».

⁶⁵ См., напр.: Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества. Тюмень, 2000; Становление духа университета: опыт самопознания и др.

⁶⁶ См.: Практикум по этике. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1979; «Будь лицом!» Рабочие тетради Гражданского форума.

⁶⁷ См.: Практикум: профессиональная этика и организационно-управленческая деятельность в трудовом коллективе / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1981.

8.2. Этическое моделирование (этико-прикладные игры)

ЭФФЕКТИВНОЕ know-how прикладной этики, эвристичная фронестическая технология – *этико-прикладные игры* (далее: Э-ПИ).

Тайны природы морального выбора и тайны игрового космоса имеют достаточно много общего, чтобы обеспечить потенциалу игрового моделирования высокую степень адекватности в роли ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики.

Диапазон интереса инновационной парадигмы прикладной этики к потенциалу игрового моделирования варьирует от исследования «метафизики игры» в ее этической интерпретации до разработки техники игровой фронестики в освоении ситуаций морального выбора.

Диапазон конкретных этико-прикладных игр включает важнейшие территории «ойкумены» прикладной этики: политическая этика, этика образования, этноэкологическая этика, этика менеджера, деловая этика, этика журналистов и т.д.

Диапазон ситуаций морального выбора в масштабе общественной нравственности: нравственная жизнь эпохи развитого социализма; пренатальная ситуация этоса гражданского общества и правового государства в эпоху Перестройки; начальный этап формирования нравственности «общества свободной близости и свободного антагонизма» в постсоветскую эпоху.

Диапазон заказчиков конкретных этико-прикладных игр: трудовые коллективы Тюменского нефтегазового комплекса, оргкомитет международной конференции; правительство России, агентство печати «Новости», окружной комитет партии, окружной совет народных депутатов, московская и тюменская школы менеджеров, городская администрация; региональный союз журналистов, педагогический колледж и т.д.

Диапазон запросов: весь спектр направлений сотрудничества науки и практики.

Все эти условия создавали необходимость и возможность эффекта коэволюции: с одной стороны, испытания потенциала конкретных этико-прикладных игр, с другой – развития методологии диагностического, прогностического и проектного подхода к общественной нравственности в режиме диалога субъектов морального выбора.

ИГРОВАЯ методология, игровое моделирование, широко известное в виде метода деловых игр, традиционно применяется (независимо от того, опираются ли его сторонники на специальное изучение результатов познания философии и методологии игры или нет) как средство имитации процесса принятия решений в искусственно организованных ситуациях выбора управленческого, политического, экономического, экологического, педагогического и пр. планов.

Атрибутивная черта феномена игры – способность воспроизводить все виды человеческой деятельности благодаря двуплановости, интегрируя при этом: (а) самооценку процесса игры, самовыражения личности, – и результативность игровой деятельности; (б) «условность» – и «серьезность»; (в) импровизацию – и организованное поведение, и т.д.

Деловая игра характеризуется «проживанием» реальных ситуаций выбора в искусственных условиях, имитированием решений, оценок, поступков в обстоятельствах выполнения той или иной – заложенной в сценарии игры – роли, исполнением роли как способом представления себя «со стороны», действиями по системе игровых правил, соревновательными стимулами и т.п.

Вариабельность условий, решений, оценок, поступков, возможность и необходимость акта выбора, поиска творческого решения особо важны для деловой игры как таковой. Но

технология Э-ПИ отличается особым вниманием к деятельности участников игр как *субъектов морального выбора*.

Конфликтная природа самой игровой деятельности, закодированность в правилах игрового поведения принципов и норм культуры разрешения конфликта, конкуренции и сотрудничества, успеха и поражения сопрягаются с конфликтностью нравственных норм и правил ее разрешения в ситуации выбора. Столкновение традиции и инновации (особенно, когда новое приходит в облике зла, когда должное достигается насущными и потому не адекватными средствами), конфликт ценностей, принадлежащих разным нормативно-ценностным системам, экзистенциальный риск морального выбора – значимые предметы Э-ПИ как метода игрового моделирования.

Определение координат для технологии Э-ПИ ориентируется на трактовку *игры как деятельности*. В ряду видов человеческой деятельности *игра* может быть здесь представлена прежде всего с точки зрения ее интенсивного воздействия – прямого и косвенного – на формирование ситуации свободного выбора. Эта ведущая черта игровой деятельности базируется, кроме собственного вариативного потенциала игры, т.е. особых отношений игрового феномена с «возможностями», на способности игры воспроизводить все другие виды человеческой деятельности и достигаемой в процессе реализации этой способности культуры «умения уметь».

Все эти моменты в свернутом виде «заложены» в потенциал Э-ПИ.

Особое место занимает способность игры драматизировать диалог конфликтующих структур (позиций, норм, смыслов, правил и т.п.), задавать соперничеству-сотрудничеству участников игры ситуацию экстремальной борьбы с задачей (и, конечно, с условными носителями тех или иных способов ее решения). Но важна и способность игры ста-

вить ее участников в такие обстоятельства, когда декларируемые цели проясняются с помощью предъявляемых для реализации этих целей средств (например, социальных технологий).

В то же время для технологии Э-ПИ важно то обстоятельство, что проблема «условного» – «серьезного» в ее метафизическом «измерении» не сводится (независимо от того, хорошо это или плохо) к проблеме *преодоления правил*. В таких играх «серьезный» элемент – не просто то или иное «дело» (моделируются ли, например, политический конфликт, этническая ситуация или проблемы деятельности НКО). Само это «дело» становится *серьезным* – в гуманитарном плане – лишь в том случае, если игра содержит экзистенциальный контекст, контекст человеческой свободы как экзистенциальный фундамент дела.

Выполняя свою роль в подготовке к реальному освоению ситуации, решению проблемы, технология Э-ПИ помогает осваивающему конкретный вид человеческой деятельности субъекту освоить и *смысл* этой деятельности.

Тема моральной позиционности (конфликтности) в Э-ПИ представляется стержневой. Без мотивации свободного выбора, самоопределения к той или иной позиции участники игры не примут предлагаемого им статуса, статуса морального эксперта, игра потеряет для них смысл игры как таковой. Разумеется, моральная позиционность не противопоставляется здесь традиционно отрабатываемым на разного рода деловых играх предметно-профессиональной позиционности, организационно-ведомственной конфликтологии и т.п. Более того, поскольку редки «чистые» Э-ПИ, постольку и этические конфликты, ситуации морального выбора в целом присутствуют на гуманитарно ориентированных деловых играх скорее в ткани других позиционных интересов или их конфликтов. Отличие же состоит в том,

что Э-ПИ моделируют конфликт не только профессиональных ролей, но моральных субъектов.

Особо подчеркну: Э-ПИ как технология несет в себе известное «противоядие» против потенциально возможных негативных сторон метода деловых игр как такового. Часто ли разработчики различного вида деловых игр ставят перед собой этические проблемы, возникающие в процессе применения этих игр? Разумеется, некоторые из них озабочены психологическими аспектами игры («распредмечивание», «мотивация», «выход из игры» и т.д.), считая обязательным участником авторской команды игры психолога. Но не выносятся ли за скобки внутренняя проблема игрового феномена, остающаяся и в рамках деловой игры: «лицемерность поведения», «бисерность статуса», «манипуляционный соблазн» и т.п.? Учитывается ли содержащийся в игре момент несвободы?

(Само)уверенность практиков, самостоятельно разрабатывающих игры, важно подстраховать не только специальными монографиями и методическими разработками конкретных видов игрового движения, но и активизацией рефлексии о смысле игры, который не может (и не должен) быть сведен к «примерке», «тренингу» и прочим утилитарным предназначениям.

Технология Э-ПИ содержит потенциал ценностного контроля и профилактики возможной диверсификации метода деловых игр в различных сферах управления, политической деятельности, жизни гражданского общества, образования и т.д. Иначе широкий фронт деловых игр может обернуться трансформацией «игры для пользы дела» в «бюрократические игры». Этическая «составляющая» способна обеспечить выявление скрытых целей таких «бюрократических игр», постановку и реализацию действительно гуманных целей экспертизы, обучения, проектирования, воспитания, выбор соответствующих средств, критику прагматической «технологии управления».

Любая деловая игра – обоюдоострое оружие. Эта кон-

статация относится и к самой технологии Э-ПИ. Сверхзадача этической «составляющей» – развитие культуры морального выбора при решении любой проблемы, гуманитарная экспертиза любого из моделируемых социально-технологических элементов и т.п. Этическая «составляющая» в таком случае стремится испытать любую инновацию периода модернизации общества на достоинство выбора в мире идеалов и ценностей гражданского общества, целей и средств; стимулирует попытку уже в модельных обстоятельствах проявить скрытые ценности и антиценности, определить готовность субъекта к выбору, передать ему прецеденты достойных решений, стимулировать самостоятельный поиск, поддержать в поражении.

ОПИРАЯСЬ на исследования в сфере философии игрового феномена, методологии и методики конструирования Э-ПИ, на опыт применения результатов этих исследований в процессе создания и проведения Э-ПИ⁶⁸, представлю некоторые собственно технологические моменты таких игр.

Но прежде – три замечания. Во-первых, в описании собственно технологических элементов Э-ПИ я опираюсь здесь прежде всего на опыт одной из гражданских экспертиз, проведенных в режиме игры, отражающих ситуацию перелома: от времен Перестройки к постсоветским време-

⁶⁸ *Бакштановский В.И.* Лаборатория в Храме Свободы (III): Аксиология и праксиология этических деловых игр. Тюмень: Тюменский научный центр СО АН СССР, 1990; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Этика политического успеха. Москва-Тюмень: Центр прикладной этики, 1997; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Испытание выбором: игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009.

Подчеркну, что деловая игра – чаще всего продукт коллективного творчества. В основной состав авторских коллективов Э-ПИ в разное время входили В.И.Бакштановский, М.В.Богданова, Ю.В.Казakov, Ю.В.Согомонов, А.Ю. Согомонов, В.А.Чурилов и др.

нам истории России. Отражая другие времена, эта игра, полагаю, не утратила своей методологической и методической значимости. Во-вторых, уместно напомнить общее место в целом ряде книг по деловым играм: их авторы подчеркивают, что язык репортажа с деловых игр весьма условен, ибо применительно к ним, в отличие от спортивных игр (например, шахмат), нет общепринятого языка описания. В-третьих, обращаю внимание на трудность выделения *инвариантного* описания Э-ПИ: они могут значительно отличаться друг от друга.

Один из выходов – «собрать» более или менее общий *технологический каркас* Э-ПИ из фрагментов характеристик ряда разработанных и внедренных игр⁶⁹.

Этот выход применен и в данной лекции.

ПЕРЕХОДЯ к краткому описанию *технологии конструирования и проведения* Э-ПИ, в качестве примера рассмотрю экспертно-консультативную игру (вариант названия: экспертный практикум) «Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора», проведенную в эпоху Перестройки, в рамках общепартийной предсъездовской дискуссии в период кризиса КПСС. Зафиксирую

основные блоки сценария игры: *программа, алгоритм, образ результата, правила игры, проблемная ситуация и моменты реализации* сценария.

Начну с *программы* игры. Обычно этот документ, рассылаемый будущим участникам до начала игры, выступает

⁶⁹ Практически все этико-прикладные игры представлены в разных лекциях инновационного курса. Обзор игр, оставшихся за рамками курса, дан в главе 2 монографии: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Испытание выбором: игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики.

как краткое описание замысла игры, ее алгоритма и ожидаемых от нее результатов. Обращу внимание на возможность намеренной или спонтанной импровизации алгоритма уже в ходе игры.

В предложенной участникам игры программе обосновывалась актуальность темы экспертизы-консультации и мотивировался ее метод. Акценты: *«вариативность путей развития советского общества, правящей партии, подход к перестройке как ситуации выбора обусловили конструирование... механизма общественной экспертизы альтернативных вариантов выбора»*, сосредоточенность *«на нормах и ценностях этики политической деятельности»*, на задаче активирования *«моральной рефлексии в процессе подготовки политических решений»*. Программа характеризовала экспертизу как *«метод ответственного поиска, способ освоения будущего для тех, кто осознал востребованность своей гражданской ответственности, кто стремился максимально увеличить шансы на выживание общества»*.

Специально проблематизировалась целесообразность именно игрового метода экспертизы: *«До “игр” ли нам сегодня, в такое напряженное, грозное время? Не уход ли это от реальности в выдуманный мир, в “игру в бисер”? “Игра в демократию”? Паллиатив действительной политической активности? Выдуманные ценности и нормы вместо жесткой этики политической борьбы? Нет! Это способ дополнения и усиления традиционных форм поиска эффективных решений проблемной ситуации как в партии, так и в обществе»*.

Программа обращала внимание участников игры на то, что в сценарий, который предстояло им разыграть, заложена имитация вероятного поведения *«различных течений, позиций, групп и отдельных членов партии в условиях, которые возникнут, если реализуется та или иная дискутируемая модель партии»*. Речь шла об экспертизе *«экспериментально испытываемого взаимодействия (с*

точки зрения самой его возможности и реальных путей) всех позиций, которые возлечены во время экспертного практикума в прогнозируемую и проектируемую ситуацию, а соответственно о моделировании “плюсов” и “минусов”, характеризующих нововведения, и, наконец, о содействии и сопротивлении им различных сил в партии и обществе».

Обстоятельно трактовалась роль условности игровой деятельности: ее правдоподобность, вероятностный характер ситуаций должны снять целый ряд проблем «реального эксперимента и защитить участников экспертизы от последствий того риска, на который они идут при том или ином выборе модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой “исследователь” и “объект” – в одном лице, это – эксперимент на самих себе». Из программы следовало, что условность ситуации, в которую вовлекались участники экспертного практикума, должна была позволить совершить невозможное в реальной жизни: «прожить» все возможные варианты выбора, испытать *каждый из прогнозов*. Чтобы успеть за временем – в реальной жизни оно шло быстрее, чем находились ответы на вопросы, вызванные инновационными ситуациями, – его предстояло «свернуть», ускорить, интенсифицировать опыт проживания ситуаций, сценарного испытания каждой альтернативы.

В программе специально определялись *игровые обстоятельства, «правила игры»*. «Условная ситуация, в которой нам предстоит прожить два дня, – собрание партийного клуба “Консенсус”, созданного на территории партийного округа в период подготовки к выборам делегатов будущего съезда партии. Участники экспертного практикума – члены и гости клуба (в зависимости от того, принимают они или не принимают нормы-правила клуба). Какие правила? Это, во-первых, сознательное разделение членов клуба на

секции, ассоциации, фракции и т.п. по приверженности к одной из моделей развития партии. Во-вторых, метод консенсуса в принятии решений (нет проигравших и победителей, результаты вырастают из компромиссов между позициями секций)».

Важный момент программы заключался в том, что научно-практический коллектив авторов-организаторов рассматривал участников экспертного практикума как *«коллективный субъект экспертизы и консультирования вариантов демократической и гуманистической технологии разрешения ситуации выбора»*, которому предстояло *проверить* рабочую гипотезу: «модели обновления партии могут быть интегрированы в единую платформу для выбора делегатов на съезд – если сторонники всех вариантов социалистического выбора попытаются создать механизм сотрудничества, соглашений, компромиссов как единственный способ обеспечения гражданского мира, выживания общества». Перед участниками игры ставились конструктивные задачи диагностики альтернативных моделей, определения узловых моментов интегративной модели, конструирования переходной технологии обновления партии.

И снова программа акцентирует ценностные ориентиры этой игры: «Экспертиза концентрируется на действиях секций клуба, объединившихся вокруг каждой из испытываемых моделей, на поведении лиц и групп, борющихся не друг с другом, а за общую цель – победу *над проблемой*. Экспертиза здесь обращена к самому трудному акту в жизни каждого человека – к его *выбору, самоопределению*, к тем качествам человека, для консультирования которых у многих из нас просто нет положительного нравственного опыта, ибо в предшествующих ситуациях развития общества этот опыт в его позитивном выражении не запрашивался».

Следующий фрагмент программы этой игры показывает, как для ее участников обеспечивалась свобода выбора: «Сейчас вы войдете в зал, разделенный на секторы.

Членам клуба – в зависимости от выбранной ими модели – выделены отдельные ряды. Зарезервированы и места для возможных новых моделей. Игра содержит *элементы ролевого поведения*, что предполагает выбор не обязательно согласно личным убеждениям эксперта, но и возможность, так сказать, “влезть в шкуру” оппонентов. Для тех, кто еще не определился в отношении к той или иной модели или не принял нормы кодекса клуба, также выделены секторы зала».

И программа обращалась к участникам с особой просьбой: «Задержитесь на мгновение перед входом. Прочитайте еще раз модельные варианты платформ. Простите за известную категоричность вопросов, но, пожалуйста, взвесьте перед выбором одной из моделей свои предпочтения: несут ли в себе предлагаемые модели шанс на разрешение проблемы? Содержит ли ситуация подлинный выбор? допустима ли для конфликтующих моделей ориентация на победу? можно ли рассматривать выживание общества как высшую ценность консенсуса сторонников каждой модели? Вам предстоит серьезная работа, у Вас есть возможность повлиять на ход и результаты партийной дискуссии, на формирование важных политических решений, уровень демократичности и гуманистичности процесса их подготовки и их результатов».

Далее программа предлагала для экспертизы ряд моделей, сконструированных авторами игры по результатам анализа СМИ.

Модель 1. Партия переживает тяжелые времена, но не кризис. Она остается в целом здоровым институтом, хотя и требующим перестройки. Ни о какой особой «ситуации выбора», ни о каких принципиально новых «вариантах», «моделях» речь не идет. Партия должна по-прежнему оставаться руководящей и направляющей силой общества, ядром политической системы... В партии недопустимы платформы, различного рода группы, а тем более фракции. Как никогда важна чистота рядов КПСС.

Модель 2. Партия переживает кризис из-за отхода от ленинских принципов внутрипартийной жизни и руководства обществом. В силу глубины кризиса выбора у партии нет: условием ее выживания и, соответственно, выживания общества является переход партии исключительно на политические методы работы, регулируемые законом. Общество уже сегодня настойчиво ищет альтернативу партии для своего выживания, и КПСС должна активно взаимодействовать с различными социальными движениями и инициативами, завоевывая лидерство в политическом диалоге своим нравственным и интеллектуальным авторитетом, способностью предлагать обществу глубокие, интегративные по характеру концепции политического, экономического, социального, духовного развития. ...Необходима отмена или радикальная переработка статьи 6 Конституции СССР.

Модель 3. Общество уже не откажется от возможности выбрать свой путь. Сегодня КПСС практически не сможет просто «запретить», остановить поворот общественного сознания к многопартийности как средству выживания не только социалистической модели развития советского общества, но и просто выживания. Однако немедленный переход к многопартийности чреват появлением на политической арене несоциалистических партий, в том числе – открыто экстремистских. В этих условиях целесообразно легализовать реально существующие политические ориентации членов партии (традиционно-коммунистическая, социал-демократическая и т.п.) и, объявив о самороспуске КПСС, образовать на ее основе три-четыре партии заведомо левой ориентации. Участие ряда таких партий в политической жизни страны будет выполнять роль гаранта устойчивого развития советского общества по социалистическому пути.

Модель 4. Ситуация выбора в жизни партии, как и в жизни общества, принципиально изменилась. Кризис партии – и всего общества – требует коренного пересмотра как ее идейного багажа, так и принципов организации, измене-

ния ее места в обществе... Партия должна отказаться от роли монополиста в жизни государства и общества, признать необходимость и санкционировать переход советской политической системы к многопартийности. Это предполагает, что лидерство КПСС доказывается овладением ситуацией выбора на деле, предусматривает соревнование за право определять перспективы общества между партиями, отражающими социально-экономические, политические и духовные реалии страны 90-х годов. Самой КПСС, чтобы не утратить политического влияния в массах, необходимо трансформироваться в партию парламентского типа (не только с платформами, но и с фракциями).

ПРОДОЛЖЕНИЕ описания технологии игрового моделирования предполагает характеристику процесса *реализации программы*. Зафиксирую только главные итоги двухдневного поиска⁷⁰.

Напомню, что участники игры должны были в процессе решения игровых ситуаций или подтвердить свою верность модели, выбранной ими на первом этапе, или сменить позицию, или прийти к согласованию моделей на основе компромисса. При этом командам была предоставлена возможность испытать два пути движения к взаимопониманию: привычный метод убеждения оппонентов в предпочтительности своей позиции в режиме митинга и непривычный метод «круглого стола».

Первое действие алгоритма (после вводного для всех участников «самоопределения к моделям» и разбивки по соответствующим секциям «партийного клуба») представляло собой коллективную работу каждой секции клуба по совершенствованию избранной модели, развертыванию ее в декларацию и подготовку к защите перед оппонентами из других секций. Действие второе заключалось в предъявля-

⁷⁰ Стенограмма игрового эксперимента составила около 300 страниц. Даже в часовой видеофильм («Мужество выбора». Видеоредакция АПН. Москва, 1990) удалось включить лишь десятую часть отснятого материала.

нии деклараций для дискуссии в разных режимах: пресс-конференции, митинга, партийного пленума, сессии советов. В процессе обсуждения каждой модели экспертами выступали реальные народные депутаты и правоведаы.

Затем для выдвинутых от каждой команды участников «круглого стола» была проведена консультация по технологии выработки консенсуса.

После согласования позиций делегатов «круглого стола» со своими секциями весь «клуб» разделился на две части. Первая – организовала митинг, чтобы именно в такой форме определить (не)возможность консенсуса, вторая – собственно «круглый стол». Обращая здесь внимание на этот этап экспертизы версий развития партийной этики, отмечу, что еще до начала «круглого стола» в декларациях секций звучала резкая критика в адрес оппонентов.

Авторы репортажа об этой игре в «Московских новостях», дав своему материалу характерный заголовок «Соблазн и страх компромисса. Что возобладало у партийных работников в ходе деловой игры?», отметили, что «консерваторы» высказывались о «радикалах» и «обновленцах» так: «Их модели не устраивают нас с точки зрения отсутствия коммунистических установок... Идти с ними на компромисс невозможно». Однако от самой попытки сблизить позиции не отказался ни один из участников «круглого стола». Используя специальную методику, опираясь на предварительные консультации ученых, на ходу обучаясь искусству диалога, выработывая правила политического этикета, участники «круглого стола» испытали практически все возможности компромисса.

Второй день игры начался было с предусмотренного сценарием задания по технологизации моделей каждой секции в виде предложений к уставу партии и ее платформе (для испытания возможности выработать интегральную

платформу клуба). Однако часть сторонников первой модели – не без согласия своих делегатов за вчерашним «круглым столом» – импровизировала объявление о введении «чрезвычайного положения» как более эффективного средства партийной «дискуссии» (даже имитированный митинг, который показал свою абсолютную бесплодность при попытке выработать согласованные позиции, не давал оснований для такого поворота событий). Разумеется, другие секции выдвинули предложение о принятии против сторонников ЧП строгих правовых санкций. Тем не менее эта *игровая импровизация* не сломала общего алгоритма экспертизы, и лидеры каждой команды вынесли на обсуждение «клуба» свои разработки (ясно, что сам факт коллективного поиска не менее важен, чем его конкретные результаты: подлинная наука коллективного проектирования была к тому времени освоена очень слабо).

Заключительный этап игрового моделирования был посвящен отработке технологии выборов делегатов съезда. Результаты выборов содержали определенную прогностическую информацию. Больше число голосов членов клуба набрал делегат от «умеренных», следующим по числу голосов был делегат от вновь созданной во время игры секции «круглого стола», за ним – «обновленец», «радикал», «консерватор» (условные названия секций даны авторами репортажа с игры в «Московских новостях»).

Выше я уже предположил, что, отражая *другие времена*, эта игра не утратила своей методологической и методической значимости и сегодня. Здесь же предположу, что кажущаяся навсегда ушедшей в прошлое проблематика этой Э-ПИ имеет реальную перспективу.

И все же никуда не уйти от трезвой оценки: этико-прикладные игры сегодня – все еще «неосознанная *необходимость*». Неосознанная необходимость моделирования ситуаций выбора в масштабе общественной морали как средства гуманизации практики принятия общественно значимых решений; освоения новых ситуаций нравственной

жизни, креации морали – творческого применения нравственных норм в конкретных ситуациях и формирования новых норм для ситуаций не стандартных; средства развития знания-умения (фронестика) в решении ситуаций выбора.

И все еще неосознанная *возможность*: трактовки игры как одной из основных форм человеческого существования; вида человеческой деятельности, способного воспроизводить все другие ее виды благодаря двуплановости, эффекту взаимодополнительности «условного» и «серьезного»; интеграции самовыражения и результативности, правил и свободы, импровизации и организованности.

8.3. Этическая экспертиза

СРЕДИ технологий этико-прикладного знания задача понимания природы *экспертизы* кажется наиболее элементарной. Однако уже попытка хотя бы эскизного описания этой технологии безотносительно к ее этической специфике показывает невозможность ограничиться элементарным, «очевидным», уровнем определения понятия, на котором фиксируется, например, что эксперт – это сведущий в своем деле человек, специалист в какой-либо области, а экспертиза – исследование вопроса, требующего специальных знаний. Отсюда необходимость проблематизации темы по нескольким аспектам.

Во-первых, нельзя уйти от выявления особенности именно *экспертной* деятельности и именно *экспертного* знания, которые вовсе не тождественны любой оценочной или аналитической деятельности и возникают (а) в определенной – *проблемной* – ситуации, предполагая (б) определенные знания и процедуры. Во-вторых, далеко еще не завершены попытки заключить конвенции по поводу общего и различного в характеристиках разного вида экспертиз – гражданской, государственной, ведомственной, межведомственной, государственно-гражданской и т.д. В-третьих, чтобы понять природу, например, государственно-гражданских экспертиз, необходимо рационально взвесить извест-

ную антиномию принятия решений С. Лема: является ли наша цивилизация *правлением экспертов* или же *правлением всех* – и отрефлексировать связанные с этим понятия экспертизы *меритократической* и *демократической*. В-четвертых, особая задача – характеристика этической экспертизы (гуманитарной экспертизы) как *технологии*⁷¹.

НАЧИНАЯ с характеристики особенностей *экспертной* деятельности и *экспертного* знания, надо еще раз вспомнить, что термин «экспертиза» не имеет общепризнанного определения (хотя уже формируется новая дисциплина «экспертология»⁷²), весьма многозначен, нередко используется слишком общо, вплоть до размытости, приводящей к утрате смысла употребления этого термина. Известной неопределенностью словоупотребления отличается и дискурс, связанный, например, с экспертной деятельностью профессиональных сообществ как гражданских организаций: здесь и нередкая квалификация в качестве экспертизы любых обсуждений, в том числе общественных слушаний, «круглых столов», дебатов и т.п., и трактовка в качестве экспертизы любого анализа ситуации или оценки состояния, и неразличение «экспертизы» и «контроля».

Современные исследователи феномена экспертизы и практикующие эксперты (нередко то и другое качество совпадает в одном лице) вовлечены в давнюю и все еще далекую от завершения дискуссию о сущности экспертизы. Об этом свидетельствуют опубликованные материалы рефлексии профессиональных сообществ политологов и эко-

⁷¹ За рамками перечисления задач, которые мы имеем возможность обсудить в этой работе, остались вопросы о миссии эксперта, о многообразии ролей эксперта в отношении процесса принятия решений (предоставляет справки, служит медиатором, прямо включается в процесс решений и т.п.), о профессиональной этике эксперта, о самосознании экспертного сообщества, о (не)эффективности влияния экспертных рекомендаций на реальные процессы принятия решений, и т.п.

⁷² См.: Сидельников Ю.В. Экспертология – новая научная дисциплина // Автоматика и телемеханика. 2000. № 2.

номистов, педагогов и психологов, гражданских экспертов, специальные исследования философов и методологов⁷³.

Понимание природы экспертизы в инновационной парадигме исходит из представления о том, что один из способов определиться с понятиями «эксперт» и «экспертиза» – характеристика ситуации, побуждающей инициировать экспертизу как *проблемную*. Запрос на экспертизу от лица, принимающего решение (ЛПР), или группы, принимающей решение (ГПР), или от субъекта, которому необходимо разобратся в ситуации, или же инициативная (от имени самих экспертов) экспертиза, в том числе и в режиме «до востребования», возникает прежде всего

в *проблемной* для этих субъектов ситуации, не дающей возможности скопировать предшествующий опыт, воспользоваться имеющимся набором знаний и оценок, применить стандартное решение. Это – ситуация неопределенности, свидетельствующая о рискованности выбора, о противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; нередко – ситуация нравственного конфликта.

Именно глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации выбора требуют особой компетентности и, соответственно, особых процедур выбора из альтернативных вариантов, в том числе – экспертизы.

⁷³ См.: Политики и эксперты // Pro et Contra. Весна. 2003; «Чем больно наше экспертное сообщество?» // Независимая газета. 2000. 17 мая; Проблемы становления экспертного сообщества в России: экономисты. М., 2003; Гражданский форум. Год спустя. М., 2003; Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru; Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006; Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011 и др.

Уточню: этическая экспертиза может быть не только предваряющей решение или действие, но и экспертизой «постфактум» – в этом случае ее результаты могут послужить «уроком» для решений и действий в последующих ситуациях. Именно так это происходило в деятельности профессионально-этической институции, к которой я обращаюсь в четвертом параграфе данной лекции.

Уточню: этическая экспертиза может быть по отношению к моральному субъекту как внешней, так и внутренней. Первый вариант более очевиден. Второй – менее, но в практике исследований и разработок в рамках инновационной парадигмы ему уделяется особое внимание как процедуре самопознания – организации (например, университета), ассоциации (журналистской, например), незримого колледжа (сообщества городских профессионалов, например).

И все же в большинстве случаев происходит следующее: когда понимание нестандартной ситуации не «дается» накопленному опыту, а веер альтернатив трудно обозрим для привычной точки зрения, прежде чем бездумно рисковать или столь же бездумно уклоняться от решения и действия, необходимо посоветоваться с авторитетом (авторитетами), чьим мнением мы дорожим, опыту которого(ых) мы доверяем, суждения и оценки которого(ых) обладают достоверностью. Эксперт в этом случае выступает как человек, который, по словам Нильса Бора, «знает, какие в его области могут быть совершены грубые ошибки и как их избежать». Известно, что специалисты по системному анализу характеризуют качества эксперта путем его сравнения с «новичком» в каком-либо деле и показывают, что новичку для принятия решения требуется больше информации, чем эксперту (в этом смысле, например, опытному водителю трудно представить себя на месте новичка). Иначе говоря, для того чтобы отличать одну вещь от другой, нужно учиться этому. Ясно, что квалифицированный человек, эксперт, реагирует на меньшее количество информации, чем не квалифицированный, не специалист.

В переходном обществе нельзя не заметить дефицит доверия к мнениям традиционных групп экспертов, диагнозы и прогнозы которых ранее казались надежными ориентирами в принятии решений. Доверием же часто наделяется неформальная (и в этом смысле «непрофессиональная»), своего рода антиэлитарная, массовая экспертиза, противопоставляемая «собственно экспертизе». При этом за конфликтом «дилетантизма» и «профессионализма» трудно не обнаружить нередкое противостояние ведомственных и общественных интересов, в том числе, соответственно, ведомственной «морали» и морали гражданского общества. На стороне «неформальных», общественных (гражданских) экспертиз – нравственный потенциал «дилетантского» подхода, не принимающего узкопрагматической ориентации «казенных» экспертиз.

Вообще-то квалификация ведомственных экспертиз как профессиональных, а неформальных, независимых, общественных как дилетантских – не точна; тем более, что ряд независимых, общественных (гражданских) экспертиз предпринимается с участием высококлассных профессионалов. Скорее их сходство и различие можно квалифицировать через меру сочетания в экспертных заключениях рациональных и аффективных выборов, меру, которая, можно предположить, смещена в обоих случаях в разные стороны⁷⁴. При этом опыт независимых экспертиз показывает способ согласования экспертиз, которые проводят специалисты ведомства, и «неформальных», общественных экспертиз, которые обычно организуются гражданами, вынужденными на себе испытать оцениваемые экспертами последствия проектов и действий: результаты профессиональной экспертизы выносятся на общественный консилиум, которому, как, например, в Японии, придается в отношении экологических экспертиз правовой статус.

⁷⁴ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю.* Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990.

ОДНАКО ситуация обращения к профессиональному эксперту в сфере этической экспертизы не так проста.

В дополнение к тому, что сказано по теме «кто эксперт в прикладной этике» в лекции 3, важно отметить, что альтернатива «профессионализм – дилетантизм» имеет в этической экспертизе свои ограничения, связанные с особыми отношениями этического знания и морали.

Прежде всего, когда речь идет о гражданских (общественных) экспертизах.

Не ставя здесь задачи участия в дискуссии об общем и различном в понятиях «общественная экспертиза» и «гражданская экспертиза», определю смысл характеристики «общественная»/«гражданская» экспертиза с помощью ряда признаков.

Во-первых, конечная цель такой экспертизы – защита общественного интереса. Другой вопрос: так ли просто этот интерес понять? Например, попытки журналистского сообщества понять содержание этого понятия как одного из ориентиров своего профессионального служения обнаружили значительные трудности⁷⁵. Во-вторых, субъект общественной (гражданской) экспертизы. Антиномия «эксперт – дилетант», актуализировавшаяся еще во времена Перестройки – в ситуации превращения понятия «эксперт» в синоним ведомственного эгоизма специалистов, казенного академизма, «научного сикофантства» и т.п., – не вечна. Ее смягчение достигается благодаря эффекту подключения профессионалов к процессам демократической экспертизы.

Наряду с профессиональным экспертным сообществом (меритократическая составляющая общественной экспертизы), существенным экспертным потенциалом обладают широкие слои гражданского общества – демократическая

⁷⁵ См.: Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному: российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001.

составляющая экспертизы. Последняя не тождественна ни «подмене экспертизы демократией», о чем беспокоились еще участники известной дискуссии 2000-го года в «Независимой газете», ни традиционным процедурам исследования общественного мнения. Во всяком случае этот потенциал значим в ситуациях этической (гуманитарно ориентированной, гуманитарно акцентированной или просто гуманитарной) экспертизы, обращающей особое внимание на ценностные основания морального выбора субъекта общественного, группового, индивидуального масштабов, в том числе и гражданских организаций, социопрофессиональных групп и корпораций, социокультурных сообществ. А профессионализм экспертного сообщества проявляется здесь в умении активизировать и развивать рефлексию обыденного сознания, стимулируя моральное творчество. В такой ситуации происходит взаимодополнение и взаимообогащение «меритократической» и «демократической» экспертиз на основе диалога двух культур – научной и «аматерской», а антиномичность профессионализма – дилетантизма, ведомственности – неформальности, массовости – компетентности смягчается.

В-третьих, особая характеристика: этические, шире – гуманитарные ориентиры общественной (гражданской) экспертизы, основания ее методологии и методики. Этически, гуманитарно ориентированная экспертиза – знание, умение и деятельность, предполагающие приложение комплекса знаний о морали к различным аспектам ситуации выбора, к проблемам, встающим перед субъектом решения и поступка; знание, умение и деятельность, ориентированные на анализ и оценку степени свободы выбора и меры гуманистичности процесса подготовки, принятия и продвижения в практику значимых решений. Этическая экспертиза ставит различные критерии целесообразности человеческой деятельности (политические, экономические, организационные и т.п.) в соподчинение критерию нравственному.

Конкретизация этого весьма общего тезиса предприня-

та в проекте «Прикладная этика: экспертный потенциал», которому посвящен 41-й выпуск «Ведомостей прикладной этики».

ОСНОВНЫЕ предметы этической экспертизы, в том числе общественной или государственно-гражданской, – фиксируемый процесс подготовки и принятия решений (напомним и об экспертизах «постфактум») в сфере деятельности лиц, групп, организаций, профессиональных ассоциаций и т.п.; выявление и «испытание» явных или скрытых ценностей, лежащих в основе специализированных экспертиз. В последнем случае этическая ориентированность призвана профилировать риск внимания экспертов (как «меритократов», так и «демократов») к т.н. «человеческому фактору» и даже «человеческому измерению» – это внимание может оказаться мелким, узким (как, например, узки подходы отдельных социогуманитарных, «человековедческих» и обществоведческих сфер знания).

ИНСТРУМЕНТАРИЙ этической экспертизы – это, прежде всего, игровое моделирование и экспертные опросы. Учитывая, что технология деловых игр представлена в предшествующем параграфе, сосредоточусь здесь на втором «инструменте» экспертизы. И, как и в случае с Э-ПИ, укажу сразу на трудность выделения инвариантного описания технологии экспертных опросов: в разных проектах такие опросы могут значительно отличаться друг от друга. Поэтому снова прибегну

к методу «собирания» общего *каркаса* технологии экспертного опроса из фрагментов описания наших проектов: типология, алгоритм, экспертная система, программирование экспертного опроса, алгоритм анализа материалов экспертизы.

Начиная с *типологии* экспертных опросов, выделю, в-первых, опросы, имеющие самостоятельное значение (таковы, например, в нашем опыте, опросы «На пути к граж-

данскому обществу», «Рациональный регионализм»⁷⁶), и, во-вторых, опросы, предшествующие деловым играм (так, например, игре «Партия в ситуации выбора», представленной в параграфе 4.2, предшествовал опрос специалистов в различных отраслях науки, публицистов, партийных работников разного ранга) или практикумам (диалогическим семинарам, посвященным экспертизе материалов предшествующих экспертных опросов – например, проекты «Тюменская этическая медиаконвенция», «Профессионализм современного журналиста: *сервисное* ремесло на информационном рынке – или гражданственность *высокой* профессии?»).

Другое основание типологизации экспертных опросов – целевое. Один вид таких опросов посвящен *диагностике* ситуации: (а) в сфере теоретизирования, (б) в сфере нравственной жизни, а также (в) двух этих ситуаций вместе: одним из примеров является экспертный опрос «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, “воспитание воспитателей”»: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования»⁷⁷. Во многом сходен с этим второй вид – *консультативные* опросы. Примеры – проекты «Ямальский конфликт», «Арктическая политика», «Апология успеха», «“Двадцать лет спустя”»: экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе»⁷⁸. Третий вид – опросы,

⁷⁶ На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции (материалы экспертного опроса) / Под ред. В.И.Бакштановского. М.: Прометей, 1991; Тюмень в процессе формирования новой региональной политики. Материалы консультативного опроса экспертов / Соредакторы: В.И.Бакштановский, С.М.Киричук, В.А.Чурилов. Тюмень: Центр прикладной этики Тюменского научного центра СО РАН, 1994; Рациональный регионализм: Экспертные суждения и оценки / Соредакторы: В.И.Бакштановский, С.М.Киричук, А.Ю.Согомонов, В.А.Чурилов. Тюмень: Центр прикладной этики, 1995.

⁷⁷ См.: Самотлорский практикум / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 1987; Самотлорский практикум-2. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1988.

⁷⁸ Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза. Материалы экс-

посвященные *самопознанию* корпорации-организации и/или корпорации-профессиональной ассоциации. Примеры такого рода опросов – проекты «Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов», «Становление духа университета: опыт самопознания»⁷⁹. Еще один вид – опросы, предметом и задачей которых являются *рефлексивные биографии*. Примеры: проекты «Городские профессионалы»; рубрики «Жизнь в профессии» – в журнале «Ведомости прикладной этики», «Биографии побед и поражений» – в журнале «Этика успеха».

ПРОДОЛЖУ собирать *общий каркас* экспертного опроса попыткой представить его *максимально эффективный алгоритм*. В опыте инновационной парадигмы этот алгоритм выглядит следующим образом: первый тур экспертного опроса – второй тур экспертного опроса – игровое моделирование или практикум на основе материалов двух туров опроса – заключительный экспертный опрос как «экспертиза экспертизы».

Необходимость двух туров поясню на примере *исследовательского* типа экспертного опроса, в котором существенную роль играет работа с экспертным этическим сообществом. Залог ожиданий организаторов такого рода

пертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: Тюменский научный центр СО АН СССР, 1991; Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1990; Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И. Бакштановского, Г.Э. Бурбулиса, А.Ю. Согомонова. Тюмень – Москва: Центр прикладной этики ТНЦ СО РАН, Гуманитарный и политологический центр «Стратегия», 1995; Этический консиллиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

⁷⁹ См.: Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов / Под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К.Симонова, Ю.В.Согомонова. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995; Коллективная монография / под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ; Центр прикладной этики, 2001.

опросов – в выходе за пределы задачи-минимум, когда первый тур опроса оказывается и заключительным (этот тур, действительно, может иметь самостоятельное значение, формируя диалогическое поле для экспертного сообщества в целом). Программа-максимум – в достижении известного науковедам эффекта развития «теоретической группы», в интенсификации пути от первой до более высоких стадий, от «нормы» до «дисциплины» через «сеть» и «сплоченную группу», в участии авторов первого тура опроса во втором туре. При этом авторы проекта не возлагают на себя роли «сверхэкспертов», обладающих правом «выборщиков». Ориентируясь на «критерий первоначального списка», организаторы следующего опроса обращаются прежде всего к уже проявившим себя участникам предшествующих опросов. При этом эксперт должен работать в соответствии с определенной схемой: предъявить критерии, которыми он руководствуется, передать их на обсуждение другим экспертам и, в итоге, сформулировать основания своих оценок коллегам по проекту, заказчикам опроса и его потенциальным «потребителям». Эти требования относятся скорее ко второму и последующим турам экспертных опросов; целесообразны они и в качестве самоцели, когда научной экспертизе подвергаются результаты «демократической экспертизы».

Пример *максимально эффективного алгоритма*: экспертный опрос (тур первый) «Самотлорский практикум -1» – многодневная деловая игра «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, “воспитание воспитателей”: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования» – экспертный опрос (тур второй) «Самотлорский практикум-2» – экспертный опрос «“Двадцать лет спустя”: выберет ли Россия ценности гражданского общества?».

ЭКСПЕРТНАЯ СИСТЕМА – один из важнейших инструментов проектирования экспертного опроса. Ее назначение зависит от типа опроса. Так, например, проекты, *ориентированные на самопознание* профессиональных сообществ,

стремятся предоставить им возможность (не)узнать себя в экспертной системе «зеркал». Обратимся к проекту «Медиаэтнос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества»⁸⁰. Его цель – уловить и зафиксировать «дух» и «правила игры» регионального журналистского сообщества начала постсоветской эпохи и активизировать нравственную рефлексию «цеха», призванного стать пассионарной структурой становящегося гражданского общества России в переходный период. Конструируемая авторами проекта экспертная система состоит из четырех основных структур, в каждой из которых участвуют и тюменские, и московские эксперты. *Первая* из них, «внутренняя экспертиза», представлена журналистами печатных и электронных СМИ, *вторая* – «дистанцированная экспертиза» – деятелями фондов и институций, ориентированных на защиту прав СМИ, издателями, руководителями органов власти, пресс-секретарями и т.п. *Третья* структура моделирует позицию, фиксирующую противоречие между пониманием проблем журналистской этики с точки зрения ценностей гражданского общества – и с точки зрения корпоративных интересов журналистов. Противоречие, в результате которого главная задача СМИ – реализация прав граждан на информацию – подменяется реализацией прав властных и предпринимательских структур на пропаганду, агитацию, рекламу и т.п. Воплощением этой структуры выступает условный «Фонд защиты прав потребителей прессы», кредо которого зафиксировано в модельной «Декларации доверия журналистам». *Четвертая* структура, «экспертиза экспертизы», представлена исследователями медиаэтики. В соответствии с *алгоритмом* проекта первые две структуры экс-

⁸⁰ Тетради гуманитарной экспертизы (1). Медиаэтнос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества. Материалы экспертного опроса / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики:XXI век, 1999.

пертной системы работают на первом этапе, в процессе *экспертного опроса*, две другие – на втором этапе, в процессе *семинара-практикума*, предлагающего элементы игрового моделирования.

Особая забота проектировщиков экспертных систем – *подбор экспертов*. Представлю эту процедуру характеристикой двух практикуемых инновационной парадигмой оснований выбора участников опроса. Одно из оснований – *список ролей*. Начну с консультативного опроса экспертов «На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции»⁸¹.

На рубеже 90-х годов перестроечные процессы стали захлебываться под воздействием собственных противоречий. Еще не начался распад политической системы страны, и о радикально-либеральных экспериментах лишь начали – и весьма робко – рассуждать. Становилось все яснее, что без перехода от централизованно управляемой экономики к «включению» рыночных механизмов стране дальше не продвинуться по пути реформирования. Смещения в экономической сфере и в соответствующем сегменте общественной нравственности легче обретают массовую поддержку и способствуют тем переменам, которые уже произошли в политическом этосе. Необходимо было ограничить возможность откатов на исходные позиции и рецессий в данном процессе (первые признаки «ностальгических запоев» обнаружались еще до 1991-го года). При этом следовало учитывать, во-первых, сочлененность экономических и политических сегментов общественной нравственности и, во-вторых, учитывать разновременность процессов разрушения, вытеснения ценностных представлений периода застоя и созидания новых нормативных представлений. Этими общими соображениями руководствовались авторы проекта консультативного опроса экспертов. Цель опроса – характеристика восприимчивости (невосприимчивости) духовно-

⁸¹ На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. М.: Прометей, 1991.

нравственной ситуации в обществе к обновлению.

И на стадии разработки «анкеты для эксперта», и на этапе нарративного анализа авторы проекта исходили из гипотезы об *экспертно-ролевой репрезентации* внутри интересующего нас публичного дискурса. Учитывая строгую направленность опроса-консультации, мы условно исходили из приоритетности внутри социально-гуманитарного знания ряда экспертных специализаций (научных жанров): философия, социология, этика, психология, филология. Кроме этого, были представлены и другие гуманитарные специализации – политология, правоведение, футурология.

В свою очередь, приоритетные научные жанры конкретизировались посредством подбора экспертов с точки зрения их специфических ролевых функций. В частности, этическая экспертиза представлена такими ролями, как Моральный Философ, Историк Этики, Этик-Теоретик, Этик-Аксиолог, Моралист. Психологическая экспертиза задана ролями: Психолог, Психолог-Публицист, Социальный Психолог, Психолог-Педагог. Социологический ролевой репертуар: Социолог-Теоретик, Социолог-Эмпирик, Социальный Историк, Урбано-Социолог. Роли в философской экспертизе: Культуролог, Методолог, Социальный Философ, Философ Права. Филологическая экспертиза: Литературный Критик, Журналист. Иные роли: Правовед, Политолог, Публицист, Экономист. Разумеется, наша классификация не исключала «набегов» экспертов на соседние (и совсем «чужие») территории.

Еще одно основание подбора экспертов – мера их профессионального успеха. Проект «Городские профессионалы: путь к успеху»⁸². Проблематизация опроса: как возможно рациональное понимание новой ситуации в развитии страны и региона? Кто определяет тенденции жизни города, ее темпы, имидж, рейтинг? Авторская гипотеза: про-

⁸² Городские профессионалы: путь к успеху. Опыт рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», 2004.

ще всего «схитрить», сказав, что это и чиновники, и деловые люди, и городские обыватели, и студенты... А честнее сказать так: и динамику, и ориентиры развития Тюмени задают городские профессионалы, продвинутый слой среднего класса, имеющий своих представителей как в среде политиков и чиновников, так и в среде предпринимателей и менеджеров и, конечно, в среде тех, кого еще недавно привычно называли интеллигенцией. И судьба Тюмени наших дней и дней будущих – в руках людей, которых можно с уверенностью назвать успешными профессионалами. Людей, которые сами себя сделали. Сумели не только использовать выпавшую им удачу, возможные шансы, но и произвести свои собственные шансы, спроектировать свою биографию. Благодаря высокому профессионализму, состоялись в своем собственном деле и, тем самым, создали островки успеха в биографии города, «незримый колледж» успеха для всех, кто мотивирован на достижения и сознает роль профессионализма в достижении успеха.

Такого рода людей и отбирали для экспертного опроса авторы проекта: городских профессионалов, о которых благодаря их делам, особенно за последние несколько лет, можно говорить как о *состоявшихся людях, достигших делового и профессионального успеха*. Не просто «представителей основных социально-профессиональных групп»: медицинских работников, деятелей образования, науки и культуры, менеджмента в промышленности, предпринимательстве, городской и областной власти, журналистов и т.д., но и тех из них, кто «поставил свое дело».

ПРОГРАММИРОВАНИЕ экспертного опроса. В рамках этой процедуры инструментального обеспечения этической экспертизы выделяю, во-первых, постановку задач опроса. Обратившись к уже представленному выше опросу «На пути к гражданскому обществу», можно увидеть три задачи, стоявшие перед авторами проекта и, соответственно, перед экспертами: диагностика конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку; про-

гноз возможностей и путей выхода из этого состояния; обсуждение идеи консенсуса, формирование системы необходимой рациональной аргументации для обеспечения диалога конфликтующих сторон по отношению к проблеме моральности рынка в целом.

В соответствии с этими задачами программировались конкретные этапы работы, предложенные экспертам: а) экспертная оценка системы ценностных суждений «за» и «против» рынка; б) дополнение набора ценностных суждений как в группе «рынкофилии», так и в группе «рынкофобии»; в) выяснение мировоззренческих оснований той и другой системы ценностных суждений; г) классификация нравственных конфликтов в современной ситуации; д) определение возможного поля консенсуса между рынкофобическими настроениями и аргументацией в защиту рынка.

Работа над первыми тремя этапами осуществлялась с помощью предложенной экспертам таблицы, в которой моделировался набор типичных ценностных суждений против рынка и за него. Работа над этапом «г» осуществлялась с помощью предложенной для экспертизы типологии конфликтов. Реализация последней задачи опроса (этап «д») предполагала высокую степень самостоятельности экспертов в консультировании алгоритма консенсуса, предложенного авторами проекта в качестве механизма организации диалога сторон.

Еще один элемент программирования экспертизы – формулировка ее направлений, чаще всего представленная в виде анкеты. В опыте инновационной парадигмы применялись как относительно простые анкеты, так и более сложные. Примером анкеты первого типа могут служить вопросы, задаваемые участникам проекта «Моральный выбор журналиста», точнее, темы, направления предложенных экспертам размышлений: 1. Какие сюжеты, образы, ассоциации возникают в вашем сознании в связи со словами «ситуация морального выбора»? 2. Какие типичные и уникальные ситуации морального выбора из вашей практики вам

вспоминаются? 3. В какой степени можно говорить, что выбор профессии журналиста – это и моральный выбор? 4. Какая из известных со времен М.Вебера альтернатив – «служение в профессии» и «жизнь за счет профессии» – доминирует в нашей журналистике? 5. Можете ли вы принять суждение о том, что широко распространенные ссылки на необходимость для журналиста (наемного работника) исполнять волю владельца СМИ на деле являются скорее основанием для «сбрасывания» личной ответственности? 6. Возможен ли профессионализм без ориентации на успех? Что таится за уклонением от профессионального успеха? 7. Какие моральные уроки дала «психодрама» с НТВ? Как вы прокомментируете полемику Б.Немцова и Е.Альбац во время экстренного выпуска «Итогов»?⁸³.

Для описания более сложного варианта программирования экспертного опроса обращусь к проекту «Освоение без отчуждения?»⁸⁴, послужившему первым этапом проводимого в Ханты-Мансийске практикума «Этос и этнос: социально-этическая справедливость как объект политического решения». Как уже говорилось, на экспертизу участников опроса были предложены стереотипные для массового сознания модели решения этнополитической проблемы, которые были выявлены в процессе предварительно проведенного пилотажного практикума. Эти модели были сформулированы в программе опроса.

«Уважаемый эксперт! Реальная практика интенсивного промышленного освоения Севера делает проблемным само этническое выживание коренных народов со свойственным им патриархально-традиционным общественным укла-

⁸³ Тетради гуманитарной экспертизы (5). Медиаэтос. *Журналист в ситуации морального выбора* / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2001.

⁸⁴ Освоение без отчуждения: Материалы экспертного опроса. Вып.1,2 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1989.

дом и типом сознания. Политические решения, пытающиеся минимизировать негативные последствия в области национальной политики, обычно запаздывают, вызывают неудовлетворенность и тем самым способствуют эскалации социальной напряженности в национальных отношениях. Анализ мнений и предложений участников пилотажного научно-политического практикума позволил выявить три наиболее активно выдвигаемые идеализованные модели политического решения.

Просим вас дать экспертную оценку полученных материалов. При этом предполагается, что гуманитарная экспертиза отдает приоритет ценностному измерению и лишь в самых общих чертах анализирует социально-технологические проекты.

Модель 1: НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО. Сторонники этой модели исходят из убеждения, что управлять национальными процессами мы еще не умеем (“еще не научились”), а скорее эти процессы и вовсе “неуправляемы”. Следовательно, для субъекта политического решения достойнее и гуманнее в такой ситуации не брать на себя ответственность, уклонившись от выбора. Нравственно ли это решение? Оцените, пожалуйста, следующие контраргументы, выдвинутые группой участников пилотажного моделирования: “Принять модель ‘Невмешательство’, опасаясь неведомых и непрогнозируемых последствий управленческих решений, значит обречь коренные народности Севера либо на самоуничтожение (слабая степень приспособляемости к новым условиям, нежелание и неумение переходить на новые технологии, низкий уровень жизни, грамотности, широкое распространение алкоголизма и т.п.), либо на уничтожение, поскольку рано или поздно их поглотит процесс промышленного освоения, обремененный отчуждением от человека как целей, так и средств”.

Модель 2: ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА. Поборники этой модели предлагают исключить некоторые территории, где традиционно проживали коренные народности, из процесса

промышленного освоения. Эти земли закрепляются за коренными народностями в форме национального поселка, района, управление которыми предельно автономно. Предполагается, что именно таким путем удастся восстановить традиционный образ жизни и тем самым, как минимум, устранить социальный дисбаланс, предотвратить физическое исчезновение этноса, а возможно, и достичь этнического возрождения. Насколько нравственным, справедливым может быть такое решение? Выскажите, пожалуйста, свое мнение по поводу следующих сомнений группы участников пилотажа: “Модель ‘заповедная зона’ противоречит стремлению нашего общества к единому идеалу социальной справедливости. В то же время решение о создании подобных ‘зон’ приведет к тому, что часть народов страны будет открыта историческому прогрессу, а другая – выключена из него, искусственно или добровольно загнанная в условия резервации. Сегодня мы создадим ‘заповедные зоны’ для коренных народностей Севера, а завтра для других, более развитых, народов? Наконец, не придем ли мы к тому, что создание искусственных барьеров породит историческую ‘смерть’ всем тем народностям, которые ныне не способны соревноваться с развитыми регионами страны?”.

Модель 3: КУЛЬТУРНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ. Субъект политического решения расценивает как аморальные и несправедливые и первую (“стыдно уклоняться”), и вторую (“по сути – это резервация, насильственно возвращающая этнос в “патриархальную первобытность”) модели. Сторонники модели-3 (при всем их многообразии – от “прогрессоров” до “миссионеров”) предлагают в качестве альтернативы контролируемой обществом ассимиляцией культур, своего рода “подтягивание” их до уровня современной цивилизации. При сохранении народной самобытности такое решение даст возможность “вписать” этносы Тюменского Севера в единый современный тип сознания, а через него – в новый тип общественного уклада. Допустимо ли этически такое решение, нравственно ли навязывать свои ценности

другим народам насильственно? Квалифицируйте, пожалуйста, альтернативное суждение группы пилотажного моделирования: “Не говоря об утопичности стремления поднять уровень цивилизации коренных народностей до такой степени, когда они вольются в единый культурный массив страны, модель эта безнравственна априорно. Не обманываем ли мы сами себя, навязывая чуждые коренным народностям урбанистически-индустриальные ценности и жизненные идеалы, полагая, что у нас с ними общие смысло-жизненные представления, установки и приоритеты?! Традиционные образы жизни и мыслей настолько разительно отличаются от современных, что коренные народности не только не готовы, но, безусловно, и не хотят иной культуры, иной системы ценностей. Они не видят в ‘ином’ альтернативы: за них выбор уже осуществил обычай”.

Итак, для экспертизы предложены три модели и три порождаемые ими этические контрпозиции. Мы будем признательны вам и за предложение других моделей, учитывающих, с одной стороны, жизненную реальность, а с другой – гарантирующих, что цель не потеряет своего нравственного достоинства. А возможны ли такие модели вообще? Возможно ли “освоение без отчуждения”?».

АЛГОРИТМ анализа материалов экспертного опроса приведу здесь, обратившись к основаниям алгоритмизации материалов двух экспертных опросов.

В уже представленном выше проекте «Медиаэтнос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества» аналитический обзор материалов опроса был алгоритмизирован в соответствии с возможными сценариями развития моральной ситуации в медиасфере. Обзор под заголовком «Не плакать, не смеяться, а понимать» начинался своеобразным эпиграфом – набором суждений, которые представляли собой спектр оценок экспертами трех возможных сценариев: катастрофа? кризис? рождение нового?

«Мораль и наши реальные корпоративные отношения –

понятия несовместимые». «Журналистика стала, как ни странно, честнее. Или циничнее – кто как хочет это понимать»; «Влияние рынка на журналистскую этику зависит от самого журналиста. За деньги можно продаваться, а можно их просто зарабатывать»; «Только тот, кто познал глубины падения, может познать свободный воздух горных высей»; «Из всех четырех ветвей власти наиболее честной – быть может, менее купленной – пока остается журналистика».

Тем самым был задан и алгоритм анализа. В связи с ним экспертные суждения были сгруппированы следующим образом.

Первый тип суждений – «катастрофический». «Степень доверия к СМИ пока остается выше, чем степень доверия к правительству, другим общественным институтам, в том числе и церкви, но все же она упала катастрофически» (В. К.); «Стоит, наверное, согласиться с мнением, что современная моральная ситуация в журналистике не может не вызывать глухой тоски» (О. Б.).

Второй тип суждений – взвешенные оценки. По мнению ряда экспертов, для пессимистических оценок сегодняшней ситуации в журналистике, согласно которым СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных «правил игры» и т.п., достаточно оснований. «Многое мог бы сказать по этому поводу», – говорит В. Л. Однако автор считает, что в журналистике и сегодня остаются люди, которые продолжают ориентироваться на критерий порядочности: «Люди и в наши дни остаются порядочными. Так же и журналисты». Своеобразная версия этой стратегии диагноза – суждение прагматическое: «Журналистика стала, как ни странно, честнее. Или циничнее – кто как хочет это понимать» (М. К.). Конкретизируя свою оценку, автор уточняет, что речь идет о циничности «по отношению к самому себе, к окружающим, к ситуации». При этом подчеркивает, что «в данном случае это слово не несет негативного оттенка. Может быть, более точно сказать, что профес-

сиональная мораль стала трезвее, рациональнее?».

Третий тип – оптимистические суждения: «В отличие от суждений достаточно большого числа журналистов, – отмечает Ю. Б., – я не считаю, что журналистика утратила свою нравственность. Из всех четырех ветвей власти наиболее честной – может быть, менее купленной – пока остается журналистика».

Еще один способ аналитического обзора – сравнительный анализ суждений экспертов по каждому из тематических направлений опроса.

В проекте «Городские профессионалы» каждому участнику опроса был предложен определенный набор направлений (тем) рефлексии (полностью или частично, при возможном изменении последовательности обсуждения тем).

Первое направление опроса предполагало рассказ участника проекта об этапах его жизненного пути и деловой карьеры. Часть этого рассказа составляла открывающая текст каждого автора краткая биография, другая – включала фрагмент текста, связанный с вопросами планирования биографии и Дела, с которым автор связал свою жизнь. Второе тематическое направление опроса – размышления о том, есть ли у эксперта личная потребность в самоидентификации со средним классом, и если есть, то чем мотивирована эта потребность? Эксперты выражали свое отношение к распространенным суждениям о природе среднего класса, о роли материальных факторов в самоидентификации со средним классом, о ее мотивах, об образе «человека середины», о духе буржуазности и других базовых ценностях.

Следующее направление – прояснение образа профессионализма, разделяемого и отстаиваемого участником проекта. Далее эксперту предстояло размышление о возможности планирования биографии в рамках рассказа об основных этапах его жизненного пути и деловой карьеры. Затем шел этап рефлексии экспертом того Дела, с которым общественное мнение связывает его имя, Дела, в котором

и проявился его успешный профессионализм. В рамках этой рефлексии или отдельно обсуждался вопрос о принципах и правилах этого Дела, о том, есть ли у эксперта своя «философия успеха», «наука успеха» и т.п. Следующее направление опроса – рефлексия о том, какое место в жизни эксперта занимает успех, о модели успеха, его символах, о способах достижения успеха. Непосредственно с этим этапом интервью связан вопрос о том, как надо относиться к «неуспевшим» в этой жизни, к тем, кто не попал в средний класс или не удержался в нем, «выпал» из него и т.д. Разумеется, реальный процесс интервью предполагал известную свободу сторон и в темах беседы, и в их последовательности, и в жанре оформления текста.

В свою очередь, аналитическое послесловие к книге материалов экспертного опроса было построено по алгоритму, симметричному программе опроса. В самой рубрикации послесловия доминировала либо проблематизация экспертных текстов, либо их типологизация с констатацией ярких примеров.

Рубрика 1: «Самоидентификация со средним классом: мотивы выбора и решения». Проблематизация рубрики: можно ли считать, что тема проекта актуальна, если известное число его участников не принимают самоидентификацию со средним классом? Рациональная реакция на этот факт предполагает внимание к тому, какую самоидентификацию все же принимает эта часть авторов.

Рубрика 2: «Образы среднего класса: попытка “примерки”». Проблематизация рубрики: участники проекта «примерили» на себе различные версии образа человека среднего класса: «состоявшейся личности», «человека середины», «буржуа» и т.д. Чтобы увидеть богатство подходов, например, к теме «серединности», достаточно обратиться к ряду заголовков опубликованных текстов: «Не хочу быть, как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности»; «Принцип “мало-помалу” – это, наверное, не про меня. В

любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного»; «"Средний" – не значит "троечник". "Средний" – основательный "хорошист"»; «Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым, его реальная ценность исключает чувство неполноценности»; «Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа "золотого сечения"»; «Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не очень-то рассчитывает на слишком большой успех».

Рубрика 3: «Профессионализм: самодостаточная ценность?». Проблематизация рубрики состояла из риторического вопроса и контрвопроса. Риторический вопрос: не следует ли из текстов интервью, что суждения участников проекта о природе ценности профессионализма и ее роли в этосе среднего класса нуждаются в комментариях меньше всего? Ведь статус этой ценности в этосе среднего класса представлен в предельно категорическом суждении: «Спрашивать человека, идентифицирующего себя со средним классом, насколько важна для него такая ценность, как профессионализм, значит задавать ему риторический вопрос». Вполне определены и суждения других авторов: «самоидентификация с профессионалом для меня самая значимая»; «может быть, лучше говорить не о среднем классе, а именно о прослойке профессионалов». Содержательный вопрос: однако не приводит ли трактовка центральной роли профессионализма в системе ценностей среднего класса к трактовке этой ценности как самодостаточной? Например, в тех случаях, когда обсуждается вопрос о разнице между профессионализмом советских и постсоветских времен («профессионал в любом режиме, в любой среде, даже в безвоздушной, остается профессионалом. Профессионализм – абсолютная категория»).

Существенный момент анализа материалов экспертных опросов – формулирование специальных ограничений. Так, в проекте «Городские профессионалы» в разделе «Анали-

тический обзор» был выделен ряд «техусловий». Во-первых, проект является начальным этапом долговременной работы. Поэтому здесь предпринимается лишь оперативный, по «горячим следам», анализ, не предполагающий обстоятельного разбора текстов участников проекта (последнее – задача дальнейшей работы). Во-вторых, обзор обращается лишь к суждениям участников проекта, оставляя для следующего этапа работы анализ биографических аспектов жизненного пути и деловой карьеры, представленных в их текстах. В-третьих, самый обстоятельный анализ не может отменить самооценности опубликованных в этой книге экспертных текстов. После того, как сойдет поверхностная актуальность проблематики, эти тексты могут получить статус «свидетельства эпохи». Разумеется, этому предположению не повредит и известная доля скепсиса. Тем не менее публикация этих текстов – публичный итог проекта. В-четвертых, необходимо трезво понимать пределы эффективности собственно этического подхода, не отменяющего и не заменяющего экономического, политологического, социологического и др. подходов, способных в своей совокупности дать комплексный образ феномена среднего класса, но не являющихся задачей данного проекта. И, наконец, последнее ограничение: авторы заранее просили прощения у тех участников проекта, которые посчитают, что их тексты интерпретированы неадекватно. Разумеется, вина в таком случае полностью лежит на авторах проекта.

8.4. Этическое проектирование

Определяя природу этико-прикладного знания в лекции 3, я говорил о том, что одной из его особенностей является статус *проектно-ориентированного* знания, предполагающего – в отличие от приложения *уже существующего* знания, имеющего свою собственную целевую функцию, т.е. «изготовленного для чего-то другого» и потому применяемого «не по функции», а «придельываемого» в качестве «приклада» или «протеза», – вместо «изготовления протеза»

зов» сразу «изготовление того, что должно использоваться».

При этом для проектно-ориентированного знания важна ориентация проектирования на *логику социальных изменений*, в том числе на проектирование социальных институтов, инфраструктур организаций, социальных технологий, конструирование целевого и инструментального блока управленческих программ, изобретение реализационных структур для социокультурных инноваций и т.п.

Проектирование как технология прикладной этики только кажется самым молодым феноменом этико-прикладных исследований и разработок. Во всяком случае, в биографии инновационной парадигмы эта технология изобреталась и применялась уже в 1970-1980-х годах. Речь идет о проектировании системы управления нравственно-воспитательной деятельностью в производственных и учебных коллективах⁸⁵.

Наиболее наглядно разработка технологии этического проектирования проявилась в те годы в работе над профессионально-нравственными кодексами. При этом уже на старте отечественных этико-прикладных исследований и разработок

особое внимание обращалось на специфику проектирования в сферах нравственной жизни и нравственного воспитания: проблематизировалась задача определения и соблюдения *интервала* эффективности проекторочного подхода к этим сферам.

⁸⁵ См.: Этика и управление. М., 1979; Актуальные проблемы нравственного развития личности / Под ред. В.И.Бакштановского. Томск: Изд-во ТГУ, 1975; *Бакштановский В.И.* Прикладная этика / Под ред. Ю.В.Согомонова. Тюмень, 1980; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью; *Момов В., Бакштановский В., Согомонов Ю.* Прикладная этика. Необходимость, проблематика, воспитательные возможности. София: Наука и искусство, 1988 (На болг. яз.).

ТЕХНОЛОГИЯ этического проектирования представлена здесь посредством анализа одного из «случаев» создания элементов инфраструктуры саморегулирования профессиональных ассоциаций в проектах инновационной парадигмы последних лет. Речь идет о создании Тюменской этической медиаконвенции (ТЭМК), всесторонне описанном в монографиях «Моральный выбор журналиста» и «Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики». Моя задача в этой лекции – представить процесс претворения базовых принципов этического проектирования в таких этапах проектирования Конвенции, как (1) определение направлений предпроектной работы, (2) выбор подходов к конструированию стартовой модели конвенции, (3) технологическое обеспечение ее обсуждения и доработки, (4) разработка итоговой версии конвенции, (5) анализ уроков проекта.

Но прежде – об общих принципах этического проектирования.

Принцип «интервала эффективности» в процедуре *конкретизации* общественной морали. Этот принцип выращался инновационной парадигмой в процессе взвешивания «за» и «против» формата «Минимальный стандарт» как нормативной части кодексов профессиональной этики и определения пределов инструментализации нормы: пока такая процедура оставляет субъекту возможность выбора и решения, пока выбором рекомендуемого «стандартом» конкретного решения, средства, действия прямо или косвенно задевается какая-либо нравственная ценность.

* Принцип *польдера* – креации определенного института профессиональной морали как отвоёванной у стихии, защищенной и возделанной «территории». Пример успешного применения – проект «Тюменская этическая медиаконвенция», цель которого – попытка воздействия на стихийный процесс саморегулирования журналистской профессии че-

рез проектирование конвенции, рассматриваемой в качестве инструмента собирания атомизированного профессионального сообщества.

* Принцип *соавторства* – создания проектируемой институции или элемента инфраструктуры «малой» системы в непосредственном соавторстве с коллективом организации или профессиональным сообществом (формат «экспертная система»). Задача участвующих в проекте исследователей – не поддаваться соблазну самим, *вместо* журналистов, чиновников, депутатов, профессоров и т.п. написать искомый документ, а потом лишь предложить его на «одобрение коллектива».

* Принцип «мотив важнее результата»: на каждом этапе этического проектирования решается задача не просто помочь субъекту – организации, ассоциации и т.п. – в стремлении, например, активизировать процесс саморегулирования, но и попытаться повлиять на *мотивы* такой активизации. Например, проблематизировать в сознании субъекта феномен фактического доминирования утилитарных мотивов саморегулирования и усилить мотив самокритики «цехом» моральной ситуации, в которую он сегодня вовлечен.

* Принцип технологической комплексности: разработка и проведение предваряющих собственно проектирование *проблемных* семинаров (в том числе в режиме *игрового моделирования*), посвященных освоению материалов зарубежного и отечественного опыта; экспертно-консультативных опросов и этико-социологических бесед (например, апробирующих первые версии проектируемого этического документа); итоговых семинаров (в том числе в режиме *игрового моделирования*), посвященных «примерке» «продукции» проектирования и т.д.

ХАРАКТЕРИСТИКА нормативно-ценностных документов организаций и профессиональных сообществ – кодексов, хартий, конвенций и т.д. – как предмета этического проектирования, в том числе этическая идентификация такого рода документов, дается в открывающей часть первую

мастер-классе, лекциях 7, 9. В данном параграфе я сосредоточусь на алгоритме и правилах их проектирования, извлекая общие элементы инструментария технологии этического проектирования из анализа *случая* – проектирования ТЭМК.

Обращаясь к этому *случаю*, важно иметь в виду установку инновационной парадигмы на проектирование этического документа, адекватного *реальному состоянию* общества и профессионального сообщества. Адекватного для сознания и поведения *протосообщества*, атомизированного «цеха», для *начала* процесса нового *собрания* корпорации. Именно поэтому, во-первых, участникам проекта «ТЭМК» предстояло самим сформулировать основания, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*. Разумеется, каждый журналист уже на старте проекта слышал, понимал буквальный перевод слова. Но совсем другое – прийти к пониманию того обстоятельства, что формулируемые сообществом самообязательства могут стать эффективными только в той мере, в какой они станут итогом *договора, соглашения*. Поэтому *рабочей группе* проекта важно было и осознать, и технологизировать идею проектирования не стандартного кодекса, а именно *конвенции*.

ТЭМК – результат «встречного движения», многолетней совместной работы специалистов по прикладной этике и тюменских журналистов, включая пятилетний *мониторинг ситуации* и цикл *опросов и семинаров* и, разумеется, многолетних этико-прикладных *исследований*⁸⁶. Здесь и экс-

⁸⁶ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (2). Медиаэтнос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов; попытка понимания. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999; Тетради гуманитарной экспертизы (3). Медиаэтнос: Тюменская конвенция – предварительные результаты. Тюмень, 2000; Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собрания сообщества. Тюмень, 2000.

пертный опрос «Ценности и правила игры регионального сообщества журналистов», и спроектированный по материалам этого опроса семинар-практикум, в центре которого были: (а) диагностика ситуации («Вектор изменений моральной ситуации в современной журналистике: “катастрофа”?, “кризис”?, “рождение нового”? – с девизом “Не плакать, не смеяться, а понимать”») и (б) модели миссии журналистики («“Зеркало”?, “Зеркальщик”? ...?»).

Чтобы представить один из видов *предпроектной работы*, на основе которой рабочая группа сформировала *первую версию* конвенции, обратимся к «Тетрадам гуманитарной экспертизы (3)», начав с их оглавления. Возможно, «говорящие» заголовки текстов участников экспертных опросов (заголовки расположены в алфавитном порядке относительно фамилий авторов) дадут некоторое представление о *дискурсе предпроектного этапа*. Л.В.: «*Журналистскую профессию минимальным стандартом не исчерпать*». Г.Г.: «*Журналист ежедневно стоит перед моральным выбором. Такая у него работа*». Е.Г.: «*Каждый журналист считает себя достаточно моральным. Но часто то, что приемлемо для одного, не приемлемо для другого*». В.Г.: «*Прежде всего такую конвенцию между собой должны заключить издатели*». В.З.: «*Журналист не может профессионально состояться, если для него не значима такая ценность, как порядочность*». В.А-К.: «*Когда перед ними возникнет моральная дилемма, будет что положить на чашу весов*». Е.К.: «*В конвенции должны быть два уровня требований: то, что журналисты считают неприемлемым, и то, к чему они стремятся как к идеалу*». В.К.: «*Моральный закон нужен, чтобы мы помнили: работаем в одном “цехе”*». А.О.: «*Самое важное, чтобы конвенция закладывала основу для размышления о том, что – нравственно, а что – безнравственно*». Ю.П.: «*Из всех мотивов создания конвенции важнее защита от массы непрофессионалов в самих СМИ*».

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ рабочей группой эскиз *стартового*

варианта конвенции, сформированный по итогам предварительных семинаров и экспертных опросов, характерен *гипотетическим* стилем: «вероятно», «представляется целесообразным» и т.п. В начале текста коллегам по проекту предлагался возможный вариант структуры конвенции, в котором доминировали нетрадиционные для кодексов разделы: *Проблемная ситуация – Задачи – Мотивационный комплекс – Самоопределение к корпоративной миссии – Журналист как субъект морального выбора – Минимальный стандарт профессионально правильного поведения – Экспертно-консультативная комиссия – Комментарии.*

Затем шли предложения рабочей группы и ее аргументы по каждому из элементов этой структуры. Именно *предложения*, во-первых, и аргументы в *гипотетической* форме – во-вторых. Например, в разделе «Проблемная ситуация» рабочая группа проекта *предлагала* журналистам *подумать о целесообразности* зафиксировать тезис о том, что конвенция – попытка отразить *новую ситуацию*, определяющую место СМИ в обществе на стыке веков; понять реальную природу прессы, не вписывающуюся ни в дилемму «либо часть пропагандистской машины – либо рыночно-демократические СМИ», ни в дилемму «либо обслуживание власти – либо удовлетворение информационных запросов потребителей». Далее отмечалось, что в этом разделе, *вероятно, уместно обратить внимание* на то, что профессиональное сообщество воспринимает моральный кризис как ситуацию, побуждающую не к панике, а к трезвости и мужеству, и потому принимает серьезный вызов, который представляют собой тенденции цинизма, релятивизма и нигилизма. В разделе «Задачи» *предполагалось целесообразным* отметить осознание сообществом того факта, что у ряда журналистов идея любого профессионального кодекса вызывает вполне понятное настороженное отношение (а то и отторжение, ибо они воспринимают «моральные кодексы» как некие вериги для творческой свободы), и сформулировать тезис о том, что, *вероятно*, этой настороженности мо-

жно и необходимо противопоставить представление о саморегулировании «цеха», в том числе опирающееся на мировой опыт. Здесь же предлагалось объяснить, почему сообщество выбрало модель *конвенции*. Среди *возможных* аргументов в пользу формата этического соглашения сообщества: (а) выбор рубежа, который сообщество готово взять на себя и с которым может согласиться мораль общественная, и (б) попытка уйти как от романтического морализаторства, так и от вульгарного инструктажа. В начале раздела «Корпоративная миссия» рабочая группа посчитала, *опираясь на опыт предпроектного этапа*, уместным для текста проектируемой конвенции заявление о том, что профессиональное сообщество тюменских журналистов полагает неэффективным предпочесть какую-либо одну из миссий СМИ, которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Нетрадиционность и даже экспериментальность раздела «Журналист как субъект морального выбора» побудили рабочую группу предложить коллегам – участникам проекта – несколько тезисов, которые, возможно, станут фрагментами конвенции.

ПРОЦЕСС работы профессионального сообщества на следующих *этапах проектирования* конвенции можно представить на основе вступительных и заключительных слов ведущего на *итоговом* семинаре участников проекта к каждому «шагу» алгоритма семинара.

Например, в своем вступительном слове к первому этапу семинара, посвященного преамбуле к конвенции – «*Проблемная ситуация в самоопределении “цеха”, мотивы создания конвенции и намерения ее создателей*», – ведущий (автор инновационного курса) напомнил о предшествующей итоговому семинару работе над последним вариантом текста конвенции. Сначала гипотеза проекта была испытана в процессе экспертного и социологического опросов; затем проведено три семинара, по итогам которых сформирован первый вариант

конвенции, опубликованный – вместе с материалами экспертного опроса – в «Тетрадах...»; этот вариант был предложен на экспертизу десяти тюменским журналистам и с учетом их замечаний и предложений подготовлен второй вариант конвенции, вновь переданный для критики нескольким тюменским и столичным рецензентам; сформированный после этого третий вариант был предварительно разослан участникам заключительного семинара. Каждый, кто читал первую версию – в послесловии к «Тетрадам...(3)» – и пытался сравнить ее с третьей, обнаружил известные *изменения*. Их комментарий будет представлен в преамбулах к каждому следующему этапу этого семинара.

Завершая работу первого этапа семинара, ведущий заметил, что обсуждение текста преамбулы конвенции дало аргументы для правильного понимания роли этого фрагмента: характеристика медиаситуации как ситуации духовно-нравственной неопределенности, как такого перепутья, когда на придорожном камне нет надписей-прогнозов и требуются не рыцари-читатели, а «писатели», не позволяет пренебречь ролью преамбулы конвенции и предопределяет роль раздела о моральном выборе.

Открывая второй этап работы семинара, посвященный разделу конвенции под названием *«Корпоративная миссия: поиск идентичности»*, ведущий проблематизировал тему с помощью образов «зеркало» – «зеркальщик» и привел типичные суждения рецензентов и участников экспертизы по поводу проекта текста данного раздела конвенции. Наиболее наглядные из них – в метафорических тезисах участников проекта: *«Услышав словосочетание “миссия журналистики”, многие коллеги начинают использовать ненормативную лексику или притворяться деревенскими дурачками: “какая такая миссия?”»*. *«Пресса – зеркало общества. Но не в том смысле, что этика прессы не может не быть выше этики общества»*. *«Журна-*

лист – не зеркало. Журналист – зеркальщик». «Может быть, журналистика и зеркало жизни, но в это зеркало можно по-разному смотреть и разное видеть. И само зеркало (мы) может быть разным». «Я отражаю жизнь методом кинокамеры, такой, какая она есть». «Обыкновенным солнечным зайчиком ничего не сделаешь. СМИ, как выпуклое зеркало, собирают свет в пучок и направляют его в нужное место». Определиться в отношении этих дискуссионных подходов и предложил участникам семинара ведущий.

Закljučая работу над этим разделом конвенции, ведущий сказал, что реагируя на критику, легче всего подвергнуть его «хирургическому вмешательству», тогда все проблемы «снимутся». Но поскольку, во-первых, было предложено сделать название более точным (развести, например, «миссию» и «функцию»); во-вторых, снять пафос у слова «миссия» (хотя значительная часть зарубежных кодексов содержат такой раздел и не стесняются пафоса), а также учитывая, что в структуре конвенции каждый элемент – это кирпичик, без которого она развалится, раздел «Корпоративная миссия» требует скорее доработки, чем изъятия.

На следующем этапе семинара, после просмотра его участниками очередного телесюжета, ведущий в своем вступительном слове обратил внимание на то, что в экспертных опросах и на семинарах журналисты проблематизировали свое поведение в ситуациях выбора. *«Как опознать ситуацию морального выбора, отличить ее? На мой взгляд, просто: когда сталкиваются добро со злом, когда вы можете поступить либо нравственно, либо безнравственно»* (Ю.П.). *«Разделяю суждение, по которому самое трудное – не “прозевать” ситуацию выбора, не пройти мимо “не узнав” ее. Журналисту такое не позволительно: его решения часто чреваты ответственностью социального масштаба, журналистика – “орудие массового поражения”»* (Г.Г.). Ведущий сказал, что, по мне-

нию большинства участников проекта, раздел «Журналист в ситуации морального выбора» необходим. Но какую роль придать этой теме в конвенции? Завершив свое вступительное слово, ведущий предложил участникам семинара обсудить текст данного раздела конвенции, дать замечания и предложения для его совершенствования.

ПОСЛЕДНИЙ вопрос программы семинара «*подписывать или не подписывать?*» был проблематизирован еще во втором варианте текста конвенции. С одной стороны, *подписанный* этический документ только кажется более надежным обязательством и исключение процедуры подписания конвенции работает на моральный дух этого документа успешнее, чем формально зафиксированное одобрение. С другой стороны, журналистика как профессия – не только служение Добру, но и служба, т.е. сфера деловых, отчасти *формальных официальных* отношений (отчасти, ибо это *свободная профессия*). Не является ли в таком случае исключение процедуры подписания конвенции *романтическим порывом*? Оставляя окончательный выбор за самими тюменскими журналистами, в том числе и за членами СЖ Тюменской области, ведущий предложил семинару остановиться на возможности *не* альтернативного выбора: не выбирать между «подписывать» – «не подписывать» или «принята» – «не принята», а придать конвенции стиль документов Римского клуба, вырабатываемых и публикуемых «до востребования». Стиль, весьма актуальный для периода *собрания* сообщества. Этот вариант оказался для участников итогового семинара предпочтительным.

ОПРЕДЕЛЕННОЕ представление о потенциале технологии этического проектирования может дать анализ эффективности работы над конвенцией, обращенный к ее последней версии.

* Проектная деятельность привела журналистов к вполне успешному формулированию оснований, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*.

* Проектная деятельность привела журналистов к вполне успешному формулированию тезиса о том, что их конвенция может и должна сыграть для «цеха» *собирающую* роль: принятие или непринятие конвенции, особенно такого ее раздела, как «Минимальный стандарт», послужит основанием, с одной стороны, консолидации атомизированного сообщества, с другой – отлучения от сообщества тех, кто не хочет или не может принять элементарные правила профессионального поведения. Побуждающую роль конвенции в собирании «цеха» удачно сформулировал на итоговом семинаре А.С.: *«Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки»*. В свою очередь, селективную роль конвенции сформулировали Е.К., полагаящая, что журналист, нарушающий правила конвенции, *«автоматически перестает быть членом данного сообщества и за него оно больше не поручается»*, и Ю.П., считающий, что журналисты, подписавшие конвенцию, должны сказать нарушителям ее правил: *«Вы нарушили кодекс и не можете называться журналистами; мы публично заявляем об этом нашим читателям, зрителям, слушателям, которые пока еще считают вас журналистами»*.

* Участники проекта инициировали трактовку создаваемой ими конвенции как рационально сформулированных предложений от сообщества журналистов к *общественному договору*, увидели в конвенции возможность соглашения с властью, медиабизнесом и обществом по поводу принимаемых сторонами «правил игры» и «вытекающих» из такого взаимного принятия последствий. Как сказал Р.Г., *«фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то и тогда общество нас воспринимает как порядочных и достойных людей»*.

* Проектная деятельность стала для авторов конвенции способом пройти между двумя опасностями: Сциллой административного регулирования нравственной жизни «цеха», в том числе и в виде разного рода «Высших советов по

этике», и Харибдой моральной анархии, в том числе в виде абсолютного отказа от любых форм влияния нравственного опыта общества на индивидуальные профессионально-нравственные решения. В этой связи показательно появление в тексте конвенции такой формулировки: *«Наша конвенция – способ преодоления превратных образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или (б) наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла».*

* Очевидно «приращение» в диагнозе, произошедшее на финише проекта: сформулированное в процессе коллективной рефлексии утверждение, что речь идет не о катастрофе, но о трудном *рождении нового ценностного мира*, новой гражданской и профессиональной самоидентификации.

* Особо выделяю такой эффект *этического* проектирования, как изобретение способа сочетания мировоззренческого и нормативного блоков конвенции.

Разумеется, значимо само по себе проектирование таких непривычных для профессиональных кодексов разделов.

Благодаря разделу «Журналист как субъект морального выбора» участники проекта отношение к журналисту как субъекту нравственных исканий, принятия решения и ответственности представили как *кредо* конвенции.

Раздел и начинается с попытки объяснить смысл самого этого понятия, с утверждения, что кредо фокусирует «дух» профессиональной корпорации, делает конвенцию документом профессиональной этики. Содержательная же формулировка кредо подчеркивает *доверие* нравственной свободе журналиста, его самоопределению, стремление

противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста. Участники проекта ценят готовность журналиста отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров.

Полагаю примечательным появление в разделе «Комментарии» тезиса о необходимости противостоять искушению уклониться от морального выбора и ответственности за него, ссылаясь на трудные обстоятельства.

Благодаря разделу «Минимальный стандарт» участники проекта смогли сформулировать тезис «Комментариев» о том, что конвенция как документ *профессиональной* этики журналиста *конкретизирует* и дополняет требования *общественной* морали, т.е. инструментализирует профессионально-этическую норму, отвечая на вопросы «что именно делать?», «как именно это делать?», и тем самым помогает журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию. При этом показателен фрагмент «Комментариев» о том, что «цехом» осознается *противоречивость* любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики. Именно в процессе работы над этим разделом участникам проекта удалось прийти к выводу о том, что

расписанные нормы «минимального стандарта» остаются в рамках профессионально-нравственных норм (в последний вариант конвенции был включен тезис, согласно которому нарушение азов ремесла не только разрушает само ремесло, но подрывает *смысл* и *устой* профессии) до тех пор, пока «стандарт» оставляет журналисту возможность выбора и решения: в противном случае норма «стандарта» оборачивается служебной инструкцией.

Подчеркну: участники проекта не просто восприняли и присвоили идею обязательного *сочетания* в конвенции разделов «Моральный выбор» и «Минимальный стандарт». Эту принципиально важную проектно-технологическую ин-

новацию – баланс разделов, характеризующих *смыслополагание*, и разделов, формулирующих *стандарты* (как показывает практика создания кодексов профессиональной этики, пока такой баланс исключительный случай. И не только в журналистике) – участники проекта оснастили своими аргументами.

В одном случае, это было предложение выстроить два раздела *«так, как связаны общие конституционные принципы и развивающие их законы»* (В.Г.). В другом случае, эти разделы были сравнены по уровню планки требований, которые они задают журналисту – участнику конвенции. В полемике с коллегами Г.Г. отметила, что в профессионально-этическом самообязательстве *«должны быть требования, рассчитанные на более высокую норму»*, что *«уже сегодня»* надо зафиксировать в этом самообязательстве *«конечную цель, уровень развития, который должен быть достигнут завтра. Соответственно и “планку” надо поднимать выше»*.

В качестве заключения к лекции – заявка на два направления нашей дальнейшей работы в сфере технологий этико-прикладного знания.

Первая из «заявок» – завершение долголетней работы над подготовкой к публикации обновленного в теоретическом и эмпирическом планах описания таких этических технологий, как система управленческого воздействия на нравственно-воспитательную деятельность, консультирование, кейс-стади, этический практикум.

Вторая заявка – на разработку кодекса самих этико-прикладных исследований и разработок. Практически в каждом из параграфов, посвященных конкретной технологии, акцентирована их этическая природа. И все же создание системно спроектированного кодекса представляется предельно актуальным, особенно в эпоху бума прикладной этики.

Лекция 9

Инфраструктура прикладной этики

9.1. На пути к системе

инфраструктурных проявлений прикладной этики

Конец 1970-х. Научно-производственное объединение «Сибкомлектмонтаж» Главтюменьнефтегаза. Лаборатория прикладной этики Тюменского индустриального института проводит деловую игру «Аттестация морально-деловых качеств руководителя».

Моделируемый объект – процедура должностной аттестации кадров.

Предмет этико-прикладной разработки – методика написания аттестационной характеристики морально-деловых качеств личности как исходного момента в расширении потенциала аттестации.

Ситуационная задача, организующая игровое моделирование, основана на очерке писателя А. Борина «Пробивной человек», опубликованном в «Литературной газете».

Персонаж очерка – молодой, инициативный, предприимчивый главный инженер автобазы Петухов, деловые качества которого воспринимаются частью трудового коллектива как конфликтующие с общепринятыми нормами морали.

Реализовано основное требование к выбору ситуационной задачи: она действительно *проблемная*. Не столь важна заключенная в ней интрига, хотя без нее игровая мотивация была бы низкой, сколько конфликтность заложенных в ситуации нравственных позиций, вариативность оценок и решений, многогранность предполагаемого содержательного анализа.

Испытание выбором, являющееся атрибутом этико-прикладных игр, обеспечено сценарной разработкой. Оно заключалось в необходимости для «членов аттестационной

комиссии» принять решение о (не)выдвижении главного инженера на должность директора, так или иначе определившись в формате характеристики с этической квалификацией конфликтогенного проявления деловитости Петухова.

Условная «аттестационная комиссия» приняла *этико-прикладную* идею игры: не отрицая сложившегося на предприятии порядка проведения аттестации, не претендуя на полную или частичную его подмену заново спроектированной процедурой, игра призвана акцентировать значимость профессионально-нравственных ориентиров в трех этапах стандартной процедуры аттестации: составление характеристики; ознакомление работника с характеристикой; обсуждение характеристики на заседании аттестационной комиссии и принятие решения по итогам аттестации. И в очевидном *соавторстве* с разработчиками игры освоила методику аттестации морально-деловых качеств руководителя.

Успех пилотной игры мотивировал ее тиражирование в трудовых коллективах предприятий Тюменского нефтегазового комплекса.

ТЮМЕНЬ, 1982 год. Первая международная (советско-болгарская) конференция по прикладной этике, посвященная союзу теории и практики в управлении нравственно-воспитательной деятельностью в трудовом коллективе (как отмечалось в лекции 2, эта сфера была доминирующим предметом в ситуации становления прикладной этики в те годы). В рамках программы конференции – этико-прикладная игра «Аттестация морально-деловых качеств руководителя».

Снова решалась судьба Петухова в его притязаниях на производственную карьеру. Снова условной аттестационной комиссии предстояло принять решение в связи с нравственно-конфликтной ситуацией, в которую персонаж вовлек трудовой коллектив. Но высокий научный потенциал состава участников конференции, в котором существенное

место занимали исследователи-этики двух стран, дал возможность изменить доминирующую функцию игры. В этой репликации игры приоритет был отдан не проектировочной (в отношении самой методики) или обучающей (с точки зрения освоения методики), а экспертно-консультативной функции игры в отношении практикуемых в кадровой политике процедур должностной аттестации. Прежде всего,

этической критике управленческой практики и консультированию тех элементов процедуры должностной аттестации, которые можно и нужно культивировать в профессионально-этическом смысле, особенно – процедуры профессионально-нравственной оценки руководителя.

Отсюда одна из новых задач игры: стимулировать разработку и освоение ее участниками этических правил к процедуре аттестации («не судите...»), осознание интервала ее целесообразности.

НЕДОЛГИЕ годы Перестройки. Московская школа менеджеров. Я веду цикл занятий, объединяемый темой «Этика успеха». В рамках курса – новая репликация игры «Аттестация морально-деловых качеств руководителя». Еще одно обновление ситуации: прежний персонаж «главный инженер С.В.Петухов» написал заявление о приеме в школу менеджеров, мотивируя его стремлением участвовать в конкурсе, а не быть назначенным, и полагая, что школа менеджеров повысит его конкурентоспособность. Слушатели школы менеджеров, исполняя роль членов аттестационной комиссии, обсуждали представленное им «Кредо С.В. Петухова». Идея игры – культивирование этики делового успеха как нравственного стержня деловых качеств *менеджера*. Курс выводил участников игры на различие нового типа руководителя – и хозяйственного руководителя времен административно-командной системы.

ЕСЛИ посмотреть публикации, посвященные этой игре, легко увидеть, что в них еще не использовались термины

«институционализация морали», «инфраструктура прикладной этики» и т.п.

Но уже складывалась этико-прикладная проблематизация темы, которой посвящена эта лекция. Достаточно вспомнить названную выше сверхзадачу «испытания выбором» для участников игры. Самоопределения к жесткой альтернативе: аттестация руководителя (менеджера) – орудие манипуляций бюрократической системы или нравственная поддержка управленческой карьеры? Или обратить внимание на игровое задание «Контраттестация», работавшее на модельное испытание выбором в этой альтернативе: оно было призвано проблематизировать тему игры, поставив под вопрос саму допустимость и возможность аттестации *нравственных* качеств; испытать на нравственную эффективность один из документов практикуемой должностной аттестации – характеристики, особенно ее правомерности и полезности в отношении оценки нравственного облика личности. Кстати, по результатам выполнения этого задания командам предлагалось на рассмотрение уточнение предмета оценки: культура профессионально-нравственных решений руководителя.

Я не буду обсуждать здесь тему *(не)современности* столь давней этико-прикладной разработки в стремительно изменившейся ситуации. Трудно в нескольких словах доказывать актуальность этой разработки в обстоятельствах ухода в прошлое системы управления нравственно-воспитательной деятельностью в трудовых коллективах. Идеологическую архаичность этой системы, роль партийного ресурса в подкреплении действенности системы и т.п. заметит каждый желающий это сделать. Но это была *система*, сама разработка которой явилась этапом рефлексивной биографии инновационной парадигмы. И важным опытом этико-прикладных разработок, который работает на проблематику инфраструктуры прикладной этики и сегодня.

Опыт, важным и сегодня – в обстоятельствах широкого внедрения в практику многообразных элементов раз-

витой системы формирования и поддержки ценностей профессиональной и корпоративной этики, своеобразной *инфраструктуры этической ответственности* в профессиональных сообществах и организациях. Речь идет о лицах и группах, обеспечивающих *этический режим* – «этических офицерах», «советниках по этике», «этических комиссиях» и т.п.; о документах типа Миссии и Кодекса; о механизмах и процедурах типа этического аудита, о прочих элементах.

Важным опытом, в том числе и с точки зрения полезности «технических условий» к той системе управления нравственно-воспитательной деятельностью,

вполне актуальных в ситуации, когда на смену партийной идеологии с известным эффектом манипулирования «моральным фактором», пришла идеология корпоративности, несущая в себе многие риски относительно именно *этической безопасности* инфраструктурных элементов корпоративной этики.

ЗАДАЧА этого параграфа – подвести к тезису о значимости первых шагов на *пути* инновационной парадигмы к теме, которой посвящена заключительная лекция второй части моего курса. Полагаю, что этико-прикладная проблематизация столь давней игры уже работала на, говоря в терминах современной прикладной этики, формирование в качестве самостоятельного *инфраструктурного* направления развития прикладной этики.

При этом сознаю, что надо бы поосторожничать с этим прилагательным в определении направления, подчеркнуть его *условность*, если в тему лекции с таким названием включены не только *органы*, обеспечивающие соблюдение ценностей и норм профессии и/или организации, но и сами этические документы. Условность уже потому, что

для инновационной парадигмы кодексы – не «обслужи-

вающая подструктура» (в отличие распространенной редукции кодексов к регламентам), а этическая комиссия – не административное подразделение департамента по работе с персоналом.

Уклонюсь и от строгого определения терминов «этическая инфраструктура», «этический режим», «специалист по этике» и т.д. – в литературе они еще не устоялись, часто пересекаются между собой, различаются в зависимости от особенностей концепций, стран и предметов приложения. Тем не менее есть и конвенциональные подходы. Например, определение этического режима от Американского национального демократического института международных отношений: «"этический режим" – набор стандартов, которые направляют поведение депутатов законодательного органа, и порядок практического применения этих стандартов. Для всеобъемлющего этического режима необходимы: общий кодекс поведения парламентариев; формальные "этические правила", конкретизирующие нормы этого кодекса; специальный орган, отвечающий за применение этих правил на практике и консультирующий парламентариев по вопросам этического характера»⁸⁷.

Примечательно совпадение характеристик в работах правоведов и этиков. Так, например, А.В. Оболонский в работе об этических аспектах госслужбы⁸⁸ говорит об *этическом режиме* (полагая, что «в русском языке лучше не употреблять это слово в данном контексте – оно вызывает двусмысленные ассоциации») как «о совокупности этических принципов и механизмов, обеспечивающих их соблюдение». Описывая канадский опыт, автор подчеркивает, что «этический режим есть системная совокупность мер, каждая из которых поддерживает одна другую».

⁸⁷ См.: emsu.ru/eeclub/view.asp?c=1571&p=2

⁸⁸ См.: Оболонский А.В. Этические аспекты регулирования государственной службы // *Общественные науки и современность*. 2004. №5. С. 53-64.

В свою очередь, А.В. Прокофьев, описывая распространенные в зарубежной литературе представления об этической инфраструктуре университета и конкретный практический опыт, предваряет эту работу общим рассуждением об инварианте этической инфраструктуры. «Институционализация морали в профессиональной и в организационной среде производится по нескольким направлениям. В первую очередь она предполагает создание декларативных и регулятивных документов, фиксирующих ценностные установки сообществ и организаций. Другим направлением является создание элементов этической инфраструктуры – специализированных органов, функционал которых связан с совершенствованием профессионально-этической культуры организации или сообщества, обеспечением соответствия деятельности их членов минимальным этическим требованиям и формированием у них мотивации к полноценному исполнению профессионального долга». В то же время автор подчеркивает, что «во многих современных университетах реализованы оба направления институционализации..., (существуют и синтетические варианты)»⁸⁹.

Наконец, уклонюсь и от характеристики многообразных элементов этической инфраструктуры. Во-первых, потому, что имеется множество соответствующих описаний. Во-вторых, потому, что здесь я стремлюсь опереться на концептуальный и практический опыт *проектно-ориентированной разработки инфраструктуры прикладной этики*, имеющийся в арсенале именно инновационной парадигмы. В том числе на ее тезис о том, что

инфраструктура прикладной этики – плод двух коэволюционных феноменов современной морали: ее институционализации в виде нормативно-ценностных подсистем профессиональной, корпоративной, надпрофессиональной и

⁸⁹ Прокофьев А.В. Этическая инфраструктура университета и теоретические образы морали // Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38.

т.д. моралей, и атрибутивности для нормативно-ценностных подсистем фактора *саморегулирования*.

Оформление этих феноменов прежде всего в виде этических кодексов и этических комиссий (формат этических комитетов по биоэтике остается за рамками рассмотрения в этой лекции) – наиболее наглядное *инфраструктурное* проявление прикладной этики.

9.2. Кодекс: между морализаторской утопией и бюрократической профанацией

МОГУ ЛИ Я поставить перед собой задачу раскрыть в одном единственном параграфе тему, которой посвятил целую монографию⁹⁰? Даже если целостный образ этой темы и некоторые ее аспекты раскрыты в предшествующих лекциях (Вступительная лекция, лекция 7.4), а некоторые кодексы будут рассмотрены в лекциях третьей части моего курса?!

Чтобы понять очевидную риторичность вопроса, стоит хотя бы бегло перелистать повестку дня дискурса о кодексах, которая представлена самой структурой этой монографии. Правда, монография посвящена в конечном счете конкретному проекту – «Профессионально-этический кодекс университета», но, на мой взгляд, описывает *инвариантную* повестку дня для исследования и проектирования кодексов других профессий и/или организаций-корпораций.

Открыв Содержание, мы сразу увидим, что такого рода повестка предполагает прежде всего критическое обращение к современной массовой практике этического кодифицирования. Напомню, что в мастер-классе, открывающем часть первую моего курса, был специальный параграф

⁹⁰ *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.

«Матрица анализа практики этического кодифицирования университетов». Полагаю, что применение этой матрицы к анализу практики кодифицирования в самых разных профессиях и/или корпорациях для формирования инвариантной повестки дня сразу позволит поставить ряд трудно отклоняемых вопросов.

* Является ли формат кодекса – этический образ – предметом рефлексии его создателей (во всяком случае в рамках текста), в том числе рефлексии об особенностях кодексов общеморальных, профессионально-этических, корпоративных и т.д.?

* Связаны ли тот или иной формат-образ кодекса с той или иной версией миссии профессии и/или корпорации?

* Или вопрос о скрытом девизе многих текстов кодексов: полагаю, что за многими из них стоит девиз «ни слова о саморегулировании», обремененный такими явными последствиями, как административный язык кодекса и бюрократическое применение самого документа.

Беспристрастные ответы на эти вопросы позволяют утверждать, что критический анализ практики – основание для одной части подзаголовка этого параграфа, формирующего инвариантную повестку дня. Многие кодексы в действительности создаются не как элементы *этической* инфраструктуры, но как инструменты *административной* инфраструктуры. Соответственно, инвариантная повестка дня предполагает путь от критики практики до попытки преодоления «земного тяготения» бюрократического регламента.

Еще один пункт повестки дня дискурса о кодексах, представленный самой структурой этой монографии: формирование (определение, выбор и т.п.) *оснований* – от концептуализации природы «малой» императивно-ценностной системы до институционализации саморегулирования профессиональной корпорации через создание модели кодекса.

Трудно не заметить то значительное место, которое уделено в Содержании монографии проблематике техноло-

гии проектирования этических кодексов – от структуры модели кодекса до характеристики экспертной системы, являющейся субъектом креации кодекса.

Кстати, эта технология содержит в себе профилактику другого (кроме бюрократического регламентирования) типичного «греха» кодификаторов, зафиксированного во второй части подзаголовка этого параграфа – морализаторского утопизма, лишаящего кодекс реальной возможности инфраструктурной поддержки ценностей профессии. «Впадение» в этот «грех» вполне может создать видимость того, что разработчики кодексов учли природу моральной регуляции, тогда как на деле «учтены» лишь *фантомы* моральности.

ИТАК, благодаря возможности предложить читателю-слушателю инновационного курса эту монографию, я уклонюсь здесь от последовательного исполнения алгоритма мастер-класса (см. «Вступительная лекция»), в котором стремился *сбалансировать* представление всех пунктов повестки дня, предполагающей более или менее целостное развертывание концепции этического кодекса. И, в соответствии с подзаголовком параграфа, сосредоточусь на задаче исследователей и проектировщиков кодексов пройти между Харибдой морализаторской утопии и Сциллой бюрократической профанации. А для этого рассмотрю,

во-первых, *миссию* институционализированных профессионально-этических ориентиров в модернизирующемся обществе;

во-вторых, проблему испытания этической идентичности кодекса через соотнесение форматов *этического кодекса* и *этического стандарта*.

НЕ ПРЕУВЕЛИЧЕНА ли мной необходимость преодоления этих тенденций? Оправдан ли здесь пафосный термин *миссия*?

В любом случае, я использовал его вполне намеренно – в рамках особой заботы проектов инновационной парадигмы о профилактике *банализации* этико-прикладной проблематики. Проиллюстрирую этот мотив материалами из поисковой системы Google (заданные для поиска слова «этический кодекс» были дополнены указателем «картинки»):

* текст об этическом кодексе компании: «мы стремимся развивать со своими клиентами долгосрочное сотрудничество, основанное на взаимном доверии и выстраивании партнерских отношений». Иллюстрация: *два робота протягивают друг другу руку*;

* иллюстрация к теме «этика блогера»: два человечка приветствуют друг друга, приподнимая шляпы;

* иллюстрация на сайте «Новый регион» к сообщению о работе Госдумы над этическим кодексом чиновников: седовласый и седобородый мудрец (может быть, Моисей?), подняв руку, провозглашает нечто из большой книги;

* иллюстрация к тексту «этический кодекс следует читать»: рука на папке с надписью «инструкция»;

* иллюстрация к комментарию студента на подписание ректором МГУ текста этического кодекса: плакат в советском стиле – вверху милиционер крепко держит гражданина, и надпись «напился, ругался, сломал деревцо – стыдно смотреть людям в лицо»; внизу – крупно – закрывший лицо гражданин и надпись «стыдно»;

* иллюстрация к статье об исполнении кодекса корпоративной этики: начальник с хлыстом в руках держит кольцо перед побуждаемым к прыжку подчиненным.

Даже на основе этого эскиза (отнюдь не претендующего на то, чтобы набрать побольше «картинок» хотя бы из-за осознания информативной ограниченности *пересказа* иллюстраций), символизирующего феномен кодекса и его значение, можно отметить: в Сети отражены не только трудности изобразительного ряда, но и, со значительной полнотой, *стереотипные примитивы* относительно мис-

сии этических кодексов, а точнее – относительно пренебрежения их миссией.

Стереотипные в своей банальности: наиболее распространенные *упрощения* назначения кодекса – набор этикетных правил и инструкции-регламенты. Банальности, характерной не только для обыденного, но и для профессионального сознания, рефлексирующего феномен кодекса. Не сложно заметить здесь и наиболее распространенный образ этического кодекса как инструмента управления, и типичные серьезные опасения адресатов кодексов за последствия их распространения.

Разумеется, в этом эскизе невозможно найти все *необходимые* (не говоря о достаточных) признаки ситуации в этическом кодифицировании. Но стоит применить матрицу анализа этического кодифицирования к многообразию кодексов профессий и корпораций, как мы обнаружим явную (не)осознанную мотивацию создания документов, намерения и ожидания, явные и неявные цели, преследуемые инициаторами и создателями кодексов.

Обнаружим сильную тенденцию пренебрежения хотя бы попыткой осознания *этической идентичности* кодексов, а при намерении учесть этот параметр – рефлексией схождения-различия профессионально-этического кодекса и кодекса корпоративной этики, проблематизацией соотношения ценностей двух этик. В текстах кодексов мы вообще имеем дело скорее с неотрефлексированными образами морали: индивидуальной, общеобщественной, морали профессиональной и морали корпоративной.

Обнаружим (не)внимание создателей кодекса к *этическому образу* документа: декларированы ли особенности избранного формата кодекса (общеморального, профессионально-этического, корпоративного кодексов), обоснована ли намеренность предпочтения одному из них или их сведения в один текст на основе подчинения, системного сочетания, эклектичного смешения.

Обнаружим факт «счастливого избавления» создателей кодексов от концептуальной проблематизации *оснований* своей деятельности и естественного в таком случае сведения работы над кодексом к сочетанию двух малосостоятельных подходов, порождающих указанные в подзаголовке параграфа крайние подходы. Первый – механистическое перенесение общеморальных требований на сферу образования, медицины, журналистики, госслужбы и т.д. Апеллируя к «общепризнанным нравственным нормам», авторы кодексов нередко «забывают» о профессиональной этике. Профессиональная этика, в том числе миссия *профессии*, ценности *профессии*, нормы *профессии*, *профессиональный долг*, *профессиональное сообщество* и т.д., просто не попадают во многие кодексы.

Второй подход – сведение кодексов к «правилам игры», регламентам-инструкциям, стандартам, практически лишенным морального содержания. Вполне вероятно, что создатели такого рода документов даже и не проблематизировали для себя не только особенности общеморального, профессионально-этического и корпоративного форматов кодекса, но и различие этического кодекса как такового и административного по сути регламента поведения. А характерный для целого ряда кодексов выбор в пользу формата кодекса корпоративной этики просто не обосновывается.

Применение матрицы наглядно подтвердит как распространенность практики (не)намеренной *редукции* сложной нормативно-ценностной системы научно-образовательной деятельности университета, журналистской профессии и т.п. к корпоративной этике, так и последствия такого упрощения: корпоративная (само)идентификация чаще всего порождает *подчинение* профессионально-этических ценностей корпоративной этике, умаление или полное устранение ценностей *высокой профессии* из содержания кодексов.

Рефлексия миссии этического кодифицирования – условие преодоления банализации задачи создания этических кодексов. Такая банализация неизбежно порождает отношение к ним как к формальным документам, бюрократически мотивированным и практически бесполезным (а то и вредным), и уже потому дает поддержку скептикам (и циникам). Скептикам как среди исследователей в сфере прикладной этики, так и в массовом сознании.

Попытаюсь проиллюстрировать тезис о рисках банализации миссии этических кодексов материалами, подготовленными мной для проекта «Этические правила поведения и делового общения государственных гражданских служащих Тюменской областной думы»» (его обстоятельное рассмотрение – в 3-ей части инновационного курса).

После проекта «Кодекс депутата Тюменской областной думы» (он также будет рассмотрен в части 3 инновационного курса) областная дума предложила мне поработать в роли научного консультанта рабочей группы, организованной для нового кодификационного проекта – создания этического документа для сотрудников своего аппарата. Ограничусь здесь лишь одним фрагментом – моим первым выступлением перед участниками группы вероятностным набором скептически-иронических образов будущего кодекса в СМИ, сконструированным на основе журналистских заголовков по поводу обсуждения «Модельного кодекса государственной службы» на экспертно-консультативном совете Госдумы.

* «Повесть о необходимости введения нового мышления среди потенциальных коррупционеров» («Независимая газета»).

* «Повесть об этическом кодексе госслужащего, невинном недомыслии и душевной простоте чиновников» («Независимая газета»).

* «Чиновникам запретят льстить начальству и ходить в публичные дома» («Комсомольская пра-

вда»).

* «Чиновник моральный прямоходящий» («Новая газета»).

* «Святость чиновникам не грозит» («Российская газета»).

* «Этический кодекс: на 16-й год подготовки законодательства об “этичном чиновнике” депутаты ограничились ритуальной риторикой» («Новая газета»).

Программируя обсуждение представленного прогноза, я предложил рабочей группе подумать: можно ли *профилактировать* такого рода вполне вероятный имидж будущего этического документа государственных гражданских служащих областного парламента с точки зрения (а) защиты от *несправедливых* образов и (б) реакции на *рациональные* претензии?

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ рефлексии о *полноценной миссии* этического кодифицирования, в том числе формирование соответствующей повестки дня исследовательской, проектной и образовательной деятельности – задача важная. Но не менее важно и освоение определенного концептуального и проектного *опыта* такой рефлексии. Его можно найти в проектах, посвященных креации кодексов, созданных в рамках инновационной парадигмы. Прежде всего в разделах «Преамбула», открывающих тексты этических документов.

Намеренное акцентирование *миссии* этического документа проявляется в «Профессионально-этическом кодексе ТюмГНГУ». Его миссия характеризуется в первом же абзаце раздела «Преамбула»: Кодекс квалифицируется как *императивно-ценностная декларация* базовых профессий научно-образовательной деятельности университета, как *самообязательство* университетских профессионалов, как *ориентир* самопознания и саморегулирования профессии.

Определяя мотивы и намерения создания Кодекса, его авторы подчеркивают, что в соответствии с двойным назначением профессиональной этики: представлять коренные интересы профессии, защищать свободы и достоинство профессионалов и через эффективное осуществление профессией своего предназначения проводить интересы общества, миссия Кодекса – давать сигнал университетских профессионалов обществу о необходимости кредита доверия с его стороны. Одновременно сигнал «профессионалам», для которых научно-образовательная деятельность все больше становится «деловым предприятием». И далее:

«Кодекс – способ защититься от *огульно* негативных образов университетского профессионала и ответить на *рациональные* претензии общества по поводу его добросовестности, честности и компетентности.

Кодекс – способ моральной рефлексии университетских профессионалов о напряженных ситуациях научно-образовательной деятельности.

Кодекс – шанс удержания миссии *профессии* в ситуации доминирования установок *корпоративной* этики, по своей природе чреватой подавлением *индивидуального* профессионально-нравственного выбора.

Кодекс – «демонстрация флага» университета, его заботы о своей репутации и конкурентоспособности, прямо зависящих от престижа и репутации базовых профессий научно-образовательной деятельности».

Еще один случай акцентирования миссии кодекса наглядно проявляется при анализе раздела «Преамбула» в тексте Тюменской этической медиаконвенции, в его рубрике «Намерения».

В этой рубрике прямо фиксируется один из аспектов миссии Конвенции: «С помощью конвенции мы намерены попытаться собрать “атомизированных индивидов” в про-

фессиональное сообщество – нас могут заново объединить именно общие, согласованные правила.

Мы намерены через конвенцию подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы и правила, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова.

С помощью конвенции мы намерены предпринять попытку *самоидентификации* в новой (неопределенной) ситуации, не вписывающейся в дилемму «СМИ – либо часть пропагандистской машины, либо – инструмент удовлетворения информационных запросов потребителей»».

Характерно: в процессе реализации проекта можно зафиксировать реальное продвижение его участников в понимании еще одного аспекта миссии Конвенции: сообществу предстоит осознать опасность *огосударствления* профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей моральной инстанции. И эта опасность не просто искушает журналистов, предпочитающих позицию «духовного иждивенца», соблазном делегировать свою ответственность, но может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. В текст включена формулировка о том, что своей конвенцией «цех» говорит государству: у нас есть правила и мы просим с нами считаться как с сообществом, способным к саморегулированию.

ОСОБЕННОСТЬ понимания места и роли кодексов в этической инфраструктуре прикладных этик – акцентирование в их миссии потенциала *Кredo профессии*. Особо замечу: такой подход связан с отношением к профессионалу как субъекту морального выбора.

Покажу эту особенность на примере определения участниками проекта «Тюменская этическая медиаконвенция»

статуса раздела «Журналист как субъект морального выбора».

Отношение к журналисту как субъекту нравственных исканий, принятия решения и ответственности, рассматриваемое в этой Конвенции как *кредо* конвенции, обеспечивается с самого начала раздела – он начинается с попытки объяснить смысл самого этого понятия, с утверждения, что *кредо* фокусирует дух профессиональной корпорации, делает Конвенцию документом профессиональной этики.

Содержательная же формулировка *кредо* подчеркивает *доверие* нравственной свободе журналиста, его самоопределению, стремление противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное моральное решение журналиста. Участники проекта ценят готовность журналиста отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров.

Примечательно появление в «Комментариях» к Конвенции тезиса о необходимости противостоять искушению уклониться от морального выбора и ответственности за него, ссылаясь на трудные обстоятельства.

Тезис о том, что раздел «Журналист в ситуации морального выбора» фактически представляет собой *Кредо* профессии, аргументируется уже тем обстоятельством, что журналисты ждали от своей конвенции определенных ориентиров и критериев выбора. И действительно, в процессе реализации проекта понимание его участниками природы морального выбора в журналистской этике существенно продвинулось. Направление движения – от извлечения из собственного индивидуального опыта журналиста факта постоянного принятия решения в ситуации морального выбора до попытки сформулировать рациональные критерии такого решения, прежде всего через соотнесение этического достоинства цели и адекватности/неадекватности этой цели выбираемых средств.

Формат проектируемых в инновационной парадигме прикладной этики этических документов предполагает культивирование компетентности профессионала в проблемах морального выбора. Но предлагаемые кодексами ориентиры не избавляют профессионалов от самостоятельного решения профессионально-нравственных конфликтов.

Кодекс – своеобразная *лоция* для творческого морального выбора в конкретных ситуациях профессиональной деятельности.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ сформулированных выше общих положений о миссии кодексов как ориентационных и регулятивных элементах этической инфраструктуры достигается посредством анализа заметной тенденции зарубежной и отечественной практики профессионально-нравственного нормотворчества – стремления придать кодексам формат «этического стандарта». Стремления, проявляющегося двояко: этот формат рассматривается (а) как очевидное *преимущество* по сравнению с иными форматами кодексов, (б) как *минимальная планка*.

В первом случае подчеркивается, что позитивный эффект формата «этический стандарт» доказан зарубежным опытом, например, развития парламентской этики. Во втором, – связанным с опытом развития журналистской этики, отмечается, что ситуация кризиса в профессии ориентирует на то, чтобы ставить перед сообществом лишь «минимальную планку». Рассмотрю здесь оба случая.

В РАМКАХ работы Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ над кодексом парламентской этики (2000-2001 гг.), – я был приглашен консультантом комиссии – были проведены парламентские слушания «О состоянии и перспективах формирования системы парламентской этики в России» и «круглый стол» на тему «Публичная политика: рос-

сийский контекст и британский стандарт»⁹¹. На том и другом мероприятиях был презентован зарубежный опыт работы со стандартами парламентской этики.

Выступая на «круглом столе», Н. Викс, председатель Комитета по стандартам в публичной сфере (Великобритания), отметил, что этот комитет «должен был исследовать стандарты поведения лиц, занимающих государственные должности, включая нормы и процедуры, регулирующие финансовую и коммерческую деятельность, а затем предоставлять рекомендации по внесению в существующие механизмы изменений, необходимых для обеспечения более высоких стандартов благопристойности в публичной сфере». Выступая на «слушаниях», В. Бейрд, главный консультант Комиссии по этике Сената США, отметил, что в процессе создания парламентских кодексов «шла дискуссия о том, принимать какие-либо четкие, детально прописанные правила поведения или ограничиться какими-то общими принципами – “кредо депутата”, как здесь было сказано. В результате было принято решение, что необходимо некий набор запретительных правил, которые я называю правилами, предотвращающими искушение». Так, «для того чтобы ограничить возможности подкупа депутатов при исполнении ими своих служебных обязанностей, было принято решение о необходимости введения правила ограничения приема подарков вне зависимости от источника дарения и от того, связано ли дарение с исполнением служебных обязанностей или нет».

Как легко можно увидеть, формат «этического стандарта» в этой версии весьма далек от формата моральной нормы. В подтверждение этого вывода приведу рассуждение одного из участников слушаний, директора правового отдела Фонда развития парламентаризма в России, А.С. Автономова, поддерживающего идею заимствования отечественным парламентаризмом зарубежного опыта разра-

⁹¹ См.: Парламентская этика в России / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Издание Государственной думы, 2002. С. 7-70, 71-132.

ботки формата «этический стандарт» и наглядно показывающего, что в основе этого формата – детально расписанные внешние (внеморальные) регулятивы. Утверждая, что «внешнее регламентирование людей при всей его формалистичности необходимо», автор отдает себе отчет, что при создании кодекса в этом формате «моральные нормы ...превращаются в чисто внешние, регулирующие поведение того или иного человека в виде свода правил вне зависимости от того, готов ли внутренне человек к их использованию». И все же заключает: «такой кодекс, конечно, нужен»⁹².

Анализ позиций сторонников внедрения в отечественную практику культивирования парламентской этики формата «этический стандарт» побудил меня при формулировании предложений Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ *проблематизировать* зарубежный опыт кодифицирования деятельности депутатов.

В своих предложениях я отметил, что сегодняшней период существования парламентской этики в России действительно скорее всего можно назвать *пренатальным*. Отсюда неизбежно особое внимание к соответствующему международному опыту. Но отечественному депутатскому корпусу предстоит понять степень сходства и различия традиций разных стран в понимании природы парламентской этики. Например, в американском подходе – и подходе отечественном.

«Там» – скорее *правила*, расписанные до формы стандарта (да еще и запретительного характера), и – в лучшем случае – более общие нормы Кодекса, например, честности, неподкупности, требование действовать в таком духе, чтобы не подорвать доверие к парламенту и т.д. Но без предъявления профессионально-нравственного *кредо*. Об этом свидетельствует, например, документ Американского национального демократического института международ-

⁹² Парламентская этика в России. С. 31.

ных отношений «Парламентская этика: сравнительный анализ».

У нас – пока – иная этическая традиция, скорее противоположного характера: склонность к формулированию высоких этических принципов, не конкретизированных в виде правил. И корпорации отечественных парламентариев предстоит определиться в вопросе о том, сводить ли кодекс к стандартам, *внеморальным* регламентам или создавать его как свод собственно этических принципов и норм.

Достаточно ли, с точки зрения депутатов, в отечественном кодексе подробно, детально, тщательно расписать правила, определяющие прозрачность финансовой деятельности депутата, декларацию его интересов и нормы честного лоббирования? Даже если в кодекс будут еще вписаны и некоторые принципы, например, принципы честности, неподкупности?

«Готовы ли депутаты, – спрашивал я в своих предложениях, – оценить эффективность формата “этический стандарт” с моральной точки»? Действительно, отклонения от этического стандарта поведения – как правило, в сторону понижения – более очевидны, прозрачны для восприятия. Тем самым они не создают особых затруднений при их оценивании: налицо и «факты», и «трафареты». Но ведь стандарты не эффективны в нравственных коллизиях *повышенной* сложности, в отношении поступков с запутанностью мотивов, обстоятельств и последствий решений, полных драматизма. Например, уже само стремление согласовать установки на *успешность* своей деятельности с политической *честностью* нередко ставит депутатов перед труднейшим *моральным выбором*. Здесь обычные позитивные и негативные оценки оказываются малопригодными для того, чтобы охватить ими *нравственные оппозиции* парламентской деятельности. Эти коллизии выводят на противоречия в политической и нравственной культуре общества (парламент – их одновременно незамутненное и искривленное зеркало). Разве эти коллизии не предполагают трудные

нравственные искания, тесно связанные как с национальными особенностями сознания и психологии парламентариев, так и со спецификой становления российского парламентаризма?

ОБРАЩУСЬ ко второму случаю. Для начала рассуждения приведу фрагмент дискуссии журналистов – участников проекта «Тюменская этическая медиаконвенция» (ТЭМК). На утверждение В.З., что *«журналиста нельзя ориентировать лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Нет, не как хочешь, а как должно»*, последовало возражение Е.К.: *«если задрать планку до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают»*.

Сосредоточу внимание на одном из аргументов, приводимых в пользу разработки отечественными журналистами *минимального стандарта профессионально правильного поведения*: разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и кредо, легче всего соберется вокруг такой минимальной планки, как «минимальный стандарт». В процессе работы над проектом Тюменской этической медиаконвенции Ю.В. Казаков – инициатор идеи *«минимального стандарта»* и разработчик нескольких его версий – напомнил участникам одного из проблемных семинаров, что эта идея появилась сначала как чисто игровая, методическая, совершенно не претендующая на свою жизненность. Просто на основе анализа полсотни кодексов он отобрал те схожие моральные нормы, которые для своего применения *не требуют никакой специальной рефлексии, не вовлекают журналиста в ситуацию морального выбора* (курсив мой. – В.Б.), затем они были отредактированы и предложены для игрового проживания.

На игровом семинаре в «Тюменском курьере» команда, защищавшая «минимальный стандарт», успешно освоила и

даже продвинула его содержание. «А дальше, – рассказывает Ю.В. Казаков, – неожиданно оказалось, что с этой идеей можно и нужно работать не только в игровой ситуации, но и в реальной жизни сообщества. Хотя бы потому, что это разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и credo, легче всего соберется вокруг “минимального стандарта”, пусть еще и “сырого” по исполнению. Эту гипотезу и предстоит испытать на примере Тюменской конвенции».

В итоге работы над Тюменской медиаконвенцией в ее состав был включен раздел «Минимальный стандарт профессионально правильного поведения», мотивированный в самом тексте этического документа следующим образом: «Представляя собой ориентиры “первого уровня” для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения “минимального стандарта” объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере массовой информации».

Подчеркну, что автор идеи «минимального стандарта», вполне отчетливо осознавая риск использования термина «стандарт», тщательно взвесил аргументы «за» и «против». Но в дилемме «Российский выбор: кодекс или стандарт?» (так назван соответствующий раздел его монографии) склоняется, как кажется, в пользу своей идеи. Среди аргументов такого выбора – последний абзац в разделе о минимальном стандарте: «Разумеется, может показаться, что некоторые требования минимального стандарта относятся скорее к правилам служебной инструкции, к азам ремесла. Но их нарушение не просто разрушает ремесло, но и подрывает смысл и устои профессии».

Однако идея «минимального стандарта», если она принимается скорее как идея *паллиатива* полноценного кодек-

кса в конкретных отечественных обстоятельствах, порождает уже знакомые вопросы. Во-первых, равноценны ли нормы «профессионально *правильного*» и «профессионально-*нравственного*»? Можно ли отождествить «правила игры» с моральными нормами, даже если это «правила *честной* игры»? Во-вторых, где предел конкретизации норм «минимального стандарта», предел, за которым они теряют свое этическое содержание и переходят в статус административных норм и/или ремесленных правил?

Рефлексия этих вопросов особенно важна потому, что «минимальный стандарт» весьма привлекателен: он ближе к повседневности профессии, он нагляден, здесь сконцентрированы азы ремесла. И атомизированное сообщество отечественных журналистов если и соберется вновь, то, прежде всего, вокруг этого стандарта. Но останется ли в этом случае «стандарт» *этическим* документом? Не превратится ли в инструкцию по «болевым точкам» ремесла для начинающего журналиста, в своеобразную «технику безопасности»?

В поисках ответов на вопросы, возникающие при анализе аргументации в пользу такого формата кодекса, как «этический стандарт», целесообразно обратить внимание на два тезиса. Первый:

«неконкретность» моральной нормы, обычно трактуемая как ее недостаток в сравнении с нормами административными, техническими, правилами ремесла и т.д., является скорее *преимуществом*, заключающимся в отношении к профессионалу как субъекту свободного выбора (и ответственности). Преимуществом именно потому, что моральные нормы требуют рефлексии, вовлекают профессионалов в ситуацию морального выбора.

Второй тезис:

одно из возможных решений – *многоформатность* кодекса, соединение в его рамках минимального стандарта и кредо, миссии и т.п.

В комментариях к тексту Тюменской этической медиаконвенции подчеркнута: «Наша цель – модель конвенции, которая сочетает характеристику высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров и элементарных норм профессионального поведения. Тем самым мы предпринимаем попытку уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа».

И сам Ю.В. Казаков на заключительном семинаре участников проекта «Тюменская этическая медиаконвенция» специально подчеркнул, что «“минимальный стандарт” не отключает моральную рефлексию журналиста. Уже поэтому ему место в Конвенции, а не за ее пределами. И место не любое, а рядом с разделом о моральном выборе».

РАЗВИТИЕ инновационной парадигмы дало возможность продвинуть идею минимального стандарта и конструктивно воплотить это продвижение в проекты по созданию кодексов.

И действительно, если выше шла речь об отношении к этическому стандарту либо как очевидному *преимуществу* по сравнению с иными форматами кодексов, либо как к *минимальной планке*, то в проекте «Профессионально-этический кодекс университета» предпринята попытка системного сочетания раздела «Минимальный стандарт» с мировоззренческими разделами кодекса.

При этом было уточнено само понятие «минимального стандарта». Это видно из динамики содержания соответствующего раздела на старте проекта и на его финише.

Динамика содержания раздела «Минимальный стандарт»

<i>Концептуальное техзадание</i>	<i>Итоговый текст кодекса</i>
«Минимальный стандарт» как способ совместить ригоризм и реалистичность в требованиях кодекса,	«Минимальный стандарт» – не «скидка» в уровне профессионально-этических требований, даваемая со ссылкой на

преодолеть, с одной стороны, ханжество завышенных требований к субъектам научно-образовательной деятельности университета в условиях вполне определенной ситуации в обществе, с другой стороны – попустительские оправдания ссылками на нравы, оборачивающимися уцениванием должного.

«Минимальный стандарт» по силам большинству субъектов научно-образовательной деятельности университета уже сегодня.

«трудные обстоятельства», и не инструкция, отчуждающая университетского профессионала от статуса субъекта морального выбора.

«Минимальный стандарт» – технология правильного исполнения профессии: незнание – неисполнение профессиональных правил подрывает основы профессионализма, не только миссию, но и функцию профессии.

9.3. Этическая комиссия: «ни полицейский, ни священник»

Нравственное саморегулирование «цеха» не завершается актом творения конвенции, кодекса и т.п., а, в известном смысле, лишь *начинается* им. Конечно, конвенция или кодекс – обобщенный опыт «цеха». Но, во-первых, никакой опыт не может быть финальным – он пролонгирован как *жизнь* самого сообщества. И тогда он не «мертвая буква», а «дух». А во-вторых, и кодекс, и конвенция нуждаются в инфраструктурной поддержке, одним из элементов которой являются *этическая комиссия, этический комитет* и т.п.⁹³

«Ни полицейский, ни священник» – так определил роль офицера по бизнес-этике один из участников Первого всемирного конгресса по этике бизнеса в Токио. А я решил применить такое определение в подзаголовке к теме этого

⁹³ Здесь не рассматривается особый статус этического комитета как элемента инфраструктуры, практикуемого прежде всего в сфере биоэтики.

параграфа. Вполне сознавая *ограниченность* приложения метафорической характеристики роли этической комиссии, рискнул, полагая *оправданным* приложение тем, что в концептуальном проектировании этической комиссии наиболее важны соблюдение их *этического* (профессионально-этического) статуса и обеспечение их деятельности в соответствии с природой морального регулирования и ориентирования. Например, «этической комиссии» при работе с кодексом или конвенцией предстоит преодолеть искушение свести свою работу к санкциям и решиться на придание самостоятельного значения *процессу* анализа конфликтной ситуации – иначе говоря, процедура важнее «приговора».

Без рефлексии *этического* статуса называемая *этической* комиссия легко обернется инструментом административного регулирования.

В то же время важно профилактировать настроения, способные спровоцировать профессиональное сообщество на подмену работы с рационально оправданными опасениями за административно-бюрократическое вырождение этической комиссии аффективным отказом от ее институциональной миссии в принципе.

КАК И В СЛУЧАЕ с параграфом о кодексах, мне важно сосредоточиться на *этических основаниях* исследования и проектирования институции «этическая комиссия», рассматриваемой в качестве атрибутивного элемента этической инфраструктуры. Подчеркну значимость такой сосредоточенности тем фактом, что в 38-ом выпуске «Ведомостей прикладной этики» была собрана рубрика «Инфраструктура прикладной этики: этические комитеты и комиссии».

Открывая этот проект, редакторы «Ведомостей прикладной этики» решили предложить потенциальным авторам своеобразную «провокацию-проблематизацию» темы. В роли такой проблематизации выступил фрагмент «техзадания», сформулированного для разработки рубрики «Эти-

ческая комиссия» в Профессионально-этическом кодексе ТюмГНГУ.

В этом «техзадании» сочетались вопросы «техники безопасности» проектируемого элемента этической инфраструктуры, например, профилактика вероятности, что вред от ее возможной бюрократизации превысит позитивный эффект, и вопросы теоретико-методологического плана – например, речь шла о проблеме субъекта моральной оценки, представленной в виде скептического вопрошания-утверждения «А судьи кто?», за которым – известный парадокс моральной оценки⁹⁴.

Выделю два вопроса теоретико-методологического плана, заявленных в «техзадании»: (а) *мотивы* создания комиссии; (б) моральная (не)допустимость=оправданность деятельности комиссии с точки зрения парадокса моральной оценки.

ПЕРВАЯ проблематизация может показаться малозначимой вследствие ее «очевидности». На деле же в этом случае мы имеем аналог проблеме мотивов создания кодексов университетской этики – вспомним элемент матрицы анализа практики кодифицирования «Наличие мотивации создания кодекса в его тексте; содержание мотивации». А обзор кодексов показал: их преамбулы достаточно наглядно проявляют *меру* (не)понимания *этической* природы кодексов.

Значимость работы над мотивацией создания этических комиссий, советов, комитетов покажу на примере давней работы Центра прикладной этики – разработанного в сотрудничестве с Фондом защиты гласности проекта Гражданского консультативного совета по этике на телевидении в 1999 году⁹⁵ в соответствии с тем, что в Хартии телерадио-

⁹⁴ См.: Бакштановский В.И. Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. С. 129-130.

⁹⁵ См. в кн.: Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. Сост. Ю.В. Казаков. 4-ое издание. М.: Медя, 2004.

вещателей было предусмотрено создание Общественного вещательного Совета.

Авторы проекта подчеркивали уже в Преамбуле, что его актуальность «далеко не сиюминутная», что «его мотивация не может свестись лишь к необходимости противостояния известной позиции Госдумы в связи с этической ситуацией ТВ». Не может, ибо основание нашего проекта мы видели «в рациональном отношении к самой ситуации морального кризиса, переживаемого обществом и вольно/невольно отражаемого телевидением». Проект был призван помочь и ТВ, и обществу «прожить долговременную ситуацию морального кризиса с максимально возможным достоинством».

Мы стремились понять *мотивы* разработчиков и сторонников Закона о высшем совете по этике – собственно, ситуация с этим законом и актуализировала наш проект – и предположили, что, возможно, они, «отчаявшись в способности самой морали преодолеть кризисную ситуацию с помощью собственно моральных механизмов, решили применить административно-правовую регуляцию? Возможно, они не различают не только природу морали и нравов, но и природу морали и права и потому решили «исправить» нравственную жизнь общества с помощью *чуждых* морали инструментов?».

Однако, подчеркивалось в проекте, «нельзя не увидеть и в этих, вероятно, благих намерениях запрограммированные шаги «по дороге в ад». Это, полагали мы, «провоцирует тенденции к моральному иждивенчеству, отказу части журналистов от саморегуляции, к делегированию индивидуальной и корпоративной ответственности внешнему регулятору, грозит подменой нравственной роли корпоративного духа цеха судебной инстанцией, отменой цеховой моральной рефлексии».

Наш тезис: «определенная растерянность журналистов перед моральным кризисом, отражающим модернизационные процессы в обществе, с одной стороны, известный цинизм как одна из реакций на кризис – с другой, могут быть

смягчены не карами от имени административно-правовой инстанции, но намеренным культивированием современных нравственных ценностей. Тем более это относится к стремлению медиасообщества вернуть доверие аудитории и общества в целом, восстановить профессиональную честь, гражданскую ответственность ТВ».

И мотив предлагаемого проекта: создание Гражданского консультативного совета по этике на телевидении как «один из способов саморегуляции профессионального медиасообщества и общества в целом в духе ценностей гражданского общества».

Необходимо подчеркнуть связь этого *мотива с идеей* проекта.

Ее первый тезис: «этическая сторона деятельности ТВ *может и должна* быть предметом анализа, суждений и оценок. *Субъектами* этической экспертизы и консультирования могут и должны стать не административно-правовые инстанции, а структуры гражданского общества».

Второй тезис: «Идея Гражданского консультативного совета по этике на ТВ – идея этического консилиума, осуществляемого экспертами в сфере профессиональной медиаэтики и в познании нравственной жизни общества. При этом участникам такого консилиума предстоит поиск, вовсе не похожий на школьную симуляцию поиска, которую провоцирует учитель, знающий ответ заранее. Предстоящий Совету систематический разбор казусов и публикация его материалов даст не просто решение конкретных ситуаций, но и заложит основы *прецедентной* медиаэтики на ТВ и радио».

Мы исходили из того, что «идея проекта опирается на уже продвинутую в медиасообществе идею саморегулирования СМИ. Конструктивной (а не конфронтационной) формой ответа на не подписанный президентом закон о Высшем совете по этике может стать инициирование гражданскими институтами, как академическими, так и правозащитными, альтернативного неправительственного Совета».

Третий тезис: «Предпосылкой идеи проекта является принятие Хартии телерадиовещателей. При этом судьба столь значимого акта во многом зависит от того, как будут толковать декларируемые ею ценности и нормы сами подписанты, а также те, кто будет обеспечивать “внедрение” Хартии (по тексту Хартии — Общественный вещательный совет)».

Четвертый тезис: «Еще одна предпосылка содержится в возможности добровольного этического аудита СМИ».

Особое место в проекте занимала рубрика «Трудности реализации идеи».

«Ожидаемая трудность фундаментального порядка — природа моральной оценки.

Во-первых, это проблема выбора критериев моральной оценки. Акт моральной оценки несет в себе элемент риска, ибо в современном мире от имени Морали одновременно выступают разные нормативно-ценностные системы.

Во-вторых, это проблема субъекта моральной оценки, проблема морального эксперта. Кто может вершить моральный суд, кто имеет право выносить моральные оценки? В поисках ответа на этот вопрос специалисты по этике фиксируют моральный парадокс: действительно нравственный человек просто не может считать себя достойным кого-то судить, а люди, охотно берущие на себя роль учителя и судьи в вопросах морали, обнаруживают самодовольство, что безошибочно свидетельствует о том, что люди взялись не за свое дело. Парадокс моральной оценки: “Те, кто мог бы вершить моральный суд, не будут этого делать; тем, кто хотел бы вершить моральный суд, нельзя этого доверять”».

И мы задали в самом тексте проекта вопрос: «Есть ли решение парадокса?» И там же — ответ: «С точки зрения авторов формулы — нет. На взгляд авторов проекта, решение, пусть и не абсолютное, есть. Аргумент — отличие деловой, профессиональной, публичной этики от этики дружбы и любви. Этические проблемы деятельности ТВ относятся, как мы полагаем, к первой, а не ко второй сфере».

Еще одна ожидаемая трудность: «Моральные санкции имеют скорее неформальную природу. Они делают ставку на моральную самооценку, возбуждение нравственного чувства, то есть на внутренние контрольные механизмы поведения. Совпадут ли ожидания медиасообщества и общества в целом от деятельности предлагаемого проектом Совета с теми санкциями, на которые он только и может ориентироваться?».

Проект констатировал: «Эффективность моральной оценки и санкции может показаться уязвимой в сравнении с гарантированностью эффективного воздействия правовой санкции. Но, во-первых, моральная санкция профессионального сообщества не так уж и неэффективна. А во-вторых, есть и моральные уроки, которые человек, к деятельности которого обращены оценки и санкции, извлекает для самого себя. И здесь мораль незаменима».

И ожидаемая трудность морально-психологического порядка: «даже приняв подход, допускающий возможность положительного разрешения парадокса моральной оценки, Совету предстоит преодолеть весьма понятный скепсис по поводу возможной результативности его деятельности».

Полагаю, что непрекращающиеся с того времени попытки изобретения аналогов декларированному намерению создать Высший совет по этике на телевидении не дают нашему проекту – *прежде всего его профессионально-этическим основаниям* – возможности устареть.

ВТОРАЯ проблематизация – парадокс нравственной оценки, о котором говорилось в проекте Гражданского консультативного совета (ГКС). Этот парадокс ярко представлен А.А. Гусейновым и в учебнике «Этика», написанном в соавторстве с Р.Г.Апресяном, и в статье о моральной демагогии.

Автор развертывает этот парадокс следующим образом: человек, который выносит моральную оценку, должен

«сам являться морально безупречным или, по крайней мере, обладать в этом отношении особой компетенцией... Однако характерной особенностью морально совершенного человека является сознание собственного несовершенства (чувство недовольства собой, скромность), не позволяющее ему становиться в позу судьи, учителя... В то же время человек, охотно берущий на себя роль морального судьи, уже самым этим фактом обнаруживает моральное качество (самодовольство), свидетельствующее о том, что он этой роли не соответствует. Получается: тот, кто мог бы выносить моральные оценки, не будет этого делать (именно потому, что он мог бы это делать), а тому, кто готов выносить моральные оценки, нельзя этого доверять (именно потому, что он готов это делать!)»⁹⁶.

В давней полемике с этим очень сильным подходом инновационная парадигма исходит из особенностей прикладной этики. В цитированном выше проекте ГКС говорилось, что с точки зрения авторов формулы – нет, а авторов проекта Консультативного совета – есть.

Сегодня стоит уточнить и в «техзадании» участникам проекта Профессионально-этического кодекса университета (ПЭКУ) это уточнение: «Есть ли решение парадокса? И есть ли сам парадокс – *если говорить о сфере профессиональной этики?* Вряд ли, если учесть отличие этики публичных арен, в том числе и профессиональной, и корпоративной этик, от этики дружбы и любви. Этические проблемы научно-образовательной деятельности университета относятся скорее к первой, а не ко второй сфере».

В понимании *этических оснований* исследования и проектирования институции «этическая комиссия», рассматриваемой в качестве атрибутивного элемента этической инфраструктуры, сегодня есть возможность опереться на специальную рубрику «Этическая комиссия» 38-ого выпуска «Ведомостей прикладной этики». Для участия в ней

⁹⁶ Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 7.

редакторы пригласили двух постоянных авторов журнала А.В. Прокофьева и А.А. Сычева. Первого из них мы попросили поразмышлять над идеологией и моделью такого элемента этической инфраструктуры, опираясь на анализ зарубежных исследователей и учитывая возможность применения их концепций в российской ситуации. А.А. Сычеву мы предложили проанализировать идеологию и модели этической комиссии в университете вообще – и/или в Мордовском университете.

Анализируя зарубежный опыт, А.В. Прокофьев показал, что «в рамках мейнстрима литературы по этике организаций и профессий необходимость специальной инфраструктуры, обеспечивающей внедрение кодекса на основе консультирования работников в затруднительных ситуациях и применения санкций за этические нарушения, не ставится под вопрос».

В то же время в рамках литературы по общей этической теории «возражений против консультирующих и налагающих санкции этических органов будет гораздо больше». В свою очередь, «основные возражения будут связаны уже не с эффективностью, а с нравственным статусом таких органов». При этом А.В. Прокофьев подчеркивает: «эти возражения имеют различное содержание в зависимости от того, какой из теоретических образов морали их порождает». Образ морали «как одной из высших форм индивидуально-духовно-практического совершенствования» – или «общая», «общераспространенная», мораль.

Рассматривая вопрос об этической комиссии (комитете) университета, А.А. Сычев выделяет в современном университете несколько моделей этических комитетов, учитывающих его сложную многоуровневую структуру. «Во-первых, это *корпоративная* модель, где университет рассматривается как крупный хозяйствующий субъект, декларирующий при этом свою социальную ответственность. Во-вторых, это *судебная* модель, призванная решать различные внутриорганизационные конфликты и споры и наде-

ленная правом применять негативные санкции по отношению к нарушителю. В-третьих, это *экспертная* модель, где комитет выносит ценностные вердикты по поводу определенных действий и оценивает, соответствуют ли исследовательские проекты общепринятым моральным нормам. В-четвертых, это *просветительская* модель, в которой деятельность университета (информирующая, организационная, воспитательная) рассматривается в качестве средства распространения моральных норм и ценностей в обществе».

Автор подчеркивает, что «четкое определение цели является первым необходимым шагом в процессе организации университетского этического комитета. Это поможет исключить случаи ошибочного понимания этического комитета как репрессивно-морализирующего органа, иницирующего “товарищеские суды” или ограничивающего свободу научных исследований, прикрываясь предвзято понятым общественным мнением».

Потенциал открытой в 38-ом выпуске «Ведомостей» рубрики вполне конструктивен. Так, в отношении парадокса нравственной оценки сходную (на мой взгляд) относительно предложенной в концепции ПЭКУ позицию предложил А.В. Прокофьев. «Нравственные оценки в сфере профессиональной этики и этики организаций теряют “глубину проникновения” в персональный мир другого человека. Они выносятся не в смысле окончательного и абсолютного осуждения, а в смысле фиксации несоответствия поступков человека профессиональным или корпоративным стандартам поведения. Заповедь “не судите” в их отношении выступает не как императив, а лишь как повод для определенных опасений».

В ТРАДИЦИЯХ инновационного курса – обратиться к реальному опыту проектирования концептуальной модели этической комиссии. Один из этих опытов получен в рамках проекта, к которому я уже обращался и в этой, и в предыдущих лекциях – проекта «ТЭМК». Полагаю, что реф-

лекция этого опыта даст возможность не просто представить технологическую сторону проекта, показав, как использовались экспертные опросы, интервью, проблемные семинары, игровое моделирование, но и ввести в его идеологию: альтернативы, предложенные авторами проекта его участникам, требования от журналистов рационального предпочтения, связанного с основаниями, закладываемыми как в *назначение* комиссии, так и в ее *состав*.

Итак, мы снова на проблемном семинаре участников проекта «ТЭМК». Этап 3: обсуждение модели этической комиссии.

Ведущий – автор инновационного курса – проблематизировал предстоящую работу с помощью материалов *предварительного экспертного опроса*.

Часть экспертов критически отнеслась к такой модели комиссии, как «нравственный суд». По мнению А. С., *«нравственный суд – это не для постсоветского пространства, где грибоедовское “а судьи кто?” требуют знать чуть ли не с колыбели»*. Р. Г. особо подчеркнул, что *«эта комиссия должна быть лишена каких бы то ни было властных полномочий»*.

В то же время экспертами был выдвинут и иной подход. Суд – не суд, однако, по мнению Ю. П., *«комиссия должна быть той инстанцией, куда не хотел бы попасть ни один порядочный, совестливый журналист, редактор, издатель и ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. Добьемся этого – можно считать, что главная задача общества выполнена»*. Вероятно, солидарен с этим подходом и В. З.: *«Если мы “сводим” конфликтующие стороны и пытаемся наладить диалог между ними, это не значит, что мы должны уклоняться от оценки действий каждой из сторон. Мы – комиссия – имеем право сказать свое мнение о том, кто как поступил. Как же в морали без вполне определенной оценки?»*. «Своеобразный суд» – так видит комиссию В. Г.: *«Этическая комиссия – своеобразный суд присяжных, которые*

будут давать оценку: хорошо это или плохо, кто прав, кто виноват. Если виновен, от имени комиссии можно обратиться к издателю с просьбой убрать этого человека из газеты или вынести предупреждение».

Наконец, есть сторонники и противники у каждой из моделей состава комиссии: либо «чисто» цеховой, при которой никто не будет «выносить сор из избы», либо комиссии, которая включала бы и представителей гражданского общества, – чтобы придавать обсуждаемым проблемам журналистики общественный статус.

Аргументы для предпочтения первой из этих моделей можно найти в высказывании В. К.: *«Из двух вариантов этической комиссии я предпочел бы тот, который подразумевает работу в ней людей, связанных одной профессией – журналистикой. Мы – народ вообще-то не глупый и сами все прекрасно понимаем. Да и с точки зрения этики не стоит выносить “сор из избы”. Кому лучше от того, что мы будем вытаскивать этот сор каждый из своей редакции?».*

Аргументы для предпочтения второй модели, подразумевающей гражданско-профессиональный состав комиссии, содержатся в позиции Р. Г. *«На мой взгляд, вторая модель имеет преимущество. Да, может быть такая комиссия и “выносит сор из избы”, но зато в избе будет чище. А если комиссия состоит только из журналистов, обсуждающих конфликт келейно, в своем узком кругу, пользы не будет. Коллеги друг друга не очень боятся. Ну не подал я руки одному, второму, третьему. И что? Им скорее неприятно, что я напишу в газете о том, что не подаю руки такому-то и почему».*

ПОСЛЕ вводного обзора, проблематизирующего предстоящую работу, участники семинара разделились на группы. В одну из них вошли те, кто считает, что этическая комиссия в тюменском сообществе журналистов нужна и при этом она должна выполнять функцию некоего «нравственного суда», то есть выносить в соответствии с нормами

Конвенции моральные оценки, суждения, рекомендации для тех, кто попал в поле зрения комиссии. Во вторую группу вошли те участники семинара, кто полагает, что этическая комиссия нужна, но единственная роль, на которую она может претендовать – это роль консультативно-экспертного совета, призванного помочь обращающимся к этому совету с просьбой рассудить ситуацию; при этом эксперты не имеют административных полномочий и вообще не могут ни карать, ни миловать. Наконец, третья группа – участники семинара, считающие, что в принципе словосочетание «этическая комиссия» в Конвенции звучать не должно, ибо такая институция категорически не приемлема в любой ипостаси.

По итогам работы внутри групп каждая из них предъявила свои аргументы. Первой изложила позицию группа, полагающая, что этическая комиссия в сообществе журналистов нужна, а по своей модели это должна быть комиссия с функциями нравственного суда, с правом моральных оценок и санкций. Л. М.: *«Комиссия не должна, конечно, наказывать рублем, но донести до общественности свою точку зрения, продемонстрировать свою позицию в сложившейся ситуации необходимо»*. Т. Т.: *«Мы исходим из необходимости нравственного суда в сегодняшних условиях существования журналистского сообщества. Для этого есть совершенно реальные, объективные причины»*. Ю. П.: *«Комиссия должна давать оценку тому, что она считает приемлемым для СМИ в этическом плане или не считает приемлемым»*. С. Ф.: *«Оппоненты могут спросить: а судьи кто? У нас нет недостатка в людях, которые могли бы вершить суд, если говорить высоким слогом. А как наказывать? Выводить за рамки журналистского сообщества. Я не думаю, что это проходит бесследно»*.

Вторая группа представила свою коллективную позицию в выступлении Е. К. Спикер сказала, что группа исходит, во-первых, *«из здорового скептицизма: хотелось*

бы, чтобы у нас была комиссия, о которой говорят коллеги, но в реальности мы видим очень мало людей, способных, работая в комиссии, полностью отрешиться от личных отношений. Даже призы раздать и то очень сложно, чтобы не возникли личные обиды и т.д. А когда речь идет о наказании – еще сложнее. И если комиссия будет обладать судьейскими правами, личное давление на ее членов возрастет во много раз».

Во-вторых, «в группе обсуждали, может ли комиссия сама инициировать разбор каких-то ситуаций, когда кто-то из журналистов грубо нарушает профессионально-нравственные нормы. Мы считаем, что да, в исключительных случаях это должно происходить. Комиссия должна собираться, обсуждать такие случаи, высказывать свое мнение (и не более того)». Е. К. подчеркнула, однако, что «прежде всего комиссия должна оставаться местом, куда журналист может прийти за советом по поводу ситуации морального выбора. Безусловно, сюда может прийти обиженный читатель. Но, опять-таки, комиссия лишь выражает свое мнение, которое журналист принимает или нет, воздействовать на него комиссия в реальности не может. Просто журналист услышит мнение своих коллег, которые осуждают его или одобряют».

В-третьих, «комиссия должна доводить до граждан позицию журналистского сообщества. Это не наказание, а информирование. В целом же комиссия – это едва ли не главный аргумент существования конвенции».

От третьей группы сначала выступила Е. П.: «Уже прозвучало: “а судьи кто?”. И наша группа тоже задает этот вопрос. Все наши корифеи журналистики прошли партийную школу. Я думаю, что если эти люди попадут в комиссию, их партийный подход все равно останется. А я не хочу возвращения парткома. Других же авторитетных людей, которые способны возглавить комиссию, пока нет». Ю. К. отметила, что «в переходные периоды, как из-

вестно, уровень общественной морали несколько падает – старые идеалы разрушены, новые еще не сформированы. Я думаю, что в такое время мы и живем. Поэтому происходит и раскол в нашем “цехе”. И пока не сложатся объективные условия, создание комиссии может быть преждевременно, несколько искусственно. А если принимать волевые решения, это может принести дополнительный раскол в наши ряды».

Обосновывая свое участие в работе третьей группы, А. С. сформулировал существенное ограничение. «До тех пор, пока мы будем сузубо профессиональные этические вопросы путать с организационными и со всеми прочими нашими проблемами, я буду опасаться этой самой комиссии. Для того чтобы решить: нужна комиссия или не нужна, надо для начала полностью устранить саму возможность подмены функций комиссии. Исключив это, можно обсуждать идею комиссии – потому что на самом деле такие комиссии очень нужны».

Какой же вариант модели комиссии выбрать? Прозвучало три предложения. Ю. П.: «Давайте все-таки создадим такую комиссию, оговорив, чем она будет заниматься. Например, “минимальный стандарт” – это минимум того, что должен делать порядочный журналист. Давайте и создадим комиссию, которая будет следить за соблюдением этого “минимального стандарта”. Она не судит, а лишь признает нарушение. И все! Просто говорит: “Этот журналист время от времени нарушает профессиональную этику, поэтому будьте внимательны”. Это точно так же, как “сопроводилка” к любому продукту, например, “не давать детям до шести лет!”. Она просто сделает наклейку: “это издание постоянно нарушает конвенцию, поэтому будьте внимательны”. И все!». В. К.: «Нужно сойтись на том, чтобы попробовать создать эту комиссию – хотя бы на какое-то время». Ю. К.: «Не поддавайтесь сейчас разным эмоциям. Договоритесь до одного: первый год комиссия будет консультативным ор-

ганом. *Дайте себе зарок: не будем третейским судом! Через год подрастут моральные авторитеты – на них можно будет возложить некую функцию третейского суда от имени сообщества, но с внятным пониманием ограничений».*

Подводя итог дискуссии, Ведущий подчеркнул, что ее окончательное завершение произойдет за пределами семинара, в частности, в процессе деятельности Правления СЖ Тюменской области.

В то же время Ведущий отметил, что материалы экспертизы позволяют считать более целесообразной модель «экспертно-консультативной комиссии». В этом варианте субъектами профессионально-этической экспертизы и консультирования могут и должны стать не административно-правовые инстанции, а структуры гражданского общества. Реально речь идет об идее этического консилиума, осуществляемого экспертами в профессиональной этике и в проблемах нравственной жизни общества в целом.

Систематический разбор казусов и публикация его материалов даст не только решение конкретных ситуаций, но и заложит основы *прецедентной* профессиональной этики.

В выборе предмета своих суждений и оценок такая комиссия ориентируется на те аспекты Конвенции, которые касаются «чисто» моральных аспектов деятельности СМИ. При этом особое место занимают проблемы, которые Конвенция связывает с защитой общественных интересов.

ОБРАЩУ внимание на значимый эффект самопознания профессионального сообщества, на важность самого *процесса* нравственных исканий профессионалов.

Эффективность работы участников семинара над идеей этической комиссии проявилась прежде всего в том, что в конечном счете почти удалось снять антагонизм между двумя альтернативными моделями комиссии: будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*?

Показательно, что в результате игрового моделирования этой ситуации выбора на семинаре сторонники первой модели во многом отошли от модели «нравственный суд».

Мерой их движения навстречу оппонентам стала позиция, согласно которой в ситуации конфликта комиссия «сводит» стороны и пытается наладить диалог между ними, не уклоняясь от оценки действий каждой из сторон. Комиссия имеет право сказать свое мнение о том, кто как поступил. В этом смысле сторонники первой точки зрения теперь считают, что комиссия должна стать инстанцией, к которой не хотел бы попасть ни один совестливый журналист, редактор, издатель, ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. *«Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена».*

Сторонники второй модели продвинулись навстречу оппонентам, теперь уже выступая не против права комиссии на моральные оценки, а лишь проблематизируя возможность собрать в составе комиссии *моральных авторитетов*.

Соответственно, в последнем варианте текста ТЭМК появилось положение о том, что наиболее реальной в сложившейся в сообществе ситуации является *экспертно-консультативная* модель комиссии.

При этом в дискуссионном вопросе о *составе* комиссии найдено решение, согласно которому предпочтительнее модель комиссии, состоящей не только из самих журналистов, но и представителей гражданского общества. Аргумент этого решения: в этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования «внутрицеховых» конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

Соответствующий фрагмент Конвенции в итоге выглядит следующим образом:

«Профессионально-этическая сторона деятельности журналистов может и должна быть предметом анализа, суждений и оценок, направленных на саморегулирование “цеха”, его развитие и постоянное самоочищение. Одной из институций, регулирующих жизнь “цеха” в духе конвенции, является этическая комиссия.

Наиболее целесообразной при сложившейся в сообществе ситуации является экспертно-консультативная модель комиссии.

По своему составу предпочтительнее модель комиссии, в которую входят не только сами журналисты, но и представители гражданского общества. В этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не только инструмент саморегулирования “внутрицеховых” конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений журналистами свободой слова.

В определении предмета своей деятельности комиссия ориентируется на те аспекты Конвенции, которые касаются моральных сторон деятельности СМИ. При этом особое место занимают проблемы, которые Конвенция связывает с защитой интересов общества.

Предмет обсуждения на комиссии: во-первых, этический аудит продукции тюменских СМИ, которую они предлагают сами; во-вторых – темы, предлагаемые общественными организациями и гражданами, апеллирующими к той или иной части “минимального стандарта” как элемента Конвенции. Такие темы становятся предметом работы комиссии безусловно. Иные темы, предлагаемые гражданами или журналистами, обсуждаются лишь по согласованию с комиссией.

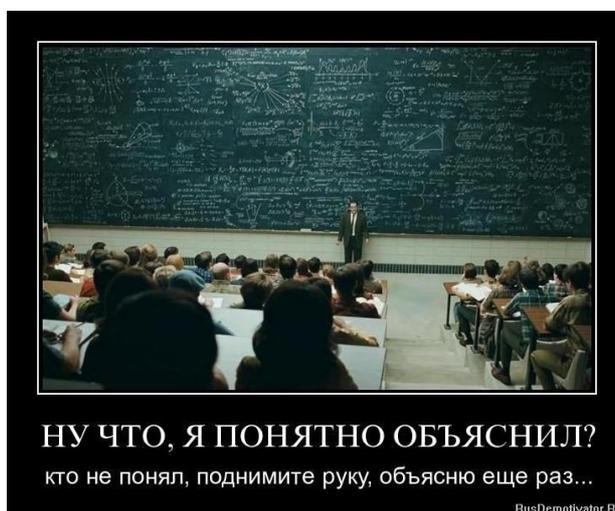
Материалы работы комиссии, в том числе и сделанные ею обобщения и заключения, публикуются в специальном бюллетене комиссии и на специальном сайте в Интернете – для знакомства с ними широкой журналистской общественности, которая, в свою очередь, может

проявить гражданскую и профессиональную заинтересованность в этих вопросах и в самых различных формах (в СМИ и Интернете) выскажет свое отношение».

Надо ли напоминать читателю и слушателю инновационного курса, что представленная здесь рефлексия на тему модели этической комиссии состоялась десять лет назад? Что многое изменилось и в журналистской практике, и в жизни гражданского общества? Что за это время и профессия, и общество столкнулись с негативным опытом. Но в то же время появился и растет опыт позитивный. Например, в сфере журналистской этики – создана и эффективно работает Общественная коллегия по жалобам на прессу (ОКЖП). Ее концептуальные аспекты и множество кейсов представлены как на сайте Коллегии, так и на страницах «Ведомостей» НИИ ПЭ – в текстах сопредседателя коллегии и, одновременно, сотрудника НИИ ПЭ Ю.В.Казакова⁹⁷.

Появился и новый опыт проектирования моделей этической комиссии – он представлен в проекте ПЭКУ.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

⁹⁷ См., напр.: Ю.В.Казаков. Вторая попытка – или все же другой горизонт? *Со- и саморегулирование* в российской медиасфере как опыт конструирования будущего // Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011.

Учебное издание

Бакштановский Владимир Иосифович

**Прикладная этика:
инновационный курс
для магистр(ант)ов и профессоров**

Часть вторая

Редактор выпуска И. А. Иванова

Подписано в печать 13.11.2012.
Формат 62х90/16. Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 300 экз. Заказ № 2270.

НИИ прикладной этики ТюмГНГУ.
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
Контактный телефон: (3452) 46-92-44.
E-mail: priclet@tsogu.ru.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г. Тюмень, ул. Киевская, 52.